

Ирина Михайлова

Волчата

(повесть)

1

- Богатырёв Артём Сергеевич. Отец осуждён. Мать лишена родительских прав. Решением суда определён в детский дом. Бежал. Пойман на Казанском вокзале, доставлен в распределитель, затем сюда, - директор, лет пятидесяти, но уже седой, в стареньком сером костюмчике с затёртыми до блеска рукавами снял очки, аккуратно положил их на стол, следом небрежно бросил характеристику, которую только что читал вслух, и посмотрел на высокого худого парня, коротко остриженного, в спортивных узких чёрных штанах и белой майке. В руке он держал чёрную толстовку на молнии, явно ему не по размеру.

Его направили только что из приёмника-распределителя, куда попадали беспризорники, пойманные без документов на вокзалах, найденные в подвалах и схваченные на чердаках и в подъездах. В сопроводительных бумагах значилось, что он сбежал из Томилинского детдома, где содержался год, и что сам детдом от своего воспитанника отказывается и просит направить его в школу закрытого типа для трудных подростков, в народе называвшийся специнтернат для малолеток.

Теперь перед директором стоял сложный выбор – взять бегуна к себе или отправить дальше. Правда, дальше было некуда. Интернат был последним местом пребывания таких, как этот парень. Дальше – только колония.

Был ещё психоневрологический интернат, или коротко дурка, но попадать туда директор не пожелал бы никому. Дуркой запугивали, грозясь за побег или драку отправить туда, поэтому страх перед ней буквально парализовывал, вмиг успокаивая самых шумных. Там содержались дети с серьёзными отклонениями - задержками в развитии, слабоумием разной степени сложности, неврологией. Кто-то из них к концу девятого класса не умел читать, у кого-то в шестнадцать было развитие восьмилетнего. Ко всему этому драки до крови, до переломов, бесконечные попытки самоубийств, побегов – рутина в дурке. Методы же воспитания там были очень просты - наиболее буйных привязывали к кроватям и закрывали на ключ двери, чтобы никто к ним не входил. Через несколько часов те сами выбивались из сил и успокаивались.

Специнтернат была немногим лучше, но в сравнении всё-таки выигрывал.

- Положи вещи. Разговор будет небыстрый, - велел парню директор, и тот недовольно швырнул на пол толстовку, расправил широкие плечи и вдохнул всей мощной молодой грудью.

За много лет работы директор видел разное и ко всему привык. Видел матерей с тусклым нетрезвым взглядом, лепечущих что-то невнятное. Видел бабушек, не справляющихся со своими внуками-сиротами, отбившимися от рук, одиноких отцов, считающих, что их сыновьям будет лучше здесь – с другими такими же мальчиками. Дядей и тётей, желающих поскорее избавиться от лишних ртов и лишних проблем. Все эти разные люди были похожи в одном – они стремились как можно быстрее уйти, скрыться, чтобы больше никогда сюда не возвращаться, словно маленький кабинет был заражён чумой и стал для них проклятым местом, откуда все бегут, где стараются реже дышать, чтобы не наглотаться отравленного воздуха.

Воспитанники тоже бывали разные – испуганные, агрессивные, покорные. Первые казались смирившимися, но только потому, что ещё не осознали, куда попали. Такие обычно тихо плакали, пока оформляли их бумаги, а потом отказывались идти, падали на пол, начинали рыдать, цепляться за взрослых. Их пытались поднять, вывести силой, а они не давались. Это всё затягивалось до тех пор, пока у них не заканчивались силы. Агрессивные сразу начинали требовать к себе особое внимание, кричать о своих правах. Таким потом приходилось хуже всего – ведь в интернате начиналась совсем другая жизнь, где они были никем, и где им быстро указывали на место. Но самыми непредсказуемыми были тихони – они сначала покорно ждали своей участи, потом так же покорно шли за своим воспитателем, но сбегали при первой же возможности.

За девять с половиной лет директор мог, как ему казалось, предугадать любое поведение. Поэтому, только взглянув на Артёма, он понял – тот из тихонь, а значит, с ним будет сложно. Впрочем, легко здесь никогда не было.

Артём стоял, засунув руки в карманы. Ему не хватало бутылки пива или сигареты – это смотрелось бы сейчас очень кстати. Директор снял пиджак, который всегда снимал и вешал на спинку стула, если волновался, принимая важное решение, и скрестил на груди руки.

- Ну что, - начал он, - рассказывай, почему ты сбежал из детдома?

Артём усмехнулся, отвернулся от директора и щёлкнул языком. Но директор продолжал внимательно на него смотреть.

- Понимаешь, какое дело, - директор выждал паузу, - детдом тебя перенаправил к нам. Знаешь, что это значит?

Артём опять усмехнулся, но по-прежнему не сказал ни слова.

- Это значит, - продолжил директор, - что туда ты уже не вернёшься. Ты им там не нужен. Они тебя отправили дальше – в свободное плавание, а точнее, к нам. Ко мне, то есть. Понял?

Артём опять ничего не ответил, только хмыкнул, точно директор говорил очевидные вещи, которые были понятны с самого начала.

- Но и я тебя брать не хочу. Сам посуди – побег, драки. Мне это зачем? У меня здесь двести таких, как ты.

- Драку не я начал, - сказал, наконец, Артём, и директор от неожиданности привстал. Голос этого подростка, грубый, прокуренный, уже начавший ломаться, но ещё не сформировавшийся окончательно, потому хриплый и низкий, звучал тяжело. Ему словно было сложно управляться со своим голосом, и он говорил с трудом, медленно, стараясь уменьшить количество произнесённых с таким напряжением слов.

- А в характеристике написано, что ты, - поправил директор.

- Они тебе напишут! Сам же сказал – спихнуть хотели.

Директор вздохнул и опустил глаза в бумаги Артёма.

- Ну хорошо. Допустим, драку начал не ты. А побег?

- А что мне было делать? Ждать, пока мне нож ночью всадят? У нас чё, думаешь, там детский сад был? Пожрали, погуляли, поспали? Жить хотелось – вот и сбежал. Ты бы не сбежал?

- Может быть, - согласился директор, - но теперь-то как быть? Здесь ты явно находиться не хочешь. Да ты здесь и не приживёшься. Сразу видно – ты наглый и гордый. Вон как стоишь! Руки в карманах. Огрызаешься. Тыкаешь мне. А мы с тобой ещё, как говорится, из одной бутылки не пили.

Артём вытащил руки из карманов.

- Это, во-первых. А во-вторых, у нас бегунов не любят. После каждого побега наказывают весь интернат. Кому это нужно? У моих пацанов и так радостей в жизни мало. Да и мне проблемы не нужны. Так что я тебя направлю в другое место – и сбегай, дерись, хамя, сколько хочешь.

Артём опять положил руки в карманы, затем вытащил их и помялся на одном месте, словно никак не мог найти себе удобное положение. Потом посмотрел на седого директора, щёлкнул языком и ответил:

- К дебилам что ли решил спихнуть?

- Могу и к дебилам, – директор снова надел и тут же снял пиджак, - это уж моё дело. Мне тут решать.

- Ну ясно, начальник, - Артём пожал плечами и отвернулся.

На самом деле, он не понимал, к чему весь этот разговор. Никто никогда не спрашивал у него – чего он хочет. Его просто отправляли туда, куда считали нужным. Если директор решил отправить его в дурку, значит, отправит.

- Почему ты сбежал из детдома? – повторил свой первый вопрос директор.

- Я же сказал – застремался.

- Куда ты ехал с Казанского вокзала?

- К отцу.

- А ты знаешь, где он?

- Знаю! Сидит в Шексне. Да я бы к утру уже там был, если бы менты не взяли,

- Артём щёлкнул языком сквозь зубы и оскалился.

- А вот я думаю, – директор повысил голос, – что ты в детдоме не прижился, потому что там свой характер надо смирять. А ты не умеешь.

- Ты сам-то умеешь? – огрызнулся Артём.

- Да что я с тобой вожусь! – директор махнул рукой, - у меня своих проблем хватает! Направлю в неврологический – и дело с концом!

- Да направляй! Нужна мне твоя шарага! Плевать! - Артём действительно плюнул на пол, прямо себе под ноги, на ковёр. - Всё равно свалю. Я откуда хочешь свалю.

- Оттуда, - директор угрожающе поднял палец вверх, - ещё никто не свалил.

Он встал, прошёлся по кабинету, то и дело поправляя полосатый галстук и отдёргивая не очень чистый ворот белой рубашки.

Кабинет, маленький, тёмный, с тусклыми выцветшими обоями и потёртым, с грязными разводами ковром, с диваном, который был уже весь в дырах, из которых торчал белый пух, со столом, заваленным отчётами, документами, папками, заявлениями, внушал одну тоску.

- Сколько же было всего в этом кабинете, – сказал то ли Артёму, то ли самому себе директор, - слёзы, крики, ругань. И ни одной благодарности. Ни одной! Ты думаешь, ты тут самый несчастный? Матери нет, отец в тюрьме? Да ты выйдешь отсюда через два года и будешь жить так, как хочешь. А я здесь

уже десять лет словно каторгу отбываю. А, - директор махнул рукой, - тебе-то что! Тебе же плевать на всё.

Раздался громкий стук в дверь, и следом вошёл полицейский в форме.

- Ну что? Забирать его обратно или как?

- Подождите минуту. Мы ещё не договорили, - раздражённо ответил директор.

- Слушайте, начальство уже обзвонилось. Телефон обрывает. Мне ещё двоих развезить надо. Не много ли времени на одного беспризорника?

Директор поморщился. Полицейский пожал плечами и вышел.

- Не люблю я этого. Вваливаются каждый раз, как к себе домой, - пояснил директор и ещё раз просмотрел глазами характеристику Артёма, занимавшую всего два листа. Два листа, на которых уместилась вся его маленькая, но насыщенная и непростая жизнь.

- Отец-то знает, где ты? – спросил директор.

- Откуда? - не сразу ответил Артём. – Ему ж десятку дали. Ещё долго сидеть. Может, он вообще умер уже.

Он отвернулся и посмотрел в окно директорского кабинета. Оно было маленькое, в грязных мыльных разводах, но без решёток. За две недели в распределителе он уже отвык от таких окон – там на всех были решётки, а сам распределитель обнесён высоким забором с колючей проволокой. Артём смотрел пристально на дерево, которое росло прямо под окном – большое, высокое, красивое, с зелёными, но уже кое-где начинающими желтеть листьями. От сильного ветра ветки дерева бились о стекло, словно просились внутрь. Артём не мог отвести взгляд, директор заметил это и пояснил:

- Хотел спилить, но жалко стало. Кажется, всю жизнь в этом кабинете провожу – так я по листьям хоть время года определяю. Нет листьев – зима. Есть – лето. Вот как-то так.

- А весну и осень как определяешь?

- Вот с этим уже сложнее, - улыбнулся директор.

- У нас в детдоме тоже дерево росло. Я по нему как раз из окна и вылез, когда бежал.

- У нас не вылезешь.

- Посмотрим.

- Ну так что? - опять нетерпеливо заглянул полицейский.

- Посмотрим, - повторил задумчиво директор и кивнул полицейскому, что означало – «оставляем».

Тот радостно дал бумаги на подпись – распределители были переполнены, и он не хотел везти Артёма обратно в душную и тесную общую комнату, забитую под завязку такими же точно бегунками.

Директор расписался, и Артём был передан ему уже совершенно законно.

...

Специнтернат, в который попал Артём, находился в Раменском – в сорока пяти километрах от Москвы. Содержались там только мальчики, особо трудные для воспитания, так называемые, сложные подростки. Интернат был закрытого типа, поэтому жили здесь все дни, включая выходные и праздники, только на лето уезжая на море или в санаторий, но даже там воспитанники жили своим тесным замкнутым коллективом под замком и за решётками. Родители в интернат не допускались, только очень редко и по особому распоряжению директора, но они сюда и не стремились.

Интернат стоял на окраине города, недалеко от железнодорожных путей и был со всех сторон окружён высоким забором, потому казался неприступным, словно крепость или тюрьма. Учились здесь с пятого по девятый класс, а затем воспитанники направлялись в техникумы в городе или по месту жительства.

Сам город Артём так и не увидел, хотя понял, что он довольно большой – пока ехал в автозаке из распределителя, успел посмотреть в окошко и увидеть большой Макдональдс, полуразрушенную фабрику из красного кирпича, похожую на ту, что была в его родном городе, церковь и множество домов, раскинувшихся вдоль широких улиц. В таком крупном городе он ещё не был. В Люберцах, откуда он был родом, успел как следует изучить только район, где родился, а в Томилино они с парнями ходили только в лесополосу да ездили в Красково драться с местными. А сейчас автозак ехал по городу долго, и казалось, что Раменское почти такой же большой, как и Москва, хотя в самой Москве Артём ещё ни разу не был.

С первого взгляда интернат был похож на обычную школу. На первом этаже находился холл, пост охраны, спортивный зал, раздевалки. Охранник, как и везде, хмурый и старый, сидел на одном месте и смотрел крохотный чёрно-белый телевизор, что стоял на его столе. На Артёма, которого привели двое полицейских, он почти не взглянул – такая картина была привычной здесь.

На втором и третьем этаже были классы, столовая, туалеты, актовый зал. Всё, как в обычной школе, в которой Артём учился до шестого класса. Интернат отличался только тем, что на всех окнах стояли решётки, двери запасных выходов были наглухо закрыты, а четвёртый этаж служил спальней.

Артём вместе с нянечкой, которая провожала его в спальню, поднимался вверх. Коридоры были практически безлюдны – воспитанники сидели по классам. Только из-за дверей кабинетов доносилась ругань, стук чего-то тяжёлого о парту, взрывы смеха и гогота.

- Никогда здесь тишины не бывает, - поясняла нянечка, немолодая, но ещё и не старая женщина, с густыми тёмными волосами, собранными в пучок, в синем халате, наброшенном сверху на кофту и юбку, с огромной связкой ключей от всевозможных дверей. – Беснуются вечно как черти. Ты, небось, тоже не тихонький?

Артём не ответил. Он заметил, как несколько парней вышли откуда-то с противоположной лестницы и изучающе посмотрели на Артёма, потом переглянулись и зашли в класс.

- До семи часов в спальне никого нет, - пояснила нянечка, когда они поднялись на четвёртый этаж, - днём все в классах, а сюда приходят только после ужина. Я этаж закрываю, чтоб не шастали.

Она открыла дверь ключом.

- Вот туалет, - она показала на дверь сразу около входа в спальню.

Артём зашёл. Туалет был разделён на два отсека. В одном в ряд стояли одинаковые маленькие раковины. В другом – такой же ряд унитазов, отделённых друг от друга только тонкой перегородкой. Дверей не было.

- А поссать без свидетелей не получится? – спросил Артём.

- Захочешь – посышь, - ответила нянечка и пошла дальше, - вот душевая.

В душевой из потолка торчало несколько больших леек, а по стенкам висели крючки для полотенец. Был ещё маленький предбанник с несколькими лавочками – вот и вся душевая. Артём промолчал, вспомнив, как в детдоме они мылись в нескольких душевых по очереди, а здесь придётся всем вместе, вповалку.

Спален было четыре – две для младшей и две для старшей группы. В младшую группу входили мальчики с пятого по седьмой класс. В старшую – с восьмого. Артём был в восьмом, поэтому его определили в спальню для старшеклассников. Она из себя представляла тридцать одинаковых кроватей.

Никаких тумбочек для вещей не было. Нянечка указала на одну из кроватей, единственную не занятую здесь, которая стояла у самой двери. Артём бросил свою сумку рядом с ней и занял, таким образом, место.

- Ужин через час в столовой, - пояснила нянечка, - спустишься сам. Отбой в десять. Подъём в семь. Не первый раз в казённом доме?

- В детдоме год жил. И в распределителе две недели.

- Ну тогда уже бывалый! - и она ушла, оставив Артёма одного.

Он огляделся. Все кровати были заняты. По жизни в детдоме он уже многое знал, например, что авторитеты обычно спали у окон. Их кровати были всегда идеально заправлены, потому что заправляли их не они, а те, кто им прислуживал. Дальше спали самые близкие к авторитетам, кто бегал по их поручениям, так называемые, шестёрки. Потом спали в порядке значимости. А у двери - новенькие или изгои. Их кровати обычно вообще не заправляли, сверху на одеяло набрасывали покрывало, кучей сваливали чью-то одежду. По кроватям Артём сразу определил, что авторитет справа у окна, значит, с ним и нужно было переговорить и, по возможности, как можно скорей договориться. От того, что решит авторитет, зависела вся жизнь новенького – примут его или нет, кем он станет – шестёркой, приближённым или изгоем. Артём раньше всегда держался середины. Он не любил быть слишком близко к авторитетам и не любил с ними спорить. У него всегда была одна цель – выжить. Дома с матерью, в детдоме, теперь здесь.

Артём подошёл к окну. Сквозь решётки был виден забор, спортивная площадка с турниками, часть футбольного поля. А за забором плотным рядом росли деревья с пожелтевшими осенними листьями, словно специально отгораживая интернат от остальной части города. Были видны дома – обыкновенные, с ярким светом в окнах. Там жили люди, которые ничего не знали о жизни здесь и, скорее всего, даже не задумывались, что происходит за этим забором. Сейчас в одном из окон виднелся силуэт женщины. Она стояла у плиты и что-то помешивала в кастрюле. Артём ненавидел и этих людей, и эту женщину. Ненавидел даже больше интерната, больше директора и нянечки, больше матери и больше детдома. Почему он их так ненавидел – он и сам не знал, но чувство жгучей ненависти больно разливалось где-то внутри и заставляло скалиться и сжимать кулаки, когда он смотрел на эти яркие тёплые окна.

Он вернулся и сел с ногами на свою новую кровать, засунув под неё сумку. Нужно было дождаться ужина и затем решить, что делать дальше – оставаться здесь или бежать. А если бежать, то как? Сбежать отсюда намного сложнее,

чем из детдома. Охранник на входе, решётки на окнах... Но всё-таки, Артём был уверен, сбежать можно, надо только присмотреться, отдохнуть немного и поискать выход.

...

В столовой, куда Артём спустился на ужин, было шумно, душно, жарко. Пахло горячей едой – кашей, котлетами, компотом. Столовая уже была полна парней - все кричали, толкались, перекрикивали друг друга, кидались апельсинами - кое-где были видны оранжевые подтёки на стенах. Артём встал в самом конце очереди, а парни, словно не замечая его, проходили вперёд, и Артём невольно оказывался самым последним.

В интернате, в отличие от детдома, столовая была большой, и ели здесь все вместе. Сидели по шесть человек – трое с одной стороны стола, трое – с другой. Рассаживались в строгом соответствии со своим положением. Авторитеты сидели за отдельным столом – около большого окна. А в самом дальнем тёмном углу – изгой. Они брали еду последними. По стенкам стояли четыре воспитательницы, но они не обращали внимания ни на чьи выходки, только иногда криком подгоняли тех, кто слишком долго возился со своей едой.

Артём с большим трудом получил свой ужин - котлету с гречкой, салат из капусты и компот - положил тарелки на поднос, огляделся и понял, что ему совершенно некуда сесть. Свободных мест не было - в столовую набилось около ста человек. А там, где даже и был свободный кусочек стола, парни сдвинули подносы так, что уже не было возможности втиснуться. В детдоме так не делали. Там, когда приходил новенький, ему тут же указывали, где сесть, где лечь, куда встать. Здесь же все смотрели настороженно, исподлобья, словно волчата, сбившиеся в стаю. Артём встал в конце раздаточной ленты, держа поднос в руках, и не мог ни поставить его, ни идти с ним дальше. Страшно хотелось есть – последний раз он ел утром, в распределителе. От запахов еды кружилась голова, но надо было держаться. Он понимал, что нельзя давать слабину вот так сразу, надо было выдержать характер.

Он поставил поднос на освободившееся место рядом с незнакомым коротко стриженным парнем. Но тот пододвинул свою тарелку так, что поднос сдвинулся на самый край стола. Артём отодвинул обратно тарелку парня, но тот толкнул его, и вся еда опрокинулась на пол. Артём встал и сжал в руке вилку, словно желая этой вилкой проткнуть обидчика.

Все перестали есть и замерли, глядя на них, красных от злости и ярости. Сейчас столовая была полна безразличных взглядов, желающих развлечений, которых здесь было не так много. Артём опустил руку, набрал в рот слюны и плюнул в кашу своего невольного противника. Тот медленно встал, взял тарелку, умело разбил её о край стола так, что в его руках оказался острый ровный осколок, и поднёс его к самому лицу Артёма.

- Ну всё, хватит! – раздался вдруг рядом с ними голос воспитательницы, а вслед за тем прозвенел звонок, похожий на звонок с уроков. Это означало конец ужина. – Бросай на пол!

- Хана тебе, - прошипел коротко стриженный, но бросил осколок и развернулся к выходу.

Воспитатели стали всех подгонять, и про Артёма забыли.

- Я ещё не доел! - кричал кто-то.

- Сама попробуй съесть это за пять минут, - огрызнулся другой.

- Отвали! – кричал третий, схватил свою тарелку, но она выскользнула из рук, упала и разбилась. Парень громко выругался, - сама теперь это жри!

Десятки ног тут же размазали опрокинутую кашу по кафелю, но никто даже не нагнулся, чтобы поднять осколки. Все поплелись к выходу. Кто-то доедал свой ужин уже стоя, кто-то – по дороге к мойке. Все с шумом, криками, оглушающим смехом, потасовками выходили из столовой.

Артём пошёл за парнями в самом конце. Вскоре все гурьбой ввалились в спальню.

До отбоя было ещё два часа. Все разбрелись по своим кроватям. Артём сидел у себя и молчал. Он не хотел ни с кем начинать разговор первый и ждал, пока подойдут к нему. По правилам детдома к нему должен был подойти тот, кто обычно был на побегушках. В детдоме так и делали. К новенькому сначала присматривались, потом приглашали на разговор со старшими. Если новенький соглашался с общими правилами – его принимали к себе. Если не соглашался – начинали учить жизни в коллективе. Здесь же на Артёма, казалось, не обращали никакого внимания. Все в спальне занимались своими обычными делами. Кто-то играл в карты, кто-то курил через решётку, сидя на подоконнике и открыв окно, кто-то стоял около двери, следя, чтобы нянечка не подходила близко к спальне, кто-то раздавал шелбаны и отвешивал пощёчины провинившимся.

Коротко стриженный парень, с которым Артём чуть было не подрался в столовой, лежал на кровати напротив и не отрывал взгляд от Артёма.

- Шухер! Косая! – закричал вдруг тот, кто стоял у двери и, ловко перепрыгнув через Артёма, в одно мгновение оказался в своей кровати.

Вся комната вмиг пришла в движение. Играющие в карты накрыли их одеялом и сели сверху. Куривший у окна выбросил окурок, закрыл окно и помахал рукой, рассеивая дым. Валявшиеся на кровати прямо с ботинками принялись быстро расшнуровывать их. Только Артём продолжал сидеть неподвижно.

Зашла та самая нянечка, которая показывала Артёму спальню. Только сейчас он рассмотрел её – она была толстая и невысокая, сменила синий халат на яркий цветастый, который едва сходил на её большой груди. На голову она теперь надела платок, скрывавший пучок. Она была в шлёпках и чёрных носках.

- Что шумим? – спросила она строго.

Её голова была повернута в сторону окна, а глаза неестественно смотрели прямо на Артёма. Она действительно была косая, хотя сразу Артём этого не заметил.

Ему стало жутко от её взгляда – неудивительно, что её боялись. В детдоме ходило поверье, что косые могут сглазить, стоит только посмотреть на них, и воспитанники, которые всегда были суеверными, не сомневались в этом ни секунды. Артём отвернулся.

- Кто курил? – она прошлась по комнате. – Обыска давно не было? Узнаю, кто курит, две ночи будете у меня мусор разгружать. Аслан, ты?

- А чё сразу я? – отозвался парень из самого дальнего угла, который к окну и не подходил.

- Он только вэйп парит, - рассмеялись из другого угла.

- Морду разорвёт от вашего вэйпа, и без мозгов останетесь.

- У него их и так нет, - опять рассмеялись из угла.

- Заткнись, Хомяк! – крикнул ему Аслан.

- Чтобы через двадцать минут спать легли, - коротко подытожила Косая.

- Отбой в десять, - сказал высокий парень, который как раз и курил.

Косая всем своим тучным телом повернулась к нему, но промолчала. Видимо, он и был авторитетом среди учеников, а с авторитетами лучше не связываться никому.

- Свет погашу ровно через час. Так что давайте по койкам, - сказала она и развернулась к выходу.

Ей было тяжело протискиваться сквозь узкие проходы между кроватями, и она боком дошла до двери и скрылась. Как только за ней захлопнулась дверь, жизнь в спальне возобновилась. Парни откинули одеяло и продолжили играть в карты, высокий опять открыл окно и закурил ещё одну сигарету, все остальные залезли на кровать с ботинками, а Артём продолжал сидеть молча. К нему так никто и не подошёл.

Через час свет действительно погас. Артём разделся, сложил свои вещи на край постели и лёг. Спальня погудела немного и затихла. В темноте продолжали только играть в карты, подсвечивая себе фонариком, но потом один из игроков громким шёпотом сказал:

- Да ну, в жопу. Косая всю игру запорола.

- Не хрен артачиться. Проиграл – будешь отрабатывать.

- Ты, может, там карты перемешал, пока сидел на них. Я на тебя не смотрел.

Послышалась потасовка. Но тут Артём услышал голос того самого высокого, что стоял у окна:

- Хорош возиться! – скомандовал он. - Быстро вырубались!

Всё тут же затихло.

...

На следующий день Артём проснулся от резкого неприятного звонка, прогремевшего по всей спальне, и от яркого света, ударившего в глаза. Это был подъём.

Спальня устало, но живо зашевелилась. Послышались смех, ругань, звуки ударов – кто-то уже успел подраться. Артём открыл глаза, но встать не хотелось. Всё тело ломало то ли от усталости, то ли от голода, и голова кружилась. Он сел на кровати.

- Чё ты тупишь? – кто-то прошёл мимо, толкнул его, и Артём чуть было не свалился.

Он почувствовал такую страшную слабость, что его затошнило, но он сдержался, успокоился и начал медленно одеваться.

- Быстрее, быстрее! – вошла Косая и стала криком подгонять всех, - встаём живей!

Никто не обращал на неё внимания, но всё равно, привычно подчиняясь крику и власти, зашевелились, быстро натягивая джинсы и свитера. Артём взял майку, в которой был вчера.

- А это ещё что? Несёт как из помойки, - мимо Артёма прошёл толстый неповоротливый парень, один из тех, кто играл вчера в карты, - пацаны, может, отмоем козла?

Все рассмеялись, обступили Артёма. Он знал, что значит – «отмыть козла». Так поступали со всеми новенькими в детдоме - раздевали их, затаскивали в душевую, бросали на пол, включали холодную воду и держали силой под мощной струёй, пока «козёл» не начинал захлёбываться, коченеть, ослабевать, плакать и умолять его отпустить. Артём тут же почувствовал угрозу. Парни плотно окружили его, и он перескакивал взглядом с одного лица на другое, но видел лишь страшно похожие озлобленные пустые глаза, которые хотели только одного – развлечения. А он сейчас для них был возможностью хоть как-то отвлечься от одинаковых серых дней, полных приказов и ругани. Он стоял перед ними в одних трусах, с майкой в руке, практически голый, но тут услышал голос Косой:

- Что вы там встали? Собрание решили устроить? Пошли быстро вперёд!

- Вот коза! Такой кайф испортила, - проворчали парни, но всё-таки нехотя разошлись.

В туалете уже собралась длинная очередь из одинаковых спин. Артём, как и вчера в столовой, встал последний. Парни по очереди, толкаясь, подходили к раковинам, плескали себе на лицо холодную воду, разбрызгивали её вокруг себя, обливали друг друга, потом смачно сплёвывали и вытирались полотенцем. Через пять минут такого умывания в туалете на полу уже блестела огромная лужа воды, а раковины становились заплёванными и грязными. Артёму, наконец, удалось протолкнуться сквозь очередь и кое-как умыть пылающий лоб ледяной водой.

За перегородкой, где стояли в ряд одинаковые унитазы, было шумно. Артём прислушался – оттуда раздавались знакомые ему по детдому звуки. Такой звук получался, если скрутить полотенце в толстый упругий длинный хвост, наподобие розг, и бить им со всей силы по голому теле. Били наотмашь так, чтобы оставить длинный синюшного цвета след. А если бить несколько раз в одно и то же место, то кожа лопалась, и появлялась кровавая рассечённая рана. Это было больнее всего, и рана после таких ударов долго не проходила. В детдоме это называлось «раздать вафлю», потому что скручивали всегда

вафельное полотенце – во-первых, оно жёсткое и рассекает кожу довольно быстро, а, во-вторых, других всё равно не было.

Артём хорошо помнил такие удары - сначала кожа жжёт, как будто на неё брызнули горячим маслом, а потом возникают ощущения, словно полоснули острым ножом. В детдоме Артёма угостили таким жгутом в первую же ночь.

Кого и за что били сейчас – Артём не знал. Из туалета вышел один из воспитанников. Он шёл, согнувшись, глотая слёзы. У раковин уже никого не было, и Артём умылся ещё раз, вытерся насухо и посмотрел в запотевшее зеркало. Он давно не смотрел на себя, и сейчас только заметил, как изменился. Осунулся, лицо вытянулось, похудело. Голова, побритая на лысо в первый же день в распределителе, уже начала отрастать и была похожа на колючего ёжика. Одно не менялось - всё те же спортивные штаны и та же майка. Если бы не они – он бы себя не узнал.

Наконец, он остался в умывальной один, хотел выйти, но выход ему загородил рослый высокий Аслан. Тот вышел из туалета и встал в дверном проёме.

- Отлить не забудь, - он указал головой на туалет.

- Отвали, - сказал Артём, попытался оттолкнуть его и пройти.

Аслан стоял, прижавшись к двери.

- Не спеши. Разговор есть.

Артём подумал немного, потом медленно развернулся и пошёл в туалет. Там у стены стоял высокий парень, который ночью курил в спальне и огрызался с Косой. Сейчас он был в аккуратных узких, подвёрнутых до щиколотки джинсах и чёрной водолазке. Он опять курил около приоткрытого маленького окошка, держа в руках скрученное полотенце.

- Говорят, ты вчера в столовой права качал. На Тихона наехал, - начал высокий, машинально продолжая скручивать полотенце.

Артём понял – его вызвали не на разговор, а на расплату.

- Он мне сесть не давал, - ответил спокойно Артём. Он понимал, что от этого высокого зависела сейчас его жизнь здесь.

- А он что, должен был? У нас своё место заслужить надо. А ты что же – приходишь к ужину, начинаешь быковать, обижаешь людей. У тебя что, в детдоме, как козлы, себя вели?

У Артёма всё внутри сжалось, но не от страха, а от ярости. Он терпеть не мог, когда его прижимают вот так к стенке, но он сдержался и сказал спокойно:

- Ладно. Я понял.

- Надо будет извиниться.

Артём опять мысленно сжал кулаки, но кивнул:

- Не вопрос.

- Но прежде, чем извиниться, надо подставиться. Сам понимаешь - ты наехал на мою шестёрку, я наеду на тебя. Всё честно. Поэтому снимай майку, - высокий говорил так спокойно, словно это была обыденная каждодневная просьба.

Артём замер и посмотрел на Аслана – тот равнодушно и невозмутимо уставился в ответ. Артём стал медленно стягивать с себя майку и передавать её Аслану, но, когда тот подошёл достаточно близко, резко со всей силы ударил головой ему в нос. Аслан взвыл, пошатнулся, но не упал. Артём, пока тот не опомнился, ударил ребром ладони ему в кадык, коленом в солнечное сплетение, а, когда Аслан сложился пополам, вывернул его руку назад и опустил на колени, прижав голову к полу.

Высокий у окна выпрямился и замер. Его лицо вмиг изменилось. Он побледнел и слегка отшатнулся назад. Несколько секунд, пока Аслан пытался отдышаться, хватая ртом воздух, как рыба, вытасченная на сушу, а Артём держал его руку вывернутой, они смотрели друг на друга. Потом высокий пришёл в себя, собрался с силами и твёрдо сказал:

- Чего ждёшь? Ломай.

Аслан противно засопел, точно боров. Артём и сам тяжело дышал. Голова слегка кружилась, но холод быстро привёл в себя. Он сплюнул и выпустил руку Аслана. Тот сел на корточки и наклонил голову. Из его рта текла длинная струйка вязкой слюны. Артём надел обратно свою майку, которая валялась на полу.

- Я быковать не хочу, - сказал Артём, - предлагаю договориться.

- Я подумаю, - ответил высокий.

Артём постоял немного и вышел, больше ничего не сказав. На этот раз никто его не остановил.

Все были ещё в спальне, когда он вернулся. Артём понимал, что они ждали именно его, ведь он должен был, как клеймо, показать удары. В спальне стало вмиг тихо, когда все увидели его спину – без единой царапины.

- Где Тихон? – спросил он.

Из дальнего угла раздался тихий, едва слышный голос невысокого парня.

- Ну я. Чё те надо?

Артём посмотрел – Тихон выглядел маленьким и щуплым, таких в детдоме и за людей не считали. Он прижался к стене и вытаращил на Артёма большие испуганные глаза. Тихон боялся – Артём вернулся из туалета без синяков, значит, его по какой-то причине не тронули. Значит, мог тронуть он. Но Артём не собирался ни с кем ссориться и сделал неожиданный ход. Он протянул Тихону руку и сказал:

- Слушай, без обид, ладно? Я не хотел тебя в столовке трогать. Жрать хотел просто.

Тихон на секунду опешил, стал оглядываться вокруг, ища помощи, а потом слабо пожал руку Артёма:

- Да ладно, чё там. Забыли.

Прозвенел ещё один пронзительный оглушающий противный звонок, зовущий на завтрак. Пацаны стали расходиться и, наконец, оставили Артёма в покое. Он постоял немного, потом стал медленно одеваться, понимая, что так или иначе, но он пошёл против правил. Он не подчинился авторитету и сам договорился с его шестёркой. Теперь он мог ожидать любой мести.

Так начались его дни в специнтернате, из которого для него не было никакого выхода. И так начиналась для Артёма его четырнадцатая осень.

Артём, или Тёмка, как его все звали здесь, родился в Посёлке Калинина.

На самом деле Посёлок вовсе посёлком не был – это был район в городе Люберцы, который находился на самой границе с Москвой. За ним стояла символическая табличка с надписью «Москва», а сразу за ней – громадный город, в котором многие из Посёлка никогда не были. Сам Посёлок был в своё время построен вокруг завода имени Ухтомского, который когда-то кормил целый город, но не работал уже много лет - столько, сколько себя помнил сам Тёмка.

Сельскохозяйственный завод был построен в конце 19 века американским промышленником и носил тогда имя «Нью-Йорк». Посреди села Либерицы, главной ценностью которой была только железная дорога, проходящая через эту деревню, вдруг вырос целый город. Трубы, которые день и ночь выпускали столбы дыма, удивительные машины, сходившие с лент завода, постоянный оглушающий шум и жар – всё это привлекло в посёлок новых людей, которые стали стекаться отовсюду. Все знали – хочешь работать, поезжай на завод. Постепенно никому не известное село стало расти, а завод давать всё больше и больше рабочих мест. Стали строиться дома, появилась больница, школа, и уже не село, а целый город раскинулся вдоль железной дороги. Все в то время куда-то переезжали и целыми семьями заселялись в Люберцы из Красково, Луховиц, Коломны. В это время вместе со всеми приехал прадед Тёмки.

В середине 20 века уже советский завод стал называться просто – Ухтомский, как будто это был не завод, а обычный человек, а Посёлок стали называть Калинин. Прадед к тому времени получил комнату в общежитии, умер, оставив сына, от которого родилась мама Тёмки, а через много лет в этом же общежитии родился и сам Тёмка.

Вся жизнь Посёлка вертелась вокруг Ухтомского, даже сейчас, когда самого завода больше не было, споры вокруг него не прекращались. Недавно Тёмка видел, как завод горел. Весь Посёлок высыпал смотреть на огненное зарево. Ночью было особенно хорошо видно, как полыхают цеха. Кто-то крестился на новую, недавно отстроенную церковь, кто-то ругался, кто-то мрачно курил. А Тёмка стоял и смотрел. Он не мог поверить, что такая махина, которая стояла до него и, казалось, будет стоять после, может вот так запросто рухнуть, как самый обычный дом. Через несколько часов пожар потушили, но с тех пор завод так и стоит посреди Посёлка, наполовину обгоревший и уродливый, словно человек с обожжённым телом, одинокий и обзлётанный на весь мир.

С тех пор завод стал обрастать легендами. Тёмка сам сочинил несколько. В одну из них верил весь Посёлок. Считалось, что если залезть в заброшенные цеха, потревожить обгоревшие кости завода, раздавить истлевшие доски, то завод будет мстить. Он не успокоится, пока человек, нарушивший сон завода,

не исчезнет навсегда из Посёлка так, чтобы никто о нём больше ни разу не вспомнил. Тёмка запугал этой легендой всю школу, хотя сам много раз забирался на заброшенный завод, просиживал там целыми днями, но старался не наступать напрасно на обгоревшие брёвна. Он не мог себе признаться, что тоже боялся, как боится животное огня или кошка воды, боится, потому что так заведено природой.

Сегодня с Вадиком после школы было решено забраться на Ухтомский. Тёмка перелез через сетчатый забор, местами в огромных дырах, за которые было удобно цепляться, поэтому он хватался за одну дырку, подтягивался и ногами цеплялся за другую. Вскоре он спрыгнул с другой стороны и оказался внутри гигантского завода. Вадик ушёл далеко вперед, уверенно наступая на осколки и битые кирпичи, и Тёмка еле догнал его, обходя обгоревшие части зданий, боясь сделать лишний шаг.

- Что ты так долго? – недовольно бросил ему Вадик.

- Не мог перелезть, - соврал он, хотя, на самом деле, просто боялся идти сюда.

С Вадиком Тёмка познакомился год назад, в пятом классе, когда тот перешёл в их школу. Весь пятый класс они были неразлучны, и учителя называли их не иначе, как банда. Вадик был очень высокий, рослый, сильный. На физкультуре он всегда был самый первый, во дворе мог гонять мяч, не уставая, и просиживал на улице всё свободное время. В первый же день их посадили вместе, и с тех пор они не расставались.

Вадик жил всего в нескольких домах от Тёмки и заходил за ним каждое утро. Конечно, до школы они доходили не всегда. Иногда за разговорами проходили мимо, шли до железной дороги и полдня сидели на старой заброшенной, обросшей граффити, станции, бросая в проезжавшие поезда камушки и подкладывая на рельсы жестяные банки. Иногда они шли к Вадиду, если у него никого не было дома, и играли в компьютерные игры на ноутбуке отца. Иногда просто шатались по городу и ошивались около «Макдональдса» или «Пятёрочки» – любимых мест всего Посёлка.

Но сегодня было решено пробраться на завод. По дороге купили сигарет в армянском ларьке, где в любое время можно было достать всё, что угодно. Таких ларьков почти не осталось в городе, но на Посёлке их стояло три. Один из них - в глубине двора, скрытый от посторонних, под стеклом которого, на самом виду, были выставлены сухарики, чипсы, жвачки, конфеты, энергетики, но в самом ларьке, если попросить, в любое время дня и ночи могли продать сигареты, пиво, водку, дешёвый коньяк в маленьких стеклянных бутылочках, мерзкий на вкус. Тёмку там знали хорошо – он бегал в ларёк много раз, когда

маме или очередному отчиму нужно было выпить, а идти сами они уже не могли.

Тёмка догнал Вадика, и они пошли рядом. Территория завода была огромной. Когда-то здесь ездили даже автобусы, курсировали между проходной и цехами. Тёмка шёл и представлял, как целый день туда-сюда по этой дороге сновали люди, ездили машины, подвозя детали, сходило с конвейера готовое новенькое оборудование. Ухтомский выпускал сельскохозяйственную технику, которая когда-то считалась одной из лучших. Самые знаменитые образцы до сих пор хранятся в городском музее, куда их класс ходил на экскурсию.

Сейчас эта длинная дорога, вся в ямах, рывинах, засыпанных кое-как битым кирпичом, была абсолютно безлюдной. Мальчики шли вдвоём среди развалин, возвышавшихся, словно рухнувший замок, на фоне темнеющего осеннего неба.

Стало не по себе.

- Может, вернёмся, - попросил Тёмка.

- Да ладно, здесь же нет никого! – Вадик махнул рукой.

Но именно это и было страшнее всего. Для храбрости Вадик достал сигареты и закурил. Тёмка закурил тоже, хотя ему не хотелось. От сигарет стало немного теплее - горький дым согревал. К сигаретам совсем недавно приучил Вадик.

- Набери дым и скажи – «а-птека», - учил он.

- Почему «а-птека»?

- Ну скажи. Увидишь.

Тёмка набрал полный рот дыма и вдохнул – «а-птека». Тут же закашлялся и чуть было не задохнулся, но через несколько таких процедур уже курил одну за одной и не мог накуриться.

Парни всё шли по длинной улице, иногда спотыкаясь о попадавшие железные прутья. С двух сторон дороги высились цеха – гигантские исполины из красного кирпича с зияющими пустыми глазницами и разинутым ртом. Ни дверей, ни окон давно не было. Что могли – растаскали на материалы, что не успели растаскать – сожрал огонь. Опалённые многочисленные лица завода застыли, словно удивлённые своей судьбе. Тёмка вглядывался в них через сереющую темноту, и ему становилось всё страшней и страшней. Сигарета уже не помогала, и он жался к Вадиду. Тот недовольно дёргал плечом.

- Ты как соска! - говорил он, а сам вздрагивал от шума ветра, гуляющего по верхушкам деревьев. – Полезли внутрь!

Он указал куда-то вверх, и Тёмка увидел, что один из цехов полностью развалился, передняя стена, когда-то скрывавшая нутро здания, рухнула, и, словно рёбра во вскрытой грудной клетке, виднелись белые бетонные плиты. Вадик ухватился за одну плиту, подтянулся и залез на неё.

- Пошли! – крикнул он Тёмке, и в тишине, какая всегда стояла над этим местом, его крик прогремел как взрыв. Но это было обманчиво. На самом деле, любой шум подавлялся этими глухими стенами и не выходил за пределы завода.

Вадик скрылся, послышался хруст стекла, затем он показался уже выше – на следующей плите.

- Я не полезу! – крикнул в ответ Тёмка.

- Тогда жди внизу! – Вадик опять скрылся.

Тёмка остался один. Становилось холодно – подходил к концу октябрь. Почти каждый день шёл дождь, и от этого в дырах асфальта собралась вода. Тёмка несколько раз проваливался в эти дыры, поэтому промок и начал замерзать. Блестели от дождя оставшиеся кое-где в оконных проёмах стёкла, и от этого блеска создавалось ощущение, что в окнах сверкают чьи-то глаза, следящие за происходящим внизу. Загудел гуляющий от стены к стене ветер, и Тёмка вздрогнул.

- Вадь! – крикнул он, но ему никто не ответил.

Тёмка всегда знал, что залезать сюда нельзя. Что каждый, кто осквернит завод, будет жестоко наказан. Когда-то давно здесь нашли ученика из их школы. Говорили, что он лазал по заводу, оступился и сорвался с высоты трёхэтажного дома. Но никто в классе в это не верил. Это завод отомстил ему за то, что тот посмел прийти сюда. С тех пор вход на завод закрыли, оплели сеткой забор сверху. Но иногда сюда всё равно забирались. Сейчас забрался Вадик, и где он – Тёмка уже не мог разглядеть.

Он крикнул ещё раз. Его собственный голос разнёсся далеко по территории завода, но никто не ответил. Он помялся на месте, потом ухватился руками за плиту, подтянулся и залез на неё. Несколько минут назад здесь стоял его единственный друг, а теперь его не было. Тёмке стало жутко – какое-то предчувствие охватило его, ему показалось, что скоро он останется совершенно один.

Тёмка зашёл внутрь завода. Было темно, только сверкали под ногами разбитые стёкла. Он неуверенно вошёл в эту пугающую темноту. Внутри завод сохранился лучше, чем снаружи - стены были почти целые, и Тёмка то и дело натыкался на кирпичные преграды. Он достал телефон и подсветил себе дорогу - впереди была видна уцелевшая лестница. Дошёл до неё и хотел залезть наверх, как вдруг, сделав шаг вперёд, почувствовал, что пол резко исчез под ним. Тёмка схватился за какую-то железку, одной ногой упёрся в перекладину, а другая нога безвольно повисла над пропастью. В эту пропасть полетели камни и где-то внизу глухо ударились о бетонный пол. Тёмка сел на пол и обеими руками схватился за столб, крепко обняв его. Перевёл дыхание, потом всё-таки встал и посмотрел вниз – прямо перед ним была уходящая бесконечно вверх и вниз шахта лифта. Самого лифта не было, поэтому шахта казалась просто раскрывшейся бездной. Тёмка бросил в неё камень и сосчитал – три секунды, прежде чем камень ударился о дно.

- Три этажа вниз, - сказал он сам себе и решил больше не выключать экран телефона, пока не найдёт Вадика.

Тёмка бродил по комнатам этого дома, но видел в них одно и то же – остатки оборудования, незакрытые котлы, которые теперь уже не нужно было закрывать, огромные ленты, по которым ездили когда-то выплавленные детали машин. Вся бурная, но однообразная жизнь завода пронеслась перед ним. Он заглядывал то в одну, то в другую комнаты, отделённые друг от друга только бетонными перекрытиями и дверными проёмами без самих дверей, потом поднялся ещё выше. Шахта всё так же зияла сразу за лестницей, напоминая о том, что один неверный шаг – и можно оказаться вмиг в самом низу.

На четвертом этаже в одной из комнат он услышал шум и увидел, как Вадик затаскивает внутрь полусгнившую фанеру.

- Ты не слышал меня? – сказал Тёмка, радуясь, что Вадик оказался жив, - я чуть в шахту не упал. Зря мы сюда полезли.

- Да здесь глухо, как в танке!

Он, наконец-то, поставил свою фанеру и загородил ею дверной проём.

Фанера точно встала в проём, отгородив, таким образом, остаток комнаты от коридора.

- Смотри, круто получится! – радостно крикнул Вадик.

Тёмка огляделся – действительно, комната, оказалась небольшой, квадратной, с окном, в котором уцелели стёкла, с диваном около стены и столиком.

- Похоже, был кабинет чей-то, только утеплить надо, - по-хозяйски заметил Вадик, - и можно будет зимовать.

Вадик завалился на диван и закурил. Тёмка стоял около окна – уже была непроглядная тьма, только через видневшийся отсюда забор были заметны дома, в которых горел свет. Этот свет окрашивал небо в тёплые рыжие тона.

- Ты хотел когда-нибудь из дома свалить? – спросил Вадик, задумавшись.

Тёмка пожал плечами:

- А куда?

- Например, сюда! Только ты, я и никаких родителей. На всю жизнь.

- Но кто нам разрешит? Менты по любому найдут.

- Не найдут. Сюда и не залезает никто.

Вадик ничего больше не сказал и, казалось, уснул на проеденном крысами диване. А Тёмка ещё долго смотрел из окна на безлюдную улицу завода и думал о том, как было бы здорово остаться здесь с Вадиком навсегда.

...

Ленку - маму Тёмки - знали все. Она родилась в Посёлке и училась в той же школе, что и Тёмка. На уроки она почти не ходила, почти всё время пропадала у друзей, иногда не ночуя дома. Её мама, бабушка Тёмки, на гулянки дочери закрывала глаза, понимая, что всё равно не справится с её упрямым и своевольным характером. Своего отца Ленка толком не знала – он много пил и умер от инфаркта, когда та была совсем маленькой.

Кое-как окончив девять классов, Ленка поступила в сельскохозяйственный техникум, где и встретила Серёжу – будущего отца Тёмки. Он был старше её, учился на последнем курсе, уже успел отслужить в армии, подрабатывал на строительном рынке, снимал отдельную комнату. Этого было достаточно, чтобы Ленка тут же переехала к нему.

На их росписи почти никого не было. Мама, несколько подруг, мужики со строительного рынка. Мать Серёжи, живущая в Коломне, к тому времени уже почти не выходила из дома, а отец умер, когда тот служил в армии.

Расписались скромно, без торжества. Ленка у подружки заняла белое платье, а Серёжа у знакомых мужиков костюм. Жить начали в съёмной комнате, а через год, когда умерла мама Ленки, переехали к ней в общежитие. Серёжа там построил небольшую кухню, притащил с рынка электрическую плитку, на которой можно было готовить, сделал перегородку из фанеры, таким образом,

соорудив детскую. Им практически удалось построить свой маленький дом и свою семью, а через год родился Тёмка.

В детстве он часами лежал за перегородкой в своей маленькой тёмной комнатке и плакал почти всё время. Почему плакал – он и сам не знал. Иногда хотелось есть, иногда пить, иногда он хотел в туалет, но боялся выйти один из квартиры в большой длинный коридор. Но чаще всего он плакал, потому что не хотел оставаться один. Он забирался под кровать, накрывался одеялом и сидел, пока кто-нибудь не приходил. Чаще всего приходил папа.

- Тёмьч, ты где спрятался? Есть будешь? – папа - высокий, большой, сильный. Он всё мог. Он приносил еду, давал игрушки, водил за ручку на улицу, подбрасывал так, что Тёмка визжал от восторга на весь Посёлок, и мог достать самую высокую ветку с дерева.

Тёмка знал с детства – человек, который его кормит и сажает себе на колени – папа. С мамой Тёмка был осторожным. Она приходила часто недовольная, ругала его:

- Опять ты всё разбросал.

Иногда он не хотел, чтобы приходила мама. А иногда, особенно ночью, когда ему было страшно засыпать одному в своей маленькой комнатке, похожей на чулан, он выходил из неё, тыкал в бок маму, и она клала его рядом с собой и обнимала всю ночь. Тогда маленькому Тёмке казалось, что мама будет всегда и никогда его не бросит.

Потом папа исчез, а вместо него стали приходиться другие. Они тоже сажали на колени и тоже иногда давали есть, но еда была невкусной, а сидеть с ними было жёстко и неприятно. От них пахло не так, как он привык. Один раз Тёмка услышал, как мама говорила с тем, кого он называл дядя Дима.

- Раньше нормально жили. Как все. Пока я одна не осталась. Пока он мне пацана на шею не повесил, а сам свалил. А он так на отца похож. Как посмотрю – вздрогну. Видеть его не могу, - говорила мама. – С первого класса его одна тяну. Да ещё и Серёжке денег посылаю.

- А чего не разведёшься?

- А ты меня замуж возьмёшь, если разведусь? – мама засмеялась, но как-то грустно.

- Не возьму.

- Ну тогда зачем разводиться? Разведёнкой быть?

Тёмка подолгу сидел в квартире один, но уже не плакал. Он стал привыкать. Он научился открывать и закрывать ключами дверь и мог выходить и заходить сам, когда хотел. Он даже выходил несколько раз в Посёлок и гулял по знакомой улице, которая тянулась от завода до станции. Один раз мамы не было всю ночь, и Тёмка на утро встал сам, оделся и пошёл в школу, а вечером вернулся домой. Он тогда учился в первом классе.

Тёмка рос, грубел, научился сплёвывать через зубы, как мужик, научился пить из бутылок, которые всё чаще стала приносить домой мама. Дядя Слава научил пить. Дядя Паша – жевать табак, и Тёмка высыпал в рот содержимое папиросы и, смачивая слюной едкую смесь, пережёвывал её, как жвачку. Дядя Сеня научил таскать из магазинов маленькие бутылочки с алкоголем. Образ папы стал постепенно стираться из его детской памяти. Стираться, пока почти совсем не стёрся и не превратился в грубые вопросы учителей в школе.

- Отец с вами живёт?

На что Тёмка только качал головой, и доброе слово «папа» постепенно заменилось на бездушное - «отец».

Мама всегда его почему-то попрекала этим словом. «Ты весь в отца», «будешь таким же, как отец», «твой отец нас бросил». И сейчас, когда Тёмка пришёл поздно вечером и принёс с собой знакомый запах сигарет, мама, открыв дверь, сморщилась:

- Где ты шатался до ночи? Хочешь, как отец твой, сгинуть? Курил опять? Несёт, как от пепельницы. Когда же ты человеком нормальным станешь?

Тёмка вошёл в комнату, не разуваясь, и сразу заглянул во все кастрюли, какие стояли на столе.

- Иди умойся сначала! – крикнула ему мама.

На вечно разложенном диване сидел дядя Лёша. Сидел в одном трусах и с уже мутным взглядом – видимо, одну бутылку выпили. Мама закурила тонкую сигарету, пахнущую ментолом, и указала Тёмке на дверь. Тот вышел, услышав за спиной голос дяди Лёши:

- Крутовато ты с ним.

- А что? На сигареты у него деньги есть. Лучше бы домой что-нибудь принёс. Шатается со своим Вадиком. Дружка нашёл – тот из ментовки не вылезает.

Как всегда вечером, почти из всех комнат общежития были слышны крики, ругань, споры. Тёмка умылся холодной водой на общей кухне, налил себе воды из чужого чайника в чужую чашку, попил, ополоснул чашку водой, поставил на место, и потом только заметил соседа - Деда Мазая - в тельняшке и тренировочных штанах, растянутых на коленях - тот копошился около своего столика и был похож на полосатого колорадского жука, каких когда-то собирали с отцом на даче в большую стеклянную банку.

- Чё, малой, мамка опять буянит? – спросил Дед, засмеявшись.

Тёмка кивнул.

- Голодный?

- В школе ел.

- Да! Знаю я, как вы в школе едите. Жвачки свои и чипсы.

Дед Мазай ушёл к себе в комнату – он жил рядом с кухней - и вернулся с целой буханкой хлеба и батоном варёной колбасы.

- На, ешь давай, - он порезал бутерброды и дал один Тёмке. Тот взял молча и в несколько секунд его умял. Только сейчас он понял, что ужасно голоден. Последний раз он действительно ел в школе – в два часа дня. Дед Мазай дал ещё один бутерброд.

- Дед, а сколько ты всего отсидел? – спросил Тёмка, повеселев. Он спрашивал об этом Деда каждый раз, когда встречал на кухне. Тёмке нравилось, что тот начинал подробно рассказывать и вставлять крепкие слова, какие Тёмка запоминал.

- Столько не живут, сколько я отсидел. Тебе скока годков?

- Одиннадцать.

- Ну вот на два умножь. Умножать-то умеешь? – Дед опять засмеялся.

- Умею, - сказал Тёмка и взял третий бутерброд.

- Ну так считай! – он стал загибать пальцы, - три раза на зоне, два в колонии, - дальше Дед выругался, - а всё ещё не сгнил! А! Каково! Всё равно домой пришёл. Дом – это ведь самое главное. Если есть дом – значит, человек свободен. Запомни! Остальное не так важно.

Дед завернул обратно в пакет хлеб и колбасу.

- Всё, ларёк на сегодня закрыт, - сказал он. – Шуруй к мамке.

Но Тёмка остался. Он смотрел, как Дед что-то готовил себе в поцарапанной кастрюльке. Странно, но Тёмка никогда не видел его сильно пьяным. Подвыпивши он ходил часто, как многие в общежитии, но никогда не напивался, как, например, дядя Лёша. Тёмка смотрел на соседа, пока его собственные глаза не стали слипаться, потом положил голову на стол и, незаметно для себя, уснул. Когда проснулся, на кухне уже никого не было. В коридоре было по-прежнему светло как днём – бил яркий свет. Здесь никогда не бывало темно.

Тёмка нехотя поднялся и подошёл к своей двери. Прислушался. Было тихо. Он открыл незапертую дверь и зашёл в темноту, как недавно заходил точно так же в темноту заброшенного завода.

3

Неделю Артём жил в интернате спокойно. Как он уже понял, авторитетом был тот самый высокий, которого звали Дэни. Он отличался от остальных воспитанников тем, что, во-первых, его не стригли коротко, как других, а разрешали носить длинную косую чёлку, которую тот каждое утро водой залиывал на бок. За такую чёлку в детдоме он бы обязательно стал объектом издевательств и насмешек, но здесь это выглядело скорей как привилегия, отличительный знак. Во-вторых, он носил не спортивные штаны и куртку на молнии, как остальные, а узкие джинсы, аккуратно подворачивая их снизу, и свитера. В-третьих, у Дэни были белые кроссовки, что в детдоме считалось неприличным. Таких, как Дэни, называли мажоры и, встречая на улице, загоняли в угол, забирали деньги, снимали с них обувь, чтобы потом продать на рынке. Таких, как Дэни, всегда ненавидели. Здесь же – его боялись.

Вместе с Дэни всегда ходил Аслан - высокий, рослый, сильный. Он был местный вышибала и всегда находился рядом с авторитетом. Его работа заключалась в том, чтобы решать все вопросы силой. На вид ему было лет семнадцать, но он всё ещё учился в восьмом классе, и Артём понимал, почему. Аслан толком не умел ни читать, ни писать. Читал он по слогам еле-еле,

запинаясь на каждом слове, а писал так, что ни один учитель не мог разобрать его каракули. Да он и тетради-то толком не вёл, на уроках писал на каких-то огрызках, которые потом терял или выбрасывал, делая из них самолётики и пуская из окошка сквозь решётку. Эти его самолётики белели в конце дня на асфальте. Дэни, наоборот, по основным предметам учился неплохо, гораздо лучше многих здесь, срывая только те уроки, которые ему были неинтересны.

Шестёркой при Дэни был Тихон, которого так неосторожно в первый же день задел Артём. Тихон был щуплый, маленький и полностью оправдывал своё имя – более спокойного и тихого воспитанника в интернате не было. Артём даже сначала не понял, почему Тихон оказался вдруг здесь – в этой спецшколе, пока кто-то не рассказал, что в послужном списке Тихона уже пять побегов и угон автомобиля. Он умудрялся сбегать отовсюду – первый раз в пятом классе. Выпрыгнул из собственного дома - из окна второго этажа от пьяного разъярённого отчима. Тихон тогда чудом остался совершенно цел. Потом, когда мать лишили родительских прав, а Тихона отправили в Малаховский интернат, тот сбежал и оттуда. Ушёл с прогулки, перелез через забор практически у всех на глаза. Искали несколько дней, а нашли в подвале соседней пятиэтажки. Вернули в тот же интернат, но Тихон таким же простым, но дерзким способом сбегал ещё дважды. Тогда уже директор интерната написала отказ от него – и Тихона отправили в распределитель. Оттуда сбежать было уже сложнее, но он сумел ускользнуть и из автозака – извернулся и буквально проскользнул мимо полицейских, сопровождавших его. Уже после пятого побега Тихона под усиленным конвоем, с честью, которой достаивался не каждый воспитанник, как настоящего преступника, доставили в Раменское.

Артёму понравился Тихон. Он был незлой, простой, с ним легко можно было обо всём договориться. Артём даже подумал, что если бы не его маленький рост и щуплая фигура, он мог бы стать авторитетом. Был ещё один парень, который пытался претендовать на лидерство, но которому Дэни каждый раз указывал на его место – Хомяк. Как понял Артём, Хомяк раньше, до прихода Дэни, был авторитетом. Это показалось Артёму странным, потому что тот был толстый и потный, а такие обычно становились не авторитетами, а жертвами. Тем не менее, Хомяка многие боялись и уступали ему, не связываясь с ним лишний раз.

В целом, Артём заметил, что жизнь в интернате была похожа на детдомовскую, но оказалась немного сложнее и имела несколько особенностей.

Первая особенность была в том, что свободой здесь и не пахло. С утра до вечера жизнь воспитанников была чётко и строго регламентирована, каждая минута расписана, и никаких вольностей и отступлений не допускалось. Никто без разрешения директора не мог выйти даже во двор – не то, что за порог интерната. Все поездки в музеи или кино были групповые и только под конвоем. Если бы не эти редкие краткие поездки, Артём бы решил, что попал в тюрьму. На всех окнах стояли решётки, и смотреть на внешний мир почти все своё время можно было только через них. В детдоме было совсем не так. В детдоме можно было отпрашиваться гулять, ходить одному по городу и даже ездить в соседнее Красково. За хорошее поведение воспитанников награждали такими поездками. Здесь же вход и выход из здания строго фиксировался, и самовольно уйти было невозможно.

Ещё одна особенность, которую Артём почувствовал в первую же неделю - это монотонность их жизни. Строгое расписание, от которого нельзя было отойти - завтраки, обеды и ужины всегда в одно и то же время, независимо от того, хотел ли Артём в это время есть или нет. Подъём в семь утра, не зависимо от того, во сколько в шумной и жаркой спальне ему удалось заснуть. Парни, которые жили в интернате больше года, настолько уставали от этого, что сходили с ума, словно рабочие у станка, и были рады любому событию, которое бы нарушило эту монотонность, например, драке. Драка обычно ставила на уши весь интернат, нарушался порядок, и это немного развлекало парней, как развлекает рабочих на заводе внезапная поломка станка. Опять же, в детдоме можно было от такого строго порядка отдохнуть, да и после уроков воспитанники были предоставлены сами себе, тогда как здесь после основных уроков шла обязательная подготовка домашнего задания и кружки.

И наконец, то, что Артёма мучало больше всего и с чем он никак не мог смириться - это то, что он нигде, совершенно нигде, не мог побыть один. Круглые сутки, от подъёма до отбоя и после отбоя парни находились вместе. Они должны были делать всё на глазах друг у друга. От этого очень скоро стирались любые границы, больше не оставалось личного пространства. Всё было общее: одежда, тетради, учебники, телефоны, жизнь. Более того – в коридорах были развешаны камеры слежения. Жизнь воспитанников фиксировалась и записывалась, её можно было просмотреть, перемотать, отдать при необходимости кому-нибудь. Всё происходило на виду, и Артём очень быстро научился скрывать свои эмоции, потому что даже они тут же становились достоянием всего интерната. Артёму каждую минуту казалось, будто он стоит в зале, полном людей, и все на него смотрят и следят за каждым движением. Он думал, что в детдоме привык к этому, но в детдоме он всегда мог укрыться в секретные места, о которых никто не знал, или уйти в

город. Здесь же таких мест просто не было, потому что парни сновали повсюду и знали всё, что происходит в интернате.

От всего этого первую неделю Артём начал задыхаться. Ему хотелось на воздух, но даже окна здесь не открывались полностью - только фрамуги, от которых было мало толку. Поэтому, чтобы подышать вольным воздухом или покурить, приходилось залезать на подоконник.

Тем не менее за неделю Артём слегка обвыкся, подружился немного с Тихоном и даже начал забывать о том происшествии в туалете. Но он понимал – Дэни о нём не забудет.

- Зря ты, конечно, не встал под вафлю, - говорил Артёму Тихон, - один раз стерпеть, потом бы от тебя отвалили. А так – жди подставы.

- У нас в детдоме обычно сначала разговаривали, потом быковали. У вас как-то не по-людски.

- Зря ты так. Вообще, Дэни нормальный. Без него хуже было. Хомяк всех прессовал, а у него, знаешь, какой удар? Он двоих сваливал. Он в карты заставлял играть. Кто проигрывал – отработывал. Всю неделю ему кроссы вылизывали, шнурки стирали. Если ему не нравилось – он валил на пол и начинал ногами мутузить. Хорошо, я тогда научился голову защищать – так бы сто пудово проломил череп.

- И никто его не завалил?

- Его завалишь! Вот только, когда Дэни пришёл – тогда и завалили. Дэни его унизил, заставил на коленях три часа стоять, прощение у всех просить. Потом только Хомяк отстал. Нормально жить стали.

- А Дэни у вас почему такой понтовый? Чёлку свою мажористую носит, кроссы белые.

- Как-то само собой пошло. Дэни не отчитывается, - Тихон махнул рукой. – Он вроде на воле мажором был.

Они стояли перед отбоем у окошка вдвоём, что случалось здесь редко, и курили. Сигаретой угощал Тихон. Откуда у него сигареты, если никто не выходит из интерната, Артём пока не понимал. По слухам, сигареты подкидывал кто-то с воли, но кто и за какие заслуги? Может, сигареты доставал Дэни, поэтому и стал авторитетом?

- А ты давно здесь? – спросил Артём.
- С седьмого класса. А Дэни пришёл в середине года.
- А что, Хомяк так легко сдался?
- Да ты что! Тут такие батлы были! Мы думали, разнесут интернат на хрен. Но за Дэни Аслан встал, а ты его видел, - Тихон усмехнулся. – И потом... Я думаю, директор был только рад тому, что Хомяка сместили. При нём беспредел был, а Дэни порядок организовал.
- Я видел его порядок в туалете... - усмехнулся Артём.
- И чё? Это фигня вообще. Подумаешь, пару раз втащил. Ты ещё не видел Хомяка. Это была жесть. Если ты ему кроссы не вылизал – он так прессовал не по-детски. Мог мордой о пол полоскать.
- И вы всё терпели?
- А куда деваться? Здесь всегда так. Либо терпишь, либо прогибаешься под кого-то.
- Но я под Дэни прогибаться не собираюсь.
- Как хочешь, - Тихон пожал плечами. – Но лучше будь осторожен. Дэни такое не прощает.

Докурили уже молча. Артём и сам понимал, что от Дэни теперь можно ждать чего угодно. Он бы и сам на его месте не простил такого – Артём публично показал, что авторитет не справился с ним. И тот должен был отстоять своё элитное место здесь.

Глотком свежего воздуха был только один день в интернате – воскресенье. В этот день подъём вместо семи утра был в девять, и можно было, проснувшись по привычке рано утром, полежать в постели, слушая чьи-то ранние перебранки. Ещё в воскресенье открывали тренажёрный зал. Тренажёрка – единственное место в интернате, где любили бывать парни. Даже Дэни старался там забыть про свой авторитет, потому что понимал, что глоток свободы нужен всем, особенно тем, у кого её нет.

Сегодня как раз был такой день, и Артём первый раз за время своего пребывания в интернате пошёл в тренажёрку. Это был небольшой зал с беговой дорожкой, велосипедом и гантелями. Артём качал пресс, когда вошёл

Аслан, а за ним Дэни. Аслан сделал знак всем, кто ещё находился в тренажёрке, выйти, и все тут же ушли.

Артём остался с ними один. Драка в тренажёрном зале - это был самый плохой расклад из всех, какие представлял себе Артём. В тренажёрке, которая находилась в подвале, кричи – никто не услышит, а травмы потом можно списать на случайность - упал, уронил на ноги пятикилограммовые гири.

Артём сел на скамейку, Аслан подошёл с одной стороны, Дэни – с другой. Они смотрели на Артёма, а тот следил за каждым их движением, стараясь приготовиться к внезапному удару.

- Ты не так делаешь, - сказал ему вдруг Аслан, - дай покажу. Он поставил локти и поднял ноги под прямым углом.

- Видишь, - сказал он, - спина должна быть под девяносто градусов к ногам, а у тебя ноги болтаются, как тряпки. - Аслан показал, как надо делать.

Артём смотрел напряжённо, всё ещё ожидая удара.

- Пошли покурим, - сказал Дэни. – Разговор есть.

Они прошли мимо душевой и остановились в узком простенке между туалетом и раздевалкой. Аслан достал сигареты, протянул сначала Дэни, потом взял себе и затем предложил Артёму. Тот взял, желая показать, что готов поговорить. Затем Аслан достал зажигалку, закурил, хотел дать прикурить Артёму, но тот ещё в детдоме понял, что нельзя прикуривать у другого парня – это считается не по-мужски, поэтому Артём взял зажигалку и поджёг свою сигарету сам. Вдохнул дым глубоко и на секунду закрыл глаза, но вдруг резкая боль в груди заставила его закашляться, согнуться пополам и вместе со слюной, вдруг заполнившей весь рот, выплюнуть обратно едкий дым. Аслан ударил Артёма в живот, потом размахнулся, насколько позволял простенок, и ударил ещё раз.

Артём уронил сигарету и опустился на колени. Лёгкие обожгло. Аслан, который теперь возвышался над ним, взял его за волосы и заставил подняться. Артём встал, держась за живот. Аслан прижал его к стене и локтем надавил на горло так, что Артём едва мог дышать.

- Значит так, - сказал спокойно и тихо Дэни, - я тут главный, а ты никто, поэтому возражать нельзя. Будешь слушаться. Понял?

Аслан дёрнул Артёма за волосы, и тот невольно кивнул.

- Ещё я слышал, что ты любишь побегать. Здесь бегунов не любят. После каждого побега у нас по десять проверок в день. Поэтому, если решить сбежать и попадётся, лучше сюда не возвращайся. Ясно?

По детдому Артём помнил, что самый болезненный удар – неожиданный. Когда ожидаешь – можно подготовиться, сгруппироваться. Но если ты не видишь, куда хочет ударить противник, тогда размякшее тело не успевает собраться, и удар получается в два раза сильнее и жёстче.

В детдоме, если нужно было кого-то серьёзно наказать, делали всегда так – накрывали голову жертвы простынёй, чтобы не было видно, кто и куда бьёт, затем по очереди били. Никто никогда, как бы не был физически подготовлен, не мог достойно противостоять такому нападению, и рано или поздно начинал ныть, стонать, плакать и просить прощения.

Аслан опять ударил Артёма, затем отпустил его, и тот сполз по стене, обхватил голову руками. Самое главное, чтобы не попадали по голове. Но Аслан тоже был учёный, поэтому бил только по корпусу, чтобы не были заметны следы на лице. Артём уже не чувствовал ничего, кроме тяжёлых ударов, и с каждым новым ударом у него вырывался слабый, словно придушенный, стон.

Через какое-то время Артём услышал голос Дэни:

- Хорош! Пошли.

Они ушли. Артём полежал немного, потом по стенке поднялся и сел на корточки. Послышались шаги, и Артём сквозь пелену увидел Тихона. Тот сел рядом.

- Ты как? – спросил он, и Артём едва заметно кивнул. Тихон прикурил и сунул сигарету Артёму. Тот взял и слабо затянулся. - Сам дойдёшь?

Артём опять кивнул, и Тихон ушёл, а Артём ещё посидел немного, отдышался и медленно, по стенкам, стал подниматься в спальню.

Он зашёл перед самым отбоем. Все привычно занимались своими делами, но Артём видел, как на него осторожно поглядывают. Толстый Хомяк усмехнулся и хотел подойти к нему – видимо, добить, но Аслан остановил:

- Отвали!

Артём лёг, не раздеваясь, и с трудом натянул сверху одеяло.

...

Утром он проснулся от ломоты во всём теле. Болел каждый сустав, раскалывалась и кружилась голова. Он не мог дотронуться до своего тела без того, чтобы оно не отзывалось резкой болью - вчерашние удары были явно ударами профессионала. А все вокруг уже начинали свой длинный день – переругивались, толкались, заправляли кровати, потягивались. Тридцать одинаковых голых спин. Тридцать одинаковых парней в одинаковых чёрных трусах.

Артём с трудом сел на кровать. Мельком он посмотрел на Дэни, который стоял у окна. Теперь у Артёма есть только два пути. Первый – сдать. Это значило, рассказать всё, пойти к медсестре, к воспитателю, к директору, показать своё избитое тело. Но тогда он бы навсегда остался изгоем, тряпкой, предателем. Ведь главный закон здесь – всё, что происходит в коллективе, не должно выходить за его предел. Второй путь – это промолчать, перетерпеть, выдержать характер. На самом деле, Артём понимал Дэни. На его месте он сделал бы то же самое. После того, как Артём при всех показал, что не унился перед вожаком, и тот должен был что-то предпринять, чтобы не потерять свою главную роль в стае. Теперь каждый видел - не подчиниться нельзя. Артём это показал всем. Он встал и, морщась от каждого неосторожного толчка, побрёл в умывальную. Единственное, что надо было пережить – это утреннее построение. Дальше, на уроках, он бы как-нибудь отсиделся.

Утром на построение собирался весь интернат. Воспитатели, которые отвечали за спальный этаж, должны были отчитаться о прошедшей ночи, а воспитанники стоять навтыжку, пока их отмечали в журнале. В детдоме такого не было. Там всех пересчитывали за завтраком и за ужином, и никто не стоял на холоде в восемь утра.

Уже началась первая неделя октября, и она выдалась холодной, дождливой. Артём был в одной толстовке и потому жутко замёрз. Начинало ломить пальцы, и он попытался пошевелиться, но голос учителя окликнул его:

- Смир-но!

Все замерли. Зазвучал гимн, который в детдоме никогда не включали, а здесь – каждое утро. За неделю, какую Артём провёл в интернате, он уже выучил его наизусть.

После гимна физрук – немолодой, с большим животом, лысый, начал громко раздавать команды.

- Нале-во! Шагом ма-рш!

Все уныло замаршировали по спортивному полю за зданием, переругиваясь по дороге и сплёвывая на асфальт, затем пробежали круг по полю. Это было несложно, но вдруг Тихон повалился на траву, схватился за живот и стал кататься с жуткими стонами.

- Отдыхаем? – подошёл учитель, который привык к выдумкам воспитанников и не верил им. Каждый день кто-то пытался слянуть с уроков и притворился больным.

- Я ща подохну тут, - огрызнулся Тихон.

- Подохнешь, меньше в сортире очередь будет, - крикнул ему пробежавший мимо Хомяк.

- Вставай, хватит цирк устраивать, - скомандовал учитель, и Тихон нехотя поднялся.

Но на этом построение не закончилось. Физрук, как назло, сегодня был особенно привязчивый. Он заставил всех бежать не один круг, а два. Артём старался, где можно, передохнуть. Но физрук гнал за чем-то вперёд. Пока Тихон опять устраивал представление, Артём прислонился горячим телом к холодной стене. Мимо него пробежал Дэни, Артём посмотрел ему вслед и плюнул.

Из-за Тихона, который сегодня отказывался выполнять упражнения, падал на асфальт и притворялся, что у него приступ эпилепсии, физрук разозлился и заставил всех отжиматься. Артём не мог поднять собственное тело ни одного раза. Он вспотел, у него страшно болела голова, но сделать хотя бы попытку приподняться на руках, он не мог. Физрук подошёл к нему и с силой нажал на плечи. Артём слабо застонал и повалился на спину.

- Ещё один циркач? – над Артёмом нагнулся физрук, но тот уже не мог ответить.

- Отойди! - услышал Артём знакомый голос, который недавно так же спокойно сказал – «Хорош! Пошли». Это был голос Дэни.

Он задрал толстовку Артёма, и физрук отшатнулся – всё тело было сплошным синяком. Артёма затошнило, и он потерял сознание.

...

Три дня Артём провёл в городской больнице под конвоем того самого физрука, затем его перевели обратно в интернат, но положили в отдельный кабинет. Он не знал, что делается в спальне, только иногда к нему забегал Тихон и коротко докладывал.

- Там такая буча поднялась! – говорил он торопливо и мимоходом съедал яблоки, которые Артёму передавали с полдника. – Приходил директор, на всех орал! Говорил, что мы сволочи и скоты. Что издеваемся друг над другом. Что нас надо всех в колонию.

- А чего Дэни?

- Молчит. Ему-то что? Никто его не сдаст.

Тихон вопросительно смотрел на Артёма, но тот молчал. Он ещё не решил, что скажет директору. Сейчас ему было обидно, больно и страшно. Что будет дальше? Его покалечат? Убьют? Сделают из него шестёрку?

В интернате, действительно, поднялась шумиха. Пришёл сам директор.

Он редко заходил в спальню даже, если случалось что-то серьёзное, а из-за простой драки, какие случались довольно часто, он не заходил никогда. Но сегодня пришёл.

Хомяк, который в этот день стоял на шухере у двери, даже присвистнул.

- Шуба идёт! – отчаянно крикнул он.

Директора называли Шубой. Это прозвище появилось у него довольно давно, когда он однажды зимой пришёл в интернат в каком-то дряхлом старом пальто с огромным оранжевым воротником. С тех пор прозвище директора передавалось из поколения в поколение, хотя этого пальто с искусственным мехом уже и не существовало.

- Шуба! – пронеслось по спальне, и парни переполошились, прыгнули в свои кровати и замерли.

Директор зашёл, остановился у порога и заложил руки за спину. Он был в одной рубашке, без галстука, что говорило о его крайней взволнованности, потому что обычно он не забывал свой вечный серый потёртый пиджак.

Директор молча встал посреди спальни и несколько минут смотрел на парней.

- Вот сколько лет я вас знаю, - начал директор, и все невольно затихли и прислушались к нему. – Вот, например, тебя, Андрей. Помнишь, как ты сюда попал? Ты ещё и шнурки-то завязывать толком не умел. Пятый класс, а пальцы не гнулись и не слушались, словно деревянные. И кто тебя учил их складывать? Забыл? Забыл. А ты, Данил? Помнишь, как ты витрину «Пятёрки» разбил, а потом ещё велосипед угнал и в пруду его, в Кратово, со страху утопил? Кто тебя из детской комнаты тогда забирал? Тоже забыл! А ты, Серый? Как ты всё к матери-то рвался, сбегал, а она тебя обратно приводила. По всему Раменскому тебя тогда искали, а ты у Макдональдса побирался. Кто тебя голодного в интернат вернул? Забыл? А я вот каждого помню. И тех, кто до вас был, тоже помню. Мишка Дохлый, Лёня Заяц, Санька Деревенский. Всех помню. Но только никто меня ещё так не подставлял. Ладно, меня. А интернат? Вы же знаете, что интернат наш никому не нужен, что он как кость в горле стоит и всем мешает, что за это место люди из департамента готовы тут всех лично перерезать, что ещё год, два – и его закроют к чёртовой бабушке, а вас всех переведут неизвестно куда. В Воскресенск или ещё куда подальше. А своими побегами да драками вы только облегчаете им задачу. Раз малолетки не хотят здесь нормально учиться – закрыть всё к чёрту! Хотите, чтобы вас расформировали? Мне-то всё равно. Я работу найду. Если что – двор мести буду. А вот как вы будете жить в новом месте, с новыми пацанами да с новыми правилами – это большой вопрос!

Все молчали, но директор говорил это не первый раз и понимал, что никто его не слушает. Любых подростков пронять тяжело, что уж говорить о его парнях, которые жили только сегодняшним днём и которых волновала только собственная жизнь, да и то несильно. Что до интерната – то им, казалось, абсолютно всё равно, что с ним будет.

- Хорошо, - продолжал директор в полной тишине, - вам плевать на меня и на интернат. Но на себя-то вам не плевать?

Послушалось недовольное движение и Дэни, который всё это время сидел на подоконнике, огрызнулся:

- Слушай, чё ты шумишь? Чё те надо?

Директор посмотрел на него – тот ответил наглым взглядом, говорящим, что ему всё можно и что лично ему безразлично абсолютно всё.

- Мне надо понять, - ответил спокойно директор, - действительно ли ты идиот или притворяешься? Ты, наверное, думаешь, что в Воскресенской дурке, где вы все окажетесь, тебя на руках носить будут? А я вот не хотел бы видеть, что там с тобой сделают за твои узкие подвёрнутые штаны и свисающую чёлку.

Кто-то попытался слабо засмеяться, но Дэни зашипел:

- Закройся там!

- Кто ещё такой же идиот, как ваш, так называемый, вожак? – усмехнулся директор, - или вы все, как овцы, следуете за одним бараном? Он в дерьмо лезет, и вы туда же?

Дэни щёлкнул языком:

- Смотри, сам в дерьмо не вляпайся.

- Да я-то уже по уши в нём, а вот вам всем ещё есть, куда влезать. Так что сейчас я задам вопрос, а вы мне на него ответите. Если меня ответ устроит, мы забудем об этом случае. Если нет – поговорим уже по-другому. Зачем вы это сделали?

Все, естественно, молчали. Даже Косая спряталась в коморке, хотя любила сунуть везде свой любопытный нос. Директор повторил вопрос, но в спальне по-прежнему стояла тишина.

- Ясно. Я так и думал. Ну что ж, тогда начнём. Подъём! – скомандовал он. – Подъём!

Никто не шевельнулся.

- Разве меня не слышно? Я сказал, подъём!

Директор подошёл к первой же кровати, откинул одеяло, схватил за руку лежащего в ней парня и силой поставил его на ноги.

- Не трогай меня! – завопил парень.

- Не трогать? – директор, откинул одеяло с соседней кровати и схватил за руку другого. – Да я вас ещё и не так трону! – парень не встал сам, тогда директор стащил его вниз, с кровати, а потом с удивительной силой одной рукой поставил на ноги. – Вы у меня будете до конца девятого класса полы драить! Будете кругами ходить, как зеки! Будете днём канавы вокруг интерната рыть, а ночью закапывать! Не трогать их! Дальше сами встанете или полицию вызывать?

Все неуверенно, медленно, но начали подниматься со своих кроватей. Дэни продолжал сидеть на подоконнике, напряжённо следя за всем происходящим. Никто давно не видел директора таким разъярённым. Последний раз он так разозлился, когда Аслан подрался с охранником и сбежал в город. А сейчас? И из-за чего? Из-за новенького, которого наказали за дерзость?

- За что? – повторил вопрос директор.

Он стоял в середине спальни, окружённый парнями, которые были гораздо сильнее его, но смотрели в пол, словно провинившиеся щенки, которые ещё вчера носились по двору без поводка, а сегодня, пристыженно поджав хвост, жмутся друг к другу. Все молчали. Директор выждал какое-то время и пожал плечами:

- Что ж, ночь длинная. Будем так стоять, если понадобится, хоть до утра.

Никто не шевельнулся, и директор прошёлся между кроватями.

- Давайте, доставайте своё барахло! Я здесь всё вверх дном переверну!

Он, действительно, перевернул первый попавшийся матрас. Перевернул одной рукой – никто не ожидал от него такой силы. Под матрасом, как назло, оказались сигареты.

- Чья кровать? – крикнул директор.

Рядом с кроватью стоял длинный парень, он понуро опустил голову и молчал.

- Скрысятничал, - прошипел Дэни и усмехнулся.

- Дальше сами выворачивать будете? Или помочь? – продолжил директор.

Парни начали доставать свои вещи, привычно вытаскивать всё из сумок и складывать в кучу на кроватях. Директор проходил мимо, забирая сигареты, карты, энергетики.

- Давай! Давай! Шевелимся! – он сам брал некоторые сумки, переворачивал всё из них и вываливал на пол, расшвыривая майки, носки и джинсы ногами. Потом переворачивал матрас и переходил к следующей кровати.

Так он обошёл всех. Спальня теперь была похожа на поле боя – все матрасы и одеяла были повалены на пол, около каждой кровати лежала грудой одежда, а парни стояли рядом в одном трусах, босиком на холодном полу, опустив головы.

Только Дэни по-прежнему сидел на подоконнике и с презрением смотрел на всё происходящее. Он откуда-то достал сигареты и закурил.

- А ты у нас особенный? – подошёл к нему директор. Они стояли друг напротив друга.

- Особенный, - ответил Дэни и выпустил струю дыма прямо в лицо директору.

Тогда тот одним быстрым резким движением повалил Дэни на кровать лицом вниз и скрутил его руки за его спиной. Сигарета выпала, как недавно она выпала изо рта Артёма, и закатилась под кровать. Дэни невольно застонал.

- Нравится, когда тебя нагибают? – закричал директор, не обращая внимание на стоны Дэни, - привыкай, потому что именно это будет происходить, когда ты переступишь порог дурки. Ты думаешь, там все будут тебе ботинки вылизывать? Да кому ты там нужен будешь, щенок? Там полно таких, как ты! И все особенные.

Директор отпустил руку Дэни, и тот, перевернувшись на спину, сел на кровати.

- Убью... – оскалился он, потирая заломанную руку.

- Да пожалуйста! – директор подошёл к нему вплотную, расстегнул рубашку, выпятил грудь и подставил её Дэни. Тот вдруг отшатнулся – во всю грудь директора, от шеи и до самого пупка уродливой змейкой краснел глубокий шрам.

- Что же ждёшь? Кишка тонка? Только языком мелешь? Всё, свобода ваша на этом заканчивается, - директор пошёл к двери. – Никаких прогулок, никаких тренажёров, никаких выходных, никаких телефонов. Вставать будете каждый день в шесть утра. Построение в любую погоду. Вход в спальню с восьми до семи будет строго воспрещён. И чтобы через полчаса здесь был идеальный порядок, чтобы все лежали, как убитые. Кто пикнет – будет спать стоя, как лошадь. Всё ясно? Что стоим? Быстро своё барахло на место убрали.

Директор постоял немного, посмотрел, как парни тут же бросились запихивать вещи обратно в сумки, и вышел. Через полчаса в спальне стояла мёртвая тишина.

- Башню у афганца снесло. Я читал про такое, - сказал Аслан. – Мог бы и придушить кого-нибудь. А что? Ему бы ничего не было. Кто нам потом поверит?

- Я его грохну, - прошептал Дэни.

- Да спи ты уже! – услышал он голос Хомяка. – Из-за тебя всё.

Тихон залез под кровать и достал сигарету, которая выпала изо рта Дэни.

- Почти целая! – обрадовался он, - я докурю?

Дэни ему не ответил. Ему стало страшно. Он уже забыл, что не главный здесь, что есть кто-то, кто стоит выше. И этот кто-то сам только что показал зубы.

- Пацаны! – позвал опять Тихон, - он чё так взбесился-то? Богатырь, кажись, никого не сдал!

Все мысленно были согласны – Артём промолчал.

Уже вечером, когда директор уходил домой, охранник, которого здесь все называли дядя Миша, заметил ему:

- Неплохо вы с ними управились! Быстро успокоили!

- Что же хорошего? – ответил ему директор, - если они понимают только насилие. Живут, как на зоне.

- Такая порода. Они как дикие собаки. Привыкли с пелёнок – кто сильный, тот и прав. Так теперь по жизни и идут. Ничего с этим не поделаешь.

- Зачем же мы их вообще тут держим, раз ничего не поделаешь? Ведь знаем же, что почти все они рано или поздно окажутся в воровской банде. Ну кто из них станет нормальным человеком? Ну один, два. И ради этих двоих держать целый интернат?

- А куда же их девать? – дядя Миша развёл руками. - Если матери не нужны, детдому не нужны, ничего у них, кроме интерната, больше и не остаётся.

- Да выпустить всех их на улицу – и пусть делают там, что хотят. Грабят, убивают, дерутся. Всё равно больше ничего они не умеют.

- Ну а этого одного-двух? Их-то куда девать? Тоже на улицу?

- Выходит, ради этих двух мы с вами здесь и сидим? Домой уходим в девять вечера, перед полицией каждую неделю отчитываемся. А всё ради одного из двухсот. Это же какой коэффициент полезности? Практически нулевой, - махнул рукой директор и отвернулся к выходу.

- И всё-таки не списывайте их со счетов, - дядя Миша кивнул ему на прощание, - они ещё вас удивят. Я и не таких видел, а вырастали – и ничего. Жизнь как-то учила.

Директор больше ничего не сказал. Он чувствовал, что слишком устал – за десять лет здесь он видел столько всего и, казалось, не осталось ничего, что могло бы вывести его из себя, но каждый год всё начиналось сначала – приходили новые парни, приносили с собой новые правила. Ещё ему было жалко Артёма. Директор редко кого-то жалел здесь, разве что в первый год работы, а потом привык, огрубел. Но сейчас ему вдруг стало жалко этого новенького, и директор злился даже не на парней, а на самого себя, потому что ничего не мог сделать и ничем не мог помочь ему.

Сам дядя Миша работал здесь с самого открытия интерната – вот уже тридцать лет. Он пришёл сюда молодым, сразу после армии, думал поработать пару лет, пока не встанет на ноги, а задержался надолго. Перед его глазами за это время прошло больше тысячи самых разных парней, но охранник помнил каждого. За эти тридцать лет он не раз разнимал драки, ночевал вместе с ребятами в спальне, вызывал полицию, скорую, органы опеки, разыскивал по подвалам бегунов и мазал зелёной разбитые лица. Вся нехитрая жизнь воспитанников проходила перед ним, и он незаметно, но сильно привязывался к парням. Недавно он даже завёл коробочку, куда каждое утро нарезал

кружочками морковь и огурцы и после утреннего построения выставлял эту коробочку на свой пост, и воспитанники, проходя мимо, хватали своими грязными руками овощи и, ловко подкидывая, отправляли в рот.

- Давай, давай, наяривай! Витаминчики всем нужны! – приговаривал он, посмеиваясь и похлопывая проходящих парней по их худым костлявым спинам.

Эта коробочка стала знаменитой, и парни иногда специально бегали вниз, чтобы схватить лишний раз морковку и огурец, которые им казались почему-то гораздо вкуснее тех, что давали за обедом.

Сейчас, провожая взглядом директора, дядя Миша невольно вздохнул, вспоминая тридцать лет здесь – однообразные, нервные, сложные. Тридцать лет, которые прошли, словно несколько тяжёлых дней.

...

Неделю Артём пролежал в больничке – отдельном кабинете, из которого сделали палату. Там стояло несколько кроватей около окон, и каждый день заходила медсестра. В основном, больничку использовали, если надо было кого-нибудь из воспитанников изолировать – по болезни или из-за конфликтов. Так что эта палата служила одновременно ещё и карцером, и камерой-одиночкой. За это время в спальне было ещё несколько обысков, но никого не наказали – Артём заладил – «упал в тренажёрке». Шумиху решили не поднимать, и всё постепенно успокоилось.

Один раз к нему зашёл директор. Артём услышал его голос через дверь, отвернулся и сделал вид, что спит. Директор сел на соседнюю кровать и долго молчал. Потом откашлялся и сказал громко:

- Да знаю же, что не спишь. К пацанам обратно хочешь?

Артём повернулся к директору и привстал на своей кровати.

- Не знаю, - ответил он, - не успел с ними познакомиться.

- Так и не скажешь, из-за чего драка была?

- Сам упал.

- Ну это я уже понял, что сам. А как теперь будешь? Может, помочь?

- Разберусь.

- Я понимаю, Артём, у нас здесь не санаторий. Хуже, чем в детдоме. Но со временем ты привыкнешь. Все привыкают. Бежать не советую. Вернут всё равно сюда, и будет хуже. Это теперь твой дом, нравится или нет. Твой дом. Другого сейчас нет, так что придётся уживаться здесь. Уживаться и как-то жить.

Артём опять отвернулся.

- Хочешь, я тебе окно открою? – спросил директор. – Подышишь хоть.

Артём повернулся и удивлённо посмотрел на Шубе. Тот действительно открыл окно и своим ключом отпер решётку. На улице было уже очень холодно, и деревья почти все стояли голые, готовясь к долгой суровой зиме. Артём подошёл к окну, но от воздуха у него закружилась голова, и он лёг обратно в кровать. Директор закрыл окно, посидел ещё немного и ушёл.

После заточения Артёму разрешили под конвоем погулять по территории интерната, и он не спешил возвращаться в спальню. Выпал первый снег, и на траве, которая ещё не успела полностью сойти, лежал белый налёт, точно порошок. Артём пошёл к турникам, немного размялся и подтянулся, но тело ещё отдавало ноющей болью.

Впереди, за забором, он заметил женщину. Она стояла и смотрела в сторону интерната. Женщин он не видел давно. В интернате девчонок не было – только парни. Были воспитательницы, но их за женщин никто не считал. А эта выглядела очень красиво – у неё было пальто точно по фигуре, короткие волосы аккуратно уложены за уши, а на ногах были высокие сапоги на каблуках. Артём почему-то не мог оторваться от неё.

- Чё ты уставился? – Артём услышал рядом с собой знакомый голос Дэни.

Артём невольно вздрогнул.

- Разве тебе можно выходить? – спросил он.

- Можно раз в неделю, - ответил не хотя Дэни. – Не ты один теперь здесь блатной, - он усмехнулся, - и меня иногда с поводка спускают.

– Ты её знаешь? – Артём кивнул в сторону женщины, которая отошла и потому была почти не видна в темноте, но всё ещё всматривалась куда-то.

- Знаю, - процедил Дэни.

- И кто это?

Женщина постояла ещё немного, потом стала медленно отходить от забора и вскоре скрылась в наступающих ранних сумерках.

- Это моя мать, - сказал Дэни, когда она уже совсем была невидна.

- Мать? – удивился Артём, - зачем она приходит?

- На, смотри! – Дэни достал из кармана свёрток и развернул его. В нём лежали шоколадные конфеты, сигареты и деньги.

Конфеты Артём не видел давно. Из сладкого в интернате давали только глазированные сырки. Он смотрел на цветную яркую обёртку конфет и не мог оторвать взгляд точно так же, как только что не мог его оторвать от женщины, что принесла их.

- Оставляет здесь, как собаке. На, отнеси лучше своим мужикам! – крикнул Дэни и бросил конфеты за забор, но не добросил, и они рассыпались по земле.

Красивая цветная обёртка стала грязной и серой. Сигареты и деньги Дэни незаметно убрал в карман.

- Но если она приходит, почему ты здесь, а не с ней? – спросил Артём.

Дэни не ответил. Здесь не любили говорить о родителях. Это в детдоме обычно не замолкали, придумывая сказки про замечательную маму и про то, что скоро она их заберёт. А здесь, в интернате, в эти сказки больше не верили, и никаких родителей ни для кого никогда словно бы не существовало.

- У меня тоже есть мать, - сказал Артём, - и отец. Только он в тюрьме.

- А мой отец неизвестно где. Я его три года не видел. Мать говорила, что он умер. Но я не верю. Она его, наверняка, выгнала, чтобы по мужикам гулять. Все бабы такие.

- Наверное, - неуверенно пожал плечами Артём.

- Я те говорю – все. Их только самим использовать можно. На один раз. Понял?

- Понял.

Артём смотрел на Дэни и не мог поверить, что именно этот парень, которому мать приносит конфеты и который бросает их ей обратно, чуть было не сломал ему рёбра.

- Спасибо, что не сдал Шубе, - сказал тихо Дэни.

- Да ладно! Ерунда! В одном дерьме все сидим.

Вдруг Артём протянул руку. Дэни пожал её. Почему-то злости Артём больше не чувствовал. Главное, что вожак принял его в стаю.

Осень подходила к концу. Начиналась долгая тёмная зима.

4

Сегодня Тёмка проснулся не от привычного звонкого стука мелких камушков в окно и окрика Вадика, а от ругани мамы и резких ударов в дверь.

- Опять дружок твой дожидается. Иди давай.

Мама недовольно заглянула в комнату Тёмки, когда тот уже наполовину высунулся в окно и махал Вадиду рукой.

- Не могут друг без друга! Ходят, как привязанные, - мама ругалась каждый раз, когда Вадик, набрав целую ладонь камушков с дороги, запускал ими в окно комнаты Тёмки.

Сегодня тот проспал и не слышал, как друг уже двадцать минут безуспешно звал его.

- Целый день вместе шатаются! – продолжала ругаться мама, пока Тёмка надевал джинсы и водолазку, в которой всегда ходил в школу. – Не мог себе получше дружка найти? Садись! Пока не поешь, никуда не пойдёшь!

Тёмка молча сел - с мамой лучше было не спорить. Она, в цветастом платье, которое застёгивалось спереди на длинную молнию, возилась около холодильника – загремели среди прочего бутылки, зазвенели стаканы. Мама бросила холодные макароны на сковородку, и сразу зашипело и запахло жареным. Сверху она бросила тёмно-красные кружочки колбасы, которые тут же свернулись от горячего пара. Тёмка почувствовал приятный запах. На разложенном диване в одних трусах сидел взъерошенный дядя Лёша. Он разливал по стаканам красное вино. Тёмка сел рядом с ним.

- Как жизнь молодая? – спросил тот весело, потому что уже выпил.
- Нормально, - Тёмка пожал плечами.
- Как в школе? – всё также весело спросил дядя Лёша.
- Нормально, - буркнул опять Тёмка.
- Чё-то ты какой-то неразговорчивый, - дядя Лёша, если выпивал, любил поговорить, а Тёмка этого терпеть не мог.

Когда мамы не было, дядя Лёша мог зайти к нему, долго сидеть на его кровати и говорить-говорить. О чём – Тёмка не понимал. Он только машинально слабо кивал в ответ и ждал, когда тот и уйдёт. Но дядя Лёша долго не уходил. Всё сидел-сидел, пока не засыпал. Тогда Тёмка оставлял его одного, тихонько выбирался на общую кухню.

- Отстань ты от него, - одёрнула мама дядю Лёшу, - чё ты примотался?
- А что, я уже и поговорить не могу?! – загремел тот, - не чужие. Или он у тебя говорить не умеет? Умеешь или нет?
- Умею, - сказал Тёмка.
- Ты в каком классе-то?
- В шестом.
- В шестом... Я в шестом уже склады разгружал. Тут, на Ухтомке. И девок лапал, - дядя Лёша засмеялся, а мама бросила ему в тарелку макароны с колбасой и прикрикнула:
- На, ешь! Вспомнил тут!
- Не груби!

Дядя Лёша взял тарелку, выпил ещё вина и стал есть. Мама положила Тёмке, тот подсел к столу и тоже стал быстро и жадно уплетать.

- Опять сегодня болтаться будешь со своим дружкой? Хоть бы уроки раз в жизни сделал, - вздохнула мама.
- Нам не задают, - соврал Тёмка, быстро проглатывая кусок за куском.

Быстро расправившись с макаронами и прихватив с собой ещё хлеба и колбасы, Тёмка выскочил в коридор. За дверью он слышал звон стаканов и голос повеселевшего дяди Лёши.

Сегодня Тёмка с Вадиком в школу идти не собирались. Они решили утеплить к зиме своё убежище, обнаруженное на Ухтомке. Проводить всё время на улице стало холодно, в подъезде тоже не посидишь – кто-нибудь обязательно выйдет и выгонит, поэтому нужно было на зиму найти новое место. Ухтомка подходила идеально - она была окружена высоким забором, никто туда не ходил, и можно было не бояться, что там их найдут. Был только один недостаток – в стылых разрушенных помещениях завода было холодно, как на улице, гулял сквозной ветер, и лежал иней. Тогда было решено натаскать в их комнатку стулья и кресла, выброшенные у помойки, коробки и ящики, матрасы и куртки, всем этим заложить щели, дыры, а фанерами закрыть дверной проём. Окна решили оставить незакрытыми, чтобы хоть как-то проникал свет.

Всю неделю парни лазали по помойкам, таскали ценные для них вещи, с огромным трудом затаскивали их на третий этаж и расставляли по стенам стулья, коробки, картонками закладывали дыры. Но всего этого было мало, чтобы перезимовать.

- Слушай, может, полазить по гаражам? – предложил сегодня Вадик.

Они часто гуляли около гаражей и много раз видели, как в гаражи складывалась всякая рухлядь – зимняя старая одежда, одеяла, резиновые сапоги. Всё это было никому не нужно, а им сейчас здорово бы пригодилось.

- А как мы туда залезем? – спросил Тёмка. – Там же замки.

Вадик поискал глазами вокруг себя, взял кусок железной трубы, откуда-то валявшейся неподалёку, и сказал:

- Собьём.

Решено было пойти, когда стемнеет. Темнело рано – в пять часов улица освещалась только одними фонарями, которые горели далеко не везде, а у гаражей никаких фонарей не было, поэтому они стояли в полной темноте, и можно было не бояться, что кто-то заметит двух пацанов, снующих между боксами. Это была привычная картина для Посёлка, и на это никто бы не обратил никакого внимания.

Тёмка шёл впереди. Он уже давно приметил один гараж, закрытый только хилым навесным замком. Шли осторожно, шарахаясь от каждого шороха, и, наконец, увидели нужный гараж. Вадик подсветил фонариком на телефоне и потрогал замок.

- Сбить можно, - резюмировал он, - я такие в деревне только так отделявал. Подержи телефон.

Тёмка взял телефон и стал светить на замок. Руки его невольно дрожали, и свет от фонарика плясал в темноте длинной предзимней ночи.

- Да не трясись ты! Не видно ничего! – прошептал Вадик. Но у него у самого задрожали руки, когда он попытался тяжёлой арматурой сбить замок. – Примёрз, гад!

Он отошёл чуть в сторону и размахнулся сильнее. Железная палка обрушилась на замок со страшным, прогремевшим, как показалось Тёмке, на весь Посёлок, грохотом. Вадик бил ещё и ещё, и через несколько яростных ударов замок открылся. Он отбросил свою железку и поднёс руки к губам. Тёмка осветил их фонариком – они были все красные от напряжения и холода, который пронизывал насквозь.

Они с Вадиком сняли замок, отбросив его далеко в сторону, открыли дверь, зашли и осветили гараж изнутри.

- Ничего себе, сколько барахла! – присвистнул друг.

В гараже, прямо посередине, большой горой лежали матрасы, зимние толстые куртки висели на гвоздях, рядом с ними телогрейки, под телогрейками стояли большие сапоги, в которых ходят зимой на охоту или на рыбалку, ведра с квашеной капустой, от которых пахло солёной водой и сыростью, но самое главное – целый мешок яблок, маленьких, бело-жёлтых, уже подмороженных, но на вид сочных и хрустящих.

- Вытащим всё и скинем возле железки. Таскать будем уже оттуда, - быстро командовал Вадик, как будто грабил гаражи каждый день. – Встань пока на стрёме, а я потаскаю. Потом поменяемся.

Тёмка встал около открытого гаража так, чтобы видеть во все стороны, кто и куда идёт, а Вадик стал перетаскивать вещи и сбрасывать их в ров около железной дороги. Самыми тяжёлыми оказались матрасы, и Вадик весь взмок,

пока таскал их. Он даже скинул свою зимнюю куртку и остался в одном свитере. Через десять минут парни поменялись – Вадик встал следить за дорогой, а Тёмка зашёл в гараж. Тот был уже наполовину пуст – матрасы Вадик перетаскал, и остались только куртки и мешок с яблоками. Тёмка неуверенно стал снимать с крючков вещи, скидывать их в одну кучу, чтобы потом забрать всё вместе. Среди вещей он нащупал что-то твёрдое, блеснувшее в темноте. Тёмка присмотрелся и увидел маленький складной нож, сунул его в карман, он тут же через спортивные штаны больно пронзил холодом.

Вдруг Вадик засвистел – это означало, что кто-то идёт. Тёмка машинально взялся за ручку двери, крепко сжал её, чтобы нельзя было открыть дверь снаружи и выключил фонарик, которым подсвечивал себе. В тишине он слышал, как колотится его сердце, оно вздрагивало где-то глубоко внутри, поднималось к самому горлу и резко падало вниз. Тёмка сжался в комок и не понимал, зачем он здесь. Он нащупал в кармане только что найденный нож, достал его, открыл – лезвие резко и быстро выскочило - и сжал в руке. Гора чужих вещей, ненужных Тёмке, чернела посреди гаража, а яблоки белели в мешке. От страха у Тёмки перехватило дыхание, и он не мог пошевелиться. Он слышал, как Вадик отошёл в сторону, слышал чьи-то посторонние чужие шаги – кто-то явно ходил около гаража. Тёмка ждал, что вот-вот распахнётся дверь, и его испуганное лицо осветит фонарь. Что потом? Полиция? Колония? Мать опять будет тыкать отцом, который сгинул в тюрьме?

Нет, этого Тёмка допустить не мог. Он сильнее сжал ручку ножа – лезвие было острое и тонкое. Тёмка знал, что такое можно запросто всадить в живот или под грудь. Рёбра, конечно, не пробьёт, но ранить может здорово. Дед Мазай рассказывал, как такими точно заточками, только сделанными из зубной щётки или ложки, в тюрьме вспарывали ночью брюха стукачей.

Шаги стали тише – кто-то явно стоял около двери и прислушивался. Тёмка намертво схватился за ручку. Он почувствовал, что кто-то дёрнул дверь снаружи, но Тёмка оттягивал её на себя. Она не дёрнулась ни на миллиметр. Тёмке казалось, что он прирос к двери, что он ни за что не отпустит ручку, даже если гараж начнут штурмовать. Он готов был всадить нож в любого, кто войдёт сюда. Дверь дёрнули ещё несколько раз, но Тёмка держал её крепко. Он опять услышал шаги, но уже удаляющиеся, и потом всё замерло.

- Всё норм. Слился мужик, - зашептал снаружи Вадик.

Тёмка выдохнул и опустился на пол. В ледяном гараже ему стало жарко. Руки запотели, и он вытер их о спортивные штаны.

Дальше работа пошла быстрее - парней подгонял страх. Через десять минут они уже стояли в пустом гараже, где остались валяться только шины, насос от велосипеда, обломок какой-то старой рамы и цепь.

- А это возьмём? – Вадик кивнул на мешок яблок.

Тёмка попытался сдвинуть мешок с места, но он оказался очень тяжёлым. Друзья протащили его какое-то время, потом плюнули, бросили на дороге, набили, сколько смогли, карманы холодными хрустящими яблоками, засунули их под куртки, и Тёмка почувствовал, как яблоки холодят голое тело под свитером. Но этот холод, в отличие от холода лезвия, ему показался приятным. Вадик со злости перевернул мешок, и яблоки рассыпались и покатались по грязной дороге. Тёмка посмотрел на них с какой-то щемящей тоской. Столько усилий – и ради чего? Несколько грязных старых тряпок и пара яблок?

За несколько часов они перетаскали всё добро к себе в убежище, и их новый дом был готов. Они утеплили его, завернулись в большие, не по размеру, куртки, и закурили. Вадик доставал из-за пазухи мороженые яблоки, грыз их, а потом выбрасывал огрызки через окно на дорогу. Где-то прогрохотал и одиноко прогудел поезд. Тёмка прислушался к этому тоскливому гудку и сам затосковал какой-то звериной дикой грустью.

- Я тоже хочу уехать, - сказал задумчиво Вадик, - батя в деревню поедет, и я с ним.

Тёмке стало ещё холодней, то ли от яблок, то ли от того, что сказал Вадик. Кроме него, у Тёмки никого не было в Посёлке, и если Вадик уедет, он останется совершенно один.

- А я? – спросил Тёмка. – Мы же хотели вместе жить.

- С нами поедешь. Я попрошу – батя возьмёт. У него машина большая, он же дальнобойщик! Будем есть на заправках и спать в люльке по очереди!

Тёмке стало теплей - он и мечтать о таком не мог. Он достал из-за пазухи яблоко и начал грызть его, впиваясь зубами в сочную кислую мякоть. Теперь у

Тёмки было два дома, но ему казалось, что лучший – это здесь, с Вадиком, яблоками и старыми заплесневелыми матрасами.

В девять вечера Тёмка подошёл к своему настоящему дому и посмотрел на окна – света в них не было. Значит, его уже никто не ждал. Он зашёл в подъезд, проскочил мимо коменданта, поднялся на второй этаж, подкрался к комнате, открыл дверь и вошёл. Дядя Лёша спал на диване наполовину одетый – один ботинок он снял, второй почему-то нет. Он лежал в расстёгнутых джинсах, но без футболки. Было ощущение, что он упал на диван прямо с порога. От него пахло сигаретами и водкой, запах которой Тёмка уже выучил хорошо. Мама лежала рядом, завернувшись в одеяло. Тёмка прокрался мимо них к себе в каморку, захватив по дороге открытую и немного выветрившуюся бутылку «Кока-колы», сел на подоконник, не включая свет, и закурил.

Единственный фонарь, который стоял прямо напротив окна, освещал комнату, и только тут, в свете этого фонаря, Тёмка заметил, что пошёл первый снег.

5

С тех пор, как Дэни принял Артёма, его решили оставить в покое. Это никого не удивило – в детдоме тоже могли общаться как ни в чём ни бывало даже после сильных конфликтов. Воспитанники могли ругаться, драться, травить друг друга, а потом жить мирно. Это был один из главных законов и здесь тоже. С утра жизнь начиналась заново, и всё старое, вечернее, забывалось. По-другому было не выжить, по-другому все друг друга за столько лет совместного тесного проживания просто уничтожили бы.

Артём заметил ещё одну особенность интерната. Жили здесь одни малолетки – так называли тех, кто имел за спиной несколько приводов в детскую комнату полиции, кто состоял на учёте и уже успел совершить пару-тройку правонарушений. От многих из них родители отказались добровольно, отдав их сюда. Отказались, когда малолеткам было десять-тринадцать лет. Из-за этого они были страшно озлоблены, ведь все прекрасно помнили своих родителей, но ненавидели их всем сердцем. Те, кто был постарше, о родителях не вспоминал вообще, делая вид, что их никогда не было. Младшие ещё пытались сохранить хоть какие-то хорошие воспоминания, особенно о мамах, но язвительные замечания и колкости, которые они каждый раз слышали при упоминании о родителях, очень быстро заставляли их в лучшем

случае забыть о тех, кто от них отказался, а в худшем ненавидеть их так же люто. Настоящие сироты, то есть те, кто не знал своих родителей или те, у кого они умерли, в специнтернат, как правило, не попадали. Их направляли в детский дом, где воспитанников было меньше, а порядки проще. Здесь же содержались те, от кого отказались все – и родители, и школа, и детские дома, и другие интернаты.

С малолетками управляться было сложнее всего. В детдоме Артём уже видел сложных воспитанников. Видел бывших семейных, то есть тех, кто становился детдомовцем по воле случая - у кого умирали родители. Такие обычно забивались в угол, старались жить тихо, ни с кем не спорить, не высовываться, дожидаться восемнадцати лет и начать строить свою взрослую жизнь. Про таких воспитатели говорили, что у них ещё есть шанс вырасти нормальными людьми.

Видел отказников, родителей которых лишали прав в суде. Такие воспитанники только и мечтали о том, чтобы скорее вернуться, при каждом удобном случае звонили маме и почти всегда сбегали из детдома, приходили к пьяной матери или отцу. Их быстро находили, возвращали, воспитанники их били, уча уму-разуму, но те, как только приходили в себя, сбегали опять. Они часто взахлёб рассказывали, какие у них хорошие родители и как они их любят. В восемнадцать лет они возвращались домой, отдавали все деньги, полученные по выходу из детдома, матери. Месяц мать гуляла, пропивая единственные сбережения своего сына или дочери, а дальше начиналась страшная предсказуемая жизнь – алкоголь, наркотики, безработица, воровство. Но даже отказники не производили такого гнетущего впечатления, как малолетки.

Озлобленные, словно волчата, мрачные, они жили замкнуто, как в стае, защищаясь от всего и от всех. О своих родителях они помнили только то, что те оставили их, сдав сначала в полицию, а затем в интернат, и несовершеннолетние преступники оказывались сначала в распределителе, где начиналась их закалка, а затем уже в специнтернате, где прибивались друг к другу и оскаливались на каждого чужого, кто приближался к ним. Преданные самыми близкими, они не доверяли больше никому.

Именно поэтому малолеток старались изолировать от других сирот сразу, потому что по силе и жестокости им не было равных, словно та единственная ниточка, связывавшая их со всем остальным миром, была навсегда порвана.

Если сравнить интернаты с тюрьмами, то специнтернат для малолеток, в который попал Артём, – это была камера для смертников, которая практически не оставляла шансов на нормальную жизнь – ненависть со временем вытесняла все человеческие чувства, оставляя только злобу. А поскольку выместить злобу на родителях они не могли, то вымещали её на всём мире.

Среди таких малолеток был Дэни, Тихон, Аслан, Хомяк, сам Артём и ещё около двухсот подростков, запертых в замкнутом пространстве. Вскоре Артём занял среди них своё место.

- Ну что, сегодня как? – по дороге на урок к Артёму подбежал Тихон.

После больницы Артём сблизился с ним раньше и быстрее всех, и они уже несколько дней обсуждали возможность отметить освобождение Артёма.

- А никто не сдаст? – спросил Артём.

- Не ссы. Нормально всё будет.

Освобождение Артёма было принято отметить брагой. Как делать брагу, Артём не знал. В детдоме это было не нужно. Там можно было достать алкоголь и так. Все, кто имел возможность выезжать в город, могли купить или просто украсть чекушку водки. Артём сам много раз выносил из магазина маленькие бутылочки, которые они потом с парнями распивали в детдомовском сарае. Но здесь – в закрытом пространстве, когда выходили в город только под строгим надзором, достать алкоголь было почти невозможно. Тогда в ход пускали знания и умения, и Артёма посвятили в великую интернатовскую тайну – как сделать брагу.

- Я те говорю, ничё сложного, - Аслан отозвал Артёма в маленький закуток между туалетом и душевой, где обычно назначались встречи и велись важные секретные переговоры, - нужны только сахар и дрожжи.

- Где я всё это возьму?

- Не тупи! Сахар в банке стоит в столовке около подноса с хлебом.

Отсыпашь в карман, пока никто не видит. Но не так, чтоб засекли. Засекут – сразу будет понятно, для чего. Тут тоже не дураки работают. Всего нужно где-то килограмм.

- А дрожжи?

- Дрожжи беру на себя! – Аслан махнул рукой.

- Ну а посуда?

- Обижает! Мы тебе чё тут, салаги? Не первый раз. Банка есть.

Две недели шла подготовка. Сначала Артём в столовой отсыпал сахар, пока не насобирал целый килограмм. Аслан, как и обещал, нашёл где-то дрожжи, банку торжественно извлекли из туалетного бачка, где хранились секретные вещи. Осталось только нацедить воду. Это было сложнее и дольше всего. Использовать кипячёную нельзя – каждый воспитанник знал эту химию на отлично - кислорода в ней будет недостаточно для брожения. Сырую из-под крана тоже нельзя брать из-за хлора. Поэтому воду нужно было отстоять.

На целую неделю спальня превратилась в лабораторию. Сначала воду набрали в трёхлитровую банку и оставили на ночь под кроватью, затем слили её в другую банку, а осевшие примеси вылили вместе с остатками воды. Так проделали несколько раз, пока не набралось шесть литров, то есть две полные трёхлитровые банки.

Затем начался сам химический процесс. Сахар растворили в тёплой воде, выпрошенной в столовой, затем раствор вылили в холодную, добавив дрожжей. На крышку сверху надели резиновую перчатку для герметичности и оставили банки отстаиваться. Днём эти банки прятались в шкафу, куда обычно не заглядывала Косая, а на ночь опять ставились под кровать. Через неделю такого брожения всё было готово.

Теперь нужно было найти место, чтобы спокойно отпраздновать. Отмечали всегда ночью во время отбоя. Сначала рассматривали душевую или туалет, но это было рискованно, потому что Косая всегда ночевала в комнатке рядом с их спальней и могла в любое время начать обход. Тогда вспомнили про кладовую – отдалённое от спальни место. Была только одна загвоздка - ключ от неё, как и от всех помещений в спальне, хранился в камерке Косой. Тогда решили подключить Шизика и с его помощью стащить ключ.

Аслан был категорически против.

- Вы чё, он же псих! - Аслан постучал кулаком по голове, - он нам всю малину зарубит. Начнёт орать как шибанутый – вся шарага соберётся.

- А почему Шизик псих? – спросил Артём.

- А, это из-за матери, - Тихон махнул рукой. - Она его в Бронницах на остановке оставила, когда он ещё мелкий был. С тех пор он тронулся умом. Всё ждёт её. Думает, вернётся. Когда в детдоме жил, каждый месяц сбегал. Поэтому здесь и оказался, – Тихон усмехнулся.

- А может, она потерялась? – пожал плечами Артём, - теряются же иногда люди.

- Да ты чё! Там город три на три метра. В одном конце косарь стыришь, в другом уже за тобой наряд выехал. Это тебе не Москва, где все теряются. Кинула она его и свалила. Она и в суд не пришла. Его прям из зала суда забрали. Он её больше и не видел.

- А квартира? Он не ходил туда?

- Ходил. Но они снимали халупу какую-то. Как его бросила, так и съехала. Походу, приезжая была. Так что – ищи хоть всю жизнь. Она уже, может, в Америке с каким-нибудь хмырём, потому и спихнула. А он всё шатался по разным остановкам. Садился и ждал. Его там и брали. Если бы не сбегал, жил бы в детдоме до сих пор.

- Говорят, если собаку выкинули из машины, она потом будет бегать за каждой, искать ту, из которой бросили, - добавил Аслан. – А здесь у него вообще башню сорвало. Его пару раз избили – у него эти приступы начались. Хотели даже в дурку сдать. Если на него найдёт – туши свет. Начнёт всё громить, как настоящий псих. Главное, ему про мать не напоминай.

У Шизика действительно иногда случались приступы. Он вдруг ни с того, ни с сего начинал орать, махать руками, крушить всё вокруг себя, а потом, как подкошенный, падал на пол и замирал. Если кто-то оказывался в этот момент рядом, то отбегал в сторону, потому что успокоить Шизика было невозможно. Им вдруг овладевала такая сила, что даже Аслан не мог с ним справиться. Потом Шизик замирал, словно засыпал, становился вялым и тихим – до следующего приступа. Его даже старались лишней раз не трогать – самим страшно становилось от его этих приступов.

- Ладно, - подытожил Дэни, без которого не обходилось ни одно дело, - Шизика берём. Главное, чтобы не сдал и сидел тихо. А как мы ключ стащим?

Ключ от подсобки лежал в шкафчике над входом в комнатке Косой. План разработал Тихон с Асланом - выманить Косую, зайти, взять ключ и незаметно

выйти. В своё отсутствие комнату она всегда запирала, оставляя открытой только во время ежедневного обхода спальни перед отбоем, поэтому оставалось только отвлечь на что-то Косую, выскочить из спальни, взять ключ и вернуться. Вот здесь парням и нужен был Шизик. Он должен был симулировать приступ - повалиться на пол, начать орать - Косая, естественно, бросится его успокаивать, а в это время Артём, который спал ближе всех к двери, незаметно выйдет, стащит ключ и зайдёт обратно.

- А как я его узнаю? – спросил Артём.

- Да они подписаны у неё все, - ответил Тихон, который всё в интернате знал, - там бирка должна висеть.

Шизик согласился быстро. Его редко куда-то звали, потому что все побаивались его и не хотели с ним связываться, поэтому он был рад возможности побыть хоть с кем-то, тем более с Дэни. В назначенный вечер, когда зашла Косая, он, по команде Аслана, вскочил со своей кровати, стащил с неё матрас, заорал страшным диким воплем и завертелся на одном месте, как волчок. Артём сам испугался и чуть было не забыл о ключе. Он попятился к двери, а Шизик махал руками так, что все вокруг него соскочили со своих кроватей и прижались к стенам. Эти жуткие крики Артём слышал даже из комнаты Косой, где он дрожащими руками достал и спрятал в карман ключ с биркой «кладовая».

Косая, сама боясь Шизика, кричала, чтобы набросали подушек на пол, чтобы он не ударился, когда будет падать. Кто-то действительно стал бросать ему под ноги подушки, в которых он запутался и, наконец, устав от своего спектакля, упал и замер. Бледный Артём стоял около своей постели и коротко кивнул посмотревшему на него Дэни. Шизика подняли и положили на кровать.

- Дурдом на выезде! - сказала Косая и вышла, забыв пригрозить погасить через тридцать минут свет.

Через час Артём, Тихон, Шизик, Аслан и Дэни сидели в подсобке с двумя банками браги.

- Ты там так выделывался, что даже я зассал! – шептал Тихон.

- Я сам не по-помню, к-как всё б-было, - озадаченно пожимал плечами Шизик, - я в-всег-гда к-как во сне. Ничё потом не по-помню. Вроде что-то орал, а ч-

что, не по-понимаю. Я во-вообще сначала прит-т-т-творялся, а потом р-р-р-азошёлся.

Шизик иногда заикался, если сильно волновался, поэтому он редко говорил, а если и говорил, то мало и только с теми, кому доверял, а доверял он Дэни и его приближённым.

- Предупреждать надо было, что ты так разойдёшься!

Говорили шёпотом. От браги, которую Артём никогда раньше не пил, его голова стала тяжёлой, и мутные мысли путались. Он не мог сосредоточиться на чём-то одном. В маленькой закрытой душной комнатке, заполненной лопатами, вениками, швабрами, тряпками, вмятером было не пошевелиться. Сами парни сидели на перевёрнутых вёдрах и курили.

- Слышь, Шизик, может, тебе какие-нибудь колёса попить? – спросил Тихон. – А то жутко как-то. Ты же так и убить можешь.

Шизик пожал плечами:

- Я в-всегда чу-чувствую, к-когда меня бом-бомб-банёт. Т-тогда башка к-кружится обычно и мутит всегда. Потом на-начинает-т-ся. Я п-первый год всё время в б-больничке лежал, а потом в-все за-забили. Одна док-кторша сказала, что с во-во-возрастом п-п-пройдёт. Но пока не п-п-прошло.

- Да это из-за матери у тебя, - сказал Дэни, - из-за них все проблемы. Если бы их вообще не было...

Шизик ничего не ответил, только засопел.

- Аслан, я всё хотел узнать, - спросил Тихон, - а кто ты по национальности?

- А тебе не один хрен? – пробубнил Аслан. - Мать русская.

- Ну фамилия-то у тебя нерусская. Наверное, от айзера какого-нибудь залетела.

Мать отказалась от Аслана, когда тот был в шестом классе. Он уже тогда начал воровать, и несколько раз его ловили, но мать всегда приносила за него деньги и забирала единственного сына домой. А однажды не пришла и не забрала. Более того - сама вызвала полицию и рассказала про все кражи. Потом пришла в органы опеки, написала заявление об отказе от родительских прав и даже в суд не пошла. Аслана забрали в распределитель, а из него,

учитывая послужной список, в специнтернат. Несколько раз мать приходила к нему, навещала, приносила деньги. А потом - то ли встретила кого-то, то ли переехала, только Аслан больше её не видел.

- Чё ты пристал? – разозлился Аслан. – К Дэни вон лезь. Он вообще от матери сам свалил.

Артём посмотрел на Дэни. Тот держал в руках банку с брагой. Пили прямо из банки, передавая друг другу по кругу. Он сделал большой глоток и передал Тихону.

- А на фиг она мне нужна? Пусть со своими козлами тусуется. Я лучше здесь поживу. Мне нормально.

- А твой отец где? – спросил Артём.

- Не знаю, - ответил тот. – Выгнала она его, дура. Вообще, хорош! Заладили свои сопли – мама, папа, бабушка, дедушка... Стошнит сейчас!

Тихон передал банку Аслану, а Дэни опять задымил. В тишине кладовки было слышно, с каким шипением поджигается и горит сигарета.

- А я к мамке вернусь, - сказал опять Тихон, - шарагу окончу, денег соберу и вернусь.

- Ты дурак? – Аслан покрутил у виска. – Она тебя в ментовку сдала, а ты бабки отдавать будешь?

- Буду!

- Да тебе же её мужик руку сломал! Сам же говорил!

- Ну и что! Это давно было. У неё, может, другой уже мужик. И вообще, отвалите все.

Тихон отодвинулся в угол и как будто обиделся. Ему было обиднее всех – он попался в своё время на ерунде. Разобрал машину из соседнего двора на металлолом. Он думал, что машина эта никому не нужна – старый Жигуль стоял всю зиму под снегом, а весной начал таять и гнить. Тихон в одиночку разобрал машину и частями продал её на цветной металл. А через неделю нашёлся хозяин Жигулей. Так Тихон оказался под следствием. Его мать действительно сама позвонила в полицию и даже показала, где тот хранил остатки машины. Но Тихон был добрый от природы, незлопамятный, и потому

давно всё своей матери простил. Даже отдал ей деньги, которые не успел потратить.

- А ты, Богатырь, какими судьбами здесь очутился? – спросил Аслан, но Артём не успел ответить.

Дэни поднял руку и скомандовал:

- Тихо!

Все прислушались.

- Что? – Аслан пожал плечами.

- Шизика не слышно.

Всё время, пока парни, то тихо, то переходя на сдержанный шёпот, болтали, Шизик не проронил ни издал ни звука. До этого он сделал несколько глотков браги и словно бы уснул в темноте кладовки. Но это был тревожный знак – обычно перед приступами Шизик замирал, затем начинал тихонько сопеть и потом уже взрывался. Парни посмотрели в его сторону и невольно отшатнулись. Он сидел на полу, обняв колени, и шатался из стороны в сторону. Он был похож на затравленного зверя, когда того в клетке зажимают в угол и начинают осторожно, но верно обступать со всех сторон.

- Шиз, ты чё? – прошептал Тихон и подполз к нему.

Но Шизик, уже никого не видя, точно волк, отставший от стаи, громко завыл.

- Надо заткнуть ему рот! – шёпотом крикнул Дэни.

Все засуетились. Аслан схватил тряпку и попытался затолкать Шизику в рот. Это было непросто, потому что тот в момент приступа становился удивительно сильным. Он выплюнул тряпку и заскулил, точно щенок. Потом оттолкнул Аслана, тот отлетел и с грохотом сшиб ведро. Шизик вскочил на ноги и заорал. Он начал беспорядочно вертеть ногами и руками, словно мельница.

- Надо на него навалиться! – крикнул уже в голос Дэни, и Артём схватил ноги Шизика, а Тихон – руки.

Но Шизик легко выбился из-под Тихона, а Артёму ногой попал по носу, отчего у того от резкой боли потекли слёзы. Тихон, поняв, что не справится, отполз в угол, обхватив голову руками.

- Он сейчас вырвется! – крикнул Дэни.

И правда, Шизик вздохнул, скинул с себя Артёма - тот откатился в сторону, а сам встал с бешеными и ничего не видящими глазами. Несколько секунд он швырял вокруг себя всё, что попадалось под руки. Стоял страшный грохот. Артём зажал уши руками и сжался в комок. Он понимал, что Шизика уже не остановить, и если он попадёт в него, то мало не покажется. А Шизик бушевал. Он сорвался, раскидывая всё на своём пути, рыча, плача и воя, как бешеный. Он добрался до второй банки браги, ещё полной, схватил её и замахнулся в сторону Тихона. Артём, прежде чем закрыть от страха глаза, отчаянно крикнул:

- Тихон!

А когда открыл их, разбившаяся банка уже валялась в углу, где только что сидел, зажавшись, Тихон. Сам он, успевший отползти к двери и броситься на Шизика, лежал на нём.

Шизик не шевелился. Он ровно дышал, как будто спал, как будто ещё секунду назад не готов был разнести эту кладовку. На нём лежал Тихон, всем своим телом прижимая к полу одуревшего друга.

Потом он поднялся, посмотрел на осколки, на лужу браги, пахнущую кислым жидким тестом, и сказал спокойно:

- Вот блин. А если бы попал?

Все молчали.

Вдруг дверь открылась, и парней осветил фонарь. Артём на секунду словно ослеп.

- Доигрались? – он услышал голос Косой, - Миш, принимай.

Дядя Миша светил фонарём прямо в лица ребят. Все по очереди вышли, кроме Шизика, который теперь спокойно растянулся на полу и, кажется, мирно спал.

...

Артём, как два месяца назад, стоял в кабинете директора, держа руки в карманах.

- Чья же это была идея? – спросил директор, - кто у вас такой умный? Дэни, небось?

Артём стоял в тех же спортивных штанах и майке, в которых поступил в интернат, и ему казалось, что он и не уходил из этого кабинета, что этих двух месяцев как будто не было.

- Я не помню, - ответил он.

Директор сидел в том же костюме, галстук и выглядел серьёзным и усталым, как и тогда. Эту историю с ночной вылазкой, кражей ключа, курением и изготовлением браги решили, как и всегда, не выносить из интерната. Но на самом деле никто из парней и не боялся. Как можно было наказать тех, кто уже наказан? Что им могли сделать? Не выпускать на прогулку? Закрыть в классах? Лишить еды, сна? Запереть в спальне, не пускать в душ, в туалет? Артёма, прошедшего через приёмник-распределитель, где выпускали в туалет три раза в день под конвоем, а в душе за четырнадцать дней он был только один раз, ничего из этого не пугало.

- Никого вы не боитесь, - сказал директор, словно читая его мысли, - думаете, раз нет родителей, вам всё можно? Хорошо устроились. Пьёте, курите, морды друг другу бьёте, – директор развёл руками. – Мне бы так. Я вам даже завидую.

Артём молчал, переминаясь с ноги на ногу.

- Ладно, - директор махнул рукой. – Раз кладовую громил Иван, или, как вы его называете, Шизик, значит, он и виноват. Отправлю его в психоневрологический. На него уже и так не одна бумага лежит. А ты можешь быть свободен. Иди.

Артём знал, что дурка - это намного хуже детдома, хуже интерната, хуже распределителя, даже хуже тюрьмы. И дурка – это не на какой-то срок, а на всю жизнь. Выйти оттуда было уже невозможно - таблетки, уколы, ремни, которыми на ночь стягивали тело. Это был билет в один конец. Артём стоял и представлял, как Шизика забирают, как его привязывают к кровати во время приступов, а потом забывают и оставляют на весь день или на всю ночь совершенно одного. Как ему дают таблетки, от которых он в итоге

превратится в бессмысленное тупое существо. А виноват будет он – Артём – потому что у него не хватило сил признаться во всём Шубе.

- Шизик не при чём, - сказал, наконец, Артём. – Мы вообще его брать не хотели. Взяли только из-за ключа. Мы про родителей разговаривали, вот он и взбесился. На самом деле он не псих. Его все здесь доводят, поэтому он бесится.

- Брагу кто делал?

- Я. Мы в детдоме варили.

- А сигареты откуда?

- Из распределителя принёс.

- Тебя же обыскивали.

Артём отвернулся, придумывая, чтобы сказать.

- Ладно, Богатырёв, - вздохнул директор. – Дело, конечно, серьёзное. Придётся мне тебя арестовать. Садись.

- Куда садиться? – не понял Артём.

- Сюда, - директор кивнул на продавленный старый диван, такой же старый и невзрачный, каким был и сам директор.

- В смысле? Зачем?

- Сядь, говорю!

- Не буду!

Директор достал из ящика стола книгу и кинул Артёму.

- Будешь! Куда ты денешься! Будешь у меня тут книжки теперь читать. Каждый вечер. Вслух. А то мне самому некогда. Срок будешь отбывать. Вы же только такой язык понимаете, да?

- Да ты гонишь? Я это дерьмо читать не буду. - Артём отбросил книгу на пол.

- Выбора у тебя нет. Или садишься ты, или Шизика за пять минут оформим. Там уже давно для него койку приготовили. Быстро успокоят.

Артём поднял с пола и пролистал толстенную книгу - это был учебник по литературе за седьмой класс.

- Да я её десять лет читать буду.

- А ты куда-то торопишься? – улыбнулся директор.

- Это просто подстава. Я согласен подсобку отдраить. При чём здесь эта дерьмовая книжка?

- Как хочешь. Выбор я тебе дал, - директор уставился в свои бумаги на столе и, казалось, вообще забыл про Артёма. А тот неуверенно стоял с книгой в руке. С одной стороны, перспектива каждый день приходить сюда и читать, умирая от скуки в этом сером затхлом кабинете, Артёму не нравилась. Особенно сейчас, когда он стал своим и мог наравне со всеми проводить время в тренажёрке или слоняться по интернату, зависая перед телевизором в холле. Но, с другой стороны, было жалко Шизика. Он-то вообще ни в чём не виноват, это же они его уговорили. И то, только ради ключа.

Артём стоял в книгой в руках и долго молчал. Потом сел:

- И сколько мне так ходить?

Директор не сразу оторвался от своих бумаг.

- Это как пойдёт, - ответил он. – Для начала месяц. И по десять страниц в день. А потом посмотрим. Ты как читаешь-то? Хорошо?

На самом деле Артём читать не умел. Точнее, уметь-то умел, но очень плохо. Он читал с трудом, медленно, так, что любое чтение, особенно вслух, превращалось для Артёма в сущую пытку. Когда все в классе читали по цепочке, и очередь доходила до Артёма, и ему нужно было прочитать своё предложение, он сначала вздыхал так тяжело, точно ему нужно было поднять тонну кирпичей, потом прочитывал слово про себя, затем наконец-то произносил его вслух. Но предложение никогда, как назло, не заканчивалось одним словом. Тогда Артём снова проделывал весь этот сложный путь. Когда он, наконец, доходил до конца предложения, он был выжат, как лимон, и не мог больше сосредоточиться до самого конца урока. Он бы лучше весь день разгружал книги в библиотеке, чем читал бы их. Он ненавидел писателей, которые придумывали такие длинные предложения.

Артём открыл книгу, увидел текст, буквы поплыли у него перед глазами – и он уже готов был поехать в дурку вместо Шизика. Но послушно начал читать.

6

Тёмка с Вадиком стали проводить всё своё время на Ухтомке. Вадик иногда притаскивал из дома бутылки, пахнувшие так же, как и те, что приносил дядя Лёша. Тёмке их пить не нравилось – было противно, и потом ещё долго оставалась какая-то мутная горечь во рту. Но ему нравилось, что после нескольких глотков становилось тепло и легко. Он забывал обо всём, и для него существовало только время, проведённое с другом. Вадик научил пить «через затыг» - нужно было затянуться сигаретой, потом глотнуть из стакана и затем выпустить дым. От этого у Тёмки кружилась голова, но быстро становилось весело и спокойно. Потом он часами смотрел в окно на пустынную дорогу и молчал. Иногда после таких затыжек парни засыпали прямо там, на матрасах, укрывшись куртками, и просыпались только, когда улица, на которую выходило их единственное окно, становилась тёмной.

Так прошли ноябрь и середина декабря. А потом Тёмкиной маме позвонили из школы.

Тёмка не любил, когда в квартире стояла такая жуткая тишина, как сегодня. Телевизор не работал, хотя мама включала его всегда фоном, даже если не смотрела - дядя Лёша ругался на новости или на передачи по Первому каналу. А сегодня он даже не ругался на маму. Они сидели на кухне молча. Тёмка с порога почувствовал что-то неладное и хотел проскочить незаметно к себе, но дядя Лёша схватил его за руку. Тёмка покосился на мать.

- Из школы звонили, – сказала она нетрезвым голосом.

Тёмка вздрогнул. Он не был в школе уже несколько недель.

- Где ты был? С дружкой своим шатался? Воровал? Курил? – продолжала мать, которая и сама еле ворочала языком. Дядя Лёша силой посадил Тёмку на табуретку. - На какие деньги гулял? Говори давай!

Тёмка уже понял, что улизнуть ему не удастся – дядя Лёша спиной загораживал выход из квартиры. Тёмка мог только проскочить в свою комнату, запереться там и надеяться, что его оставят в покое.

- Если узнаю, что воровал – убью, - сказала мама.

Тёмка вдруг вспомнил гараж, который они ограбили с Вадиком и особенно те мороженые яблоки. Он сделал шаг к своей комнатке и быстро проскочил внутрь. Дядя Лёша метнулся за ним, но не успел – Тёмка уже запер дверь. Дядя Лёша забарабанил по ней.

- Пусти, сопляк!

- Оставь ты его! – махнула рукой мать. – Выйдет – получит.

Послышался звон бутылок.

- Я его научу, как мать расстраивать и по улицам шляться! – прокричал дядя Лёша, а в ответ по стенке застучали соседи.

- Заткнитесь! – крикнул им дядя Лёша. - Выходи лучше сам! Если я достану – хуже будет!

Тёмка высунулся из окна. Невысокий второй этаж – он мог свеситься вниз и спрыгнуть. Он взял свой рюкзак, залез на подоконник и осторожно спустился вниз. Ночевать решил на Ухтомке.

В школе было хуже. Весь следующий день его допрашивали – где был, с кем. Приходили даже из полиции – две женщины в форме.

- Вы куда смотрели? – говорили учителям.

- За всеми не уследишь, - отвечали они, - мальчик сложный. Сколько раз из школы сбегал! Не удержишь.

Тёмка молчал.

- Ты понимаешь, что нельзя прогуливать школу? – говорили уже ему. – Где ты был? Чем питался?

Тёмке даже стало жалко этих женщин в форме - в школе было тепло, а они сидели в больших дурых куртках и сапогах. В похожие куртки Тёмка заворачивался и спал на заводе. Ему стало интересно – знают ли про Ухтомку?

- Ты понимаешь, что тебя могут отправить в детдом? Что могут забрать у мамы, если ты не будешь ходить в школу?

- А что вы хотите? – говорила классная руководительница, - отца нет. Мать пьёт. Толком нигде не работает. Мы ей звонили, но она не берёт трубку. Даже

домой к ним приходили, но они в глазок смотрят, закроются и сидят. Через соседей пытались их достать, но даже соседям не открыли.

- В опеку звонили?

- Нет ещё.

- Ну так позвоните. Пусть припугнут мать. Я уже из этой школы не вылезаю. То на крышу залезут, то в квартиры. Не Посёлок, а яма. Болото какое-то. Надоело уже. Тут все пьют и толком нигде не работают. Проехать бы катком по этому Посёлку. Снести всё. Вот где реновация нужна.

...

До самого Нового года Тёмка ходил в школу каждый день. Мама была молчаливая и мрачная. Таким же мрачным был дядя Лёша, и Тёмка стал бояться его ещё больше.

Все новогодние праздники мама и дядя Лёша пили. Тёмка ещё не видел маму настолько пьяной. Несколько раз она отключалась, и он пытался приводить её в порядок, открывал окно и вытаскивал маму головой на улицу, чтобы та подышала морозным свежим воздухом, но это не помогало.

- Что ты уставился? – кричала она на сына, - отпуск у меня. Отпуск. Заслужила. Твой папка уже какой год отдыхает, а я на него да на тебя пашу!

Тёмка бегал в ванную, мочил полотенце и клал маме на голову. Она приходила в себя и опять начинала пить.

- Мам, давай поедем на птичку, - говорил Тёмка.

Птичкой называли наркодиспансер около птицефабрики, где выводили из запоя и кодировали после Нового года почти весь Посёлок.

- Я те чё, алкашка? У нас праздник. Имеем право.

Дядя Лёша тоже пил. Он уходил на несколько часов на улицу, возвращался с пакетами, открывал новые бутылки, пил, заваливался спать, просыпался и снова уходил. Еды дома почти не было. Тёмка варил макароны, а когда макароны кончились, пошёл в «Пятёрочку», купил самое дешёвое - суп и лапшу в пакетах - и заваривал их кипятком.

Иногда ему становилось страшно. Особенно ночью, когда мама с дядей Лёшей не спали, а кричали друг на друга или, наоборот, как-то неестественно смеялись и пели песни. Он тогда лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок, по которому бежали длинные нависающие над ним тени, но больше не плакал, как в детстве. Только сильнее сжимал губы и тяжело сглатывал застрявшие в горле слёзы.

Иногда в квартире не раздавалось ни одного звука. Это значило, что мама с дядей Лёшей либо спят, либо ушли в магазин. Тогда Тёмка боялся, что они не вернуться, что упадут, уснут, замёрзнут где-нибудь по дороге. А иногда он хотел, чтобы они не приходили больше - тогда он сможет спокойно жить один, пока не вернётся отец.

Вадик на все эти дни пропал – не приходил в школу и не заходил за Тёмкой – и тот не знал, где он и что с ним.

Никакой ёлки и подарков на сам Новый год у Тёмки не было, только мама с дядей Лёшей накупили бутылок. Когда они уснули, Тёмка решился пробраться на кухню и увидел на столе открытую бутылку водки. Он понюхал из неё и поморщился - резкий запах ударил в нос. Потом принюхался, лизнул крышку и вспомнил, как сидели с Вадиком на Ухтомке, курили, пили и смотрели в окно. Тёмка налил водки в стакан и выпил залпом. Горло обожгло, и на секунду перехватило дыхание. Он наклонился над раковиной и задышал быстро-быстро. Потом оттер рукой пот со лба. Почему-то на Ухтомке не было так противно и страшно. В это время где-то у соседей забили куранты – было хорошо слышно, как кто-то крикнул: «С Новым годом!» и засвистел. Мама проснулась, и Тёмка поскорее выскользнул в коридор. Остаток праздничной ночи он просидел на Ухтомке, завернувшись в куртки, но без Вадика было страшно и холодно.

После Нового года неожиданно знакомо застучали по стеклу камушки, затем Вадик несколько раз свистнул. Тёмка радостно выглянул в окно.

- Сидел месяц дома, как в тюрьме, - пояснил Вадик, когда Тёмка выскочил к нему. - Только сейчас выпустили. - Они пошли к знакомым гаражам мимо железной дороги, которую называли железка.

Тёмка радостно шёл за Вадиком и смотрел, как быстро, сверкая окнами, проносится поезд, унося людей из Москвы куда-то далеко-далеко. Парни прошли мимо заброшенной платформы, которая стояла вся заросшая

граффити и травой, у которой давно уже не останавливались электрички, и Вадик взял кирпич и запустил им в поезд. Кирпич не долетел, упав в ров недалеко от путей. Вадик выругался и залез на крышу гаража, самого близкого к путям.

- Заснимешь меня? – Вадик встал во весь рост и подпрыгнул. Он словно бы вытянулся за праздники – стал выше и сильнее. На нём была только кожаная куртка и чёрная футболка, хотя весной ещё и не пахло.

Тёмка залез следом. Вадик любил лазать по крышам, он хотел стать паркурщиком, поэтому тренировался быстро бегать и перепрыгивать с крыши на крышу. Он бросил Тёмке свой телефон с хорошей камерой и разбежался, ловко перепрыгнув с одной крыши гаража на другую.

- Я не успел. Давай ещё раз, - крикнул ему Тёмка, включил камеру на телефоне и приготовился снимать.

Вадик показал средний палец в камеру, потом разбежался и прыгнул на соседнюю крышу. Тёмка смотрел в маленький экран, как Вадим ловко перепрыгивает с гаража на гараж, бежит по железному скользкому покрытию и спрыгивает на противоположном конце.

- Заснял? – крикнул он.

- Да!

- Ну как? – Вадик, весь красный, подбежал к Тёмке. Тот показал ему телефон.

- Давай пересними! - Вадик побежал дальше к крыше.

Он вскочил на самый край и зашатался, как пьяный. Тёмка смотрел в телефон, как Вадим балансировал на самом краю, потом поскользнулся, соскочил одной ногой и чуть было не упал, но удержался руками за край.

- Ты чё, делаешь, сопляк? – где-то прогремел грубый голос. - Вы там, совсем обалдели?

Какой-то мужик смотрел на них снизу-вверх и отчаянно ругался:

- Шею сломаете на моём гараже, мне за вас в тюрьму идти?

- Да пошёл ты! – крикнул ему Вадик и опять показал средний палец.

- Ах ты, молокосос! Сопляк!

Мужик полез за ним на крышу, но Вадик перепрыгнул на ту, где стоял Тёмка.

- Валим! – крикнул он, и ребята, схватив рюкзаки, быстро спрыгнули с обратной стороны гаражей и молниеносно помчались.

Если случалась опасность, Тёмка всегда действовал мгновенно. Посёлок он знал наизусть - каждый поворот, каждый тупик, забор, через который можно перелезть, узкие дворы и детские площадки. Всё это он мог безошибочно угадать – в темноте, ночью, с закрытыми глазами. За свою жизнь он научился хорошо одному – бежать. И он всегда бежал так быстро, как только мог. Какое-то время Тёмка слышал за спиной топот, потом отдалённую ругань, потом всё смолкло, и он ощущал только, как стучит его собственное сердце.

Вадик повалился на траву и схватился за живот.

- Вот гад, - сказал он. Немного отдышался, достал сигареты и закурил. – А меня теперь в деревню перевозят. С бабкой жить буду.

Тёмка замер от неожиданности.

- Как? А школа?

- Там ходить буду. Батя сказал, этот Посёлок прогнил, что он бы его сжёг к чёрту.

- Тогда я с тобой поеду, как хотели! Мне тут ловить нечего.

Где-то в отдалении опять пронёсся поезд, но уже обратно – в Москву. Было хорошо слышно шум колёс и пронзительный гудок. Вадик курил, пока этот гудок не замолк окончательно, а потом неуверенно сказал:

- Слушай, батя, наверное, будет против. У тебя же типа мать есть. Вот если бы ты из детдома был...

- В смысле? – не понял Тёмка, - мы же договорились.

Вадик выбросил окурок и пожал плечами. Тёмке вдруг стало тяжело дышать, он сел на промёрзшую землю, сплюнул, бросил почти целую сигарету, которую только что достал из пачки и со злости затоптал её ногой. Потом встал, кинул Вадиду его телефон, развернулся и побежал через пути на другую сторону города.

- Ты куда? – крикнул Вадик, но Тёмка не остановился и не обернулся. Ему стало обидно и страшно. Сердце замирало и живот свело от нового неприятного чувства.

Он теперь оставался совершенно один.

...

Вечером матери не было дома. Дядя Лёша, недопивший, а потому злой, слонялся по маленькой квартире и ругался. Видимо, за праздники кончились деньги, и выпить больше было нечего. Тёмка сидел у себя в комнате в наушниках и старался его не слышать, но тот постучался в дверь.

- Тём! – позвал он.

- А! – Тёмка отозвался не сразу.

- Открой, а.

- Зачем?

- Ты чё? Тебе говорят, открой!

- Я уроки делаю.

- Открой! Сейчас снесу дверь на хрен!

Тёмка вынул наушники и открыл.

- Сходи, а? – сказал дядя Лёша.

- Куда?

- За бутылкой, куда?

- Мама же пошла.

- Нет её чё-то. А мне плохо. Сходи.

- А деньги?

- Возьми займы. Там знают. Скажи, для меня. Тебе дадут.

Дядя Лёша часто просил сходить в «Пятёрочку», где работала мать, взять бутылку водки займы. Тёмка в таких случаях уходил на улицу, бродил час, а потом возвращался и говорил, что водку не дали. Мать к этому времени уже

возвращалась, и дядя Лёша забывал про Тёмку. В этот раз он решил сделать также.

Он надел куртку, ботинки и вышел. «Пятёрочка» находилась в соседнем доме через дорогу, но Тёмка туда не пошёл. Ему было стыдно приходить, выслушивать, как надоели эти алкоголики, но как жалко его и мать, которая когда-то была нормальной бабой, но связалась с этим гадом – отцом Тёмки. Потом ещё просить бутылку, убеждать, что мама протрезвеет и отдаст с зарплаты, хотя за несколько дней праздников она уже задолжала больше своего месячного заработка. Потом на глазах всего Посёлка нести эту бутылку домой... Тёмка больше не хотел. После того, как Вадик сказал, что уезжает, Тёмка как-то сник и устал. Он побродил час по улице и пошёл домой. Мама уже должна была вернуться, но, как только Тёмка открыл дверь, он понял, что её почему-то всё ещё не было. Его встретил нервный и злой дядя Лёша. Тот стоял в дверях и шатался, Тёмка даже невольно попятился назад. Последнее время он боялся дяди Лёши - большой, сильный, он много раз хвастался тем, что может ударить так, что человек уже не встанет. Дядя Лёша схватил его за руку и буквально втащил в квартиру.

- Принёс? – зарычал он.

- Не дали, - зашептал Тёмка, - я все магазины оббегал. Мама сейчас придёт и принесёт. Ты чего?

Дядя Лёша весь трясся. Тёмка знал, что от алкоголя можно умереть, что бывает горячка, но он никогда не видел такого. Он вжался в угол. Дядя Лёша стоял напротив него весь красный. Его руки, с жёлтыми пятнами и синими вздувшимися венами, тряслись, но казались сильными. Он схватил Тёмку за плечи. Тот попытался увернуться, но дядя Лёша швырнул его, как котёнка, и с какой-то нечеловеческой силой ударил. Тёмка отлетел к плите, сбил чайник и несколько пустых кастрюль. Раздался жуткий грохот, но боли как будто не было. Только какой-то дикий страх, точно страх загнанного животного. Он закричал. Дядя Лёша ударил его ещё раз в лицо, и Тёмка почувствовал, что в горло полилась какая-то вода. Он протёр рукой лицо, чтобы стереть эту воду, но она почему-то оказалась красной. Дядя Лёша замахнулся ещё. Тёмка закрыл глаза и сжался в углу в комок.

Ему показалось, что на секунду он заснул. А когда проснулся, то по-прежнему сидел в углу. Никого в квартире не было. Тёмка медленно поднялся. Тело

болело, особенно голова и нос. Он потёр лоб, и голова заболела ещё больше. Тёмка вышел в коридор – там тоже никого не было. Даже если соседи и слышали шум, они уже привыкли к постоянным крикам и ругани, и, скорее всего, не обратили внимания. Тёмка плохо соображал. Он вышел на улицу и направился в «Пятёрочку». Прошёл в отдел, где продавалась водка, взял первую попавшуюся бутылку, подошёл к кассе.

- Ты что? – сказала продавщица, покосившись на Тёмку, - тебе не продам.

Он смотрел на неё, не понимая ни слова. Продавщица тоже смотрела удивлённо и испуганно.

- Так это же Ленкин! – откуда-то донеслось.

- Мать что ли послала? – спрашивали, видимо, у Тёмки, но он не понимал, не слышал и продолжал держать водку и тупо смотреть на кассиршу.

- Может, позвонить ей? Да он весь в крови как будто. Ты упал? Давай, зайди к нам. Мы сейчас маме позвоним.

Кассирша встала и хотела подойти к Тёмке, но он сделал шаг назад, к выходу. Обернулся. Охранник стоял далеко – и выход из магазина никто не загораживал. Тогда он резко развернулся и побежал.

- Эй, ты что! Стой! - крикнули ему.

Он почувствовал, что охранник тут же метнулся в его сторону, но Тёмка знал Посёлок как свой собственный дом. Он бежал такими закоулками и узкими проходами, что никто не смог бы догнать его, и пролезал там, где никто не мог бы пролезть. Он бежал, пока не понял, что никто за ним не гонится и, видимо, и не гнался. Тогда он остановился, отдышался, всё ещё держа в руках бутылку. Открыл её, отхлебнул и чуть не выплюнул обратно, но заставил себя проглотить. Потом отхлебнул ещё. Ему стало весело от всего – от погони, от кражи, от ударов дяди Лёши. Он смеялся в голос, не боясь, что его услышат или увидят. Он отхлебнул ещё и провалился в какой-то мутный страшный полусон.

Нашли его на следующий день на Ухтомке. Нашли спящего, что было обиднее всего. Может быть, кто-то видел, как он, шатаясь, шёл в сторону завода.

- Ну всё, пацан, добежался. Давай вылезай. Пойдём.

Тёмка с трудом открыл глаза. Напротив него стоял человек в полицейской форме. Тёмка медленно встал во весь рост и подошёл к окну. Он соображал с трудом, но понимал, что стоит ему сейчас прыгнуть – как всё закончится. Не будет ни мамы, ни дяди Лёши, ни Вадика, ни школы – ничего.

- Не глупи! – сказал полицейский, - жизнь одна. Если помрёшь, ещё ничего. А если инвалидом станешь? На своих ногах дожить надо. Понимаешь? Другие тебе не пришьют.

Тёмка подумал немного и слабо кивнул. Сдаваться он не собирался.

7

Артём взял на себя всю вину, поэтому другим его подельникам и собутыльникам, как их называла Косая, назначили более мягкое наказание – отдраить всю школу, разобрать кладовку, вымыть столовую – ко всему прочему им припомнили украденный сахар. В спальне был проведён тщательный обыск. Нашли несколько пачек сигарет, дрожжи и сахар, припрятанные для следующей бражки, карты, мелкие деньги и банку энергетика, о которой не знал даже Дэни. Всё это изъяли - и спальня теперь была чиста. Жить стало скучно и тоскливо.

Артём сидел взаперти. Теперь он должен был каждый день, после уроков, ходить к директору, сидеть у него и читать ему вслух. Это была пытка – сидеть в тесном кабинете, читать с трудом, проглатывая половину слов и предложений, и думать о том, что сделал за месяц жизни здесь. Драка, брага в вонючей и грязной подсобке, дружба с парнями, из-за которых он теперь здесь один и читает эту муть. Артём вздохнул и замолчал.

Директор сидел на своём месте у окна и стучал по клавиатуре.

- Ну? – сказал он Артёму. – Что же дальше?

- Страницы кончились, - ответил тот. Артём хитрил, пользуясь тем, что директор отвлекался, и пропускал несколько страниц.

- И что же ты понял? – спросил директор.

- Что всё это хрень.

Директор снял очки.

- Почему?

- Все писатели только треплются о всякой ерунде, потому что им делать нечего.

Директор оторвался от компьютера и посмотрел на Артёма.

- Ну почему же нечего. Чехов доктором, например, был, Толстой учителем. А Достоевский вообще почти как ты – на каторге срок отбывал.

- Они что, тоже были все из специнтернатов? – усмехнулся Артём.

- Некоторые были. Толстой никогда не видел свою мать – она умерла очень рано. Лермонтов воспитывался бабушкой. На, прочитай!

Директор достал книгу, открыл на нужной странице и протянул Артёму.

- Вот здесь, - показал директор на строчки.

Артём вздохнул и медленно начал читать строчки из поэмы Лермонтова:

- Я никому не мог сказать священных слов – отец и мать, - Артём остановился.

- Что же, а дальше?

- Я сегодня уже прочитал свои страницы, - пробубнил он.

- Ну ты же не срок мотаешь, - улыбнулся директор.

Артём смотрел какое-то время в книгу, потом пробубнил:

- В этих словах нет ничего священного. Подумаешь – мать? Дэни прав – без родаков было бы лучше. Я своей матери всё равно только мешал, - Артём пожал плечами. – Теперь ей, наверное, хорошо.

- А тебе хорошо? – спросил директор.

- Если бы я её совсем не знал, было бы лучше, - усмехнулся Артём, - без матери ещё никто не сдох. Вон у вас сколько народу здесь. И все как-то живут.

- Живут, - подтвердил директор, - а куда деваться? Жить-то надо.

Окно директора выходило на соседний дом, и из него был виден двор, где какие-то парни играли в футбол. Артём привстал на мысочки и прильнул к окну, чтобы лучше всмотреться. Это были не интернатовские – у них была

красивая модная бело-голубая форма с цифрами на футболках, надетых прямо на водолазки. У воспитанников такой формы не было, им выдавали одинаковую чёрную, потёртую на коленях.

- Умеешь играть? – спросил директор и подошёл к Артёму.

Тот усмехнулся.

- Конечно! Защита хилая у них. Легко пробить.

- Ты бы пробил?

- За минуту!

Артём не мог оторваться от их игры.

- Почему не запишешься в секцию? У нас есть футбол.

- Туда Хомяк ходит. А Дэни с ним в контрах.

- А что, ты делаешь то, что говорит Дэни?

- А ты – нет? Здесь все делают то, что говорит Дэни.

Директор внимательно посмотрел на Артёма.

- Ты знал, что это Дэни варил брагу, а наказал меня, - продолжил Артём, по-прежнему не отрываясь от игры, - и Шизика хотел в дурку спихнуть.

Директор промолчал.

- А ты знаешь, почему Дэни не живёт дома? – спросил он.

- Потому что его мать по мужикам шляется и водит их к себе.

- Это он тебе так сказал?

- А что, это не так?

- Нет. Не так. Дэни с друзьями совершил групповое нападение на человека. Они избili его до полусмерти. Но он остался жить - вылежался в больнице, оклемался и опознал их. Всем дали реальные сроки, а Дэни не было четырнадцати, поэтому он оказался здесь. Так что его мать совершенно не при чём. Она даже пыталась его выгородить, денег дать полиции, но не вышло. Потерпевший указал совершенно конкретно на них, да и уличная камера зафиксировала одного из банды. Об этом он не рассказывал? А скоро один из

его дружков выходит по УДО. И, скорее всего, придёт именно к ней. Или сюда. Вот так.

- Он что, всех своих сдал?

- Ну, сдал или не сдал – я не знаю. Только все сели, а он нет. А такое, как ты понимаешь, не прощают. Сюда-то они не доберутся, но рано или поздно ему стукнет восемнадцать. Да и мать в городе живёт, а адрес им известен.

Артём молчал, смотрел в окно и, казалось, увлёкся игрой, но через секунду махнул рукой, отошёл от окна и хмыкнул:

- Хреново играют. А бы с ними на бабки забился.

- Запомни, Артём, ни с кем нельзя играть на деньги, особенно, если их у тебя нет.

- Я бы выиграл.

- Тем более. Проигрыш прощают, выигрыш – нет.

- Получается, Дэни нужно было сесть, чтобы его простили?

В кабинет директора коротко постучали, и вошёл незнакомый Артёму молодой высокий человек. Он был в джинсах и рубашке, без пиджака и без галстука. Он остановился посреди кабинета и с неприятным удивлением посмотрел на Артёма.

- Погуляй в коридоре, - попросил воспитанника директор, и Артём вышел, но не ушёл, а прислонился к двери, приоткрыв её, и стал прислушиваться.

- Кто это? – грубо и недовольно спросил молодой.

- Воспитанник, - ответил директор спокойно, но тоже недовольно.

- Смотрите, Алексей Николаевич, будет, как в прошлый раз.

Директор не ответил, и молодой продолжил.

- Но дело ваше. Я по другому поводу. Я только что из департамента.

Послушайте, Алексей Николаевич, вы сами понимаете, что это переходит все границы. В конце концов, сколько можно упрямится и вставлять нам палки в колёса? Мы всё равно сделаем так, как нам нужно. Два одинаковых интерната рядом никому не нужны. Почему вы не хотите их слить? Это самое разумное

решение. Сольём интернаты, сэкономим на сотрудниках, электричестве, да и ещё бог знает на чём. Мы же вас не забудем. Вы как были директором, так им и останетесь. Только теперь в вашем подчинении будет не триста человек, а шестьсот. И зарплата вырастет. Сами посчитайте. Платят вам за человека. Значит, чем больше людей в подчинении, тем больше копеечка. Смекнули? И потом...

- Я уже давно всё смекнул, - перебил его директор. – Но дело в том, что интернаты эти не одинаковые. Интернат, с которым, как я понял, вы хотите нас слить - психоневрологический. Вы когда-нибудь там бывали?

- А мне там делать нечего, Алексей Николаевич, - у меня своя работа. И вообще - интернат есть интернат. Какая разница? В конце концов, сирот можно перераспределить и в детдома.

- Но как вы перераспределите двести человек? Это же сложившийся коллектив со своими правилами. Вы когда-нибудь пробовали слить две тюремные камеры? Вы понимаете, что это будет такая мясорубка, которую вы же потом всем департаментом замучаетесь расхлёбывать. Ведь они, в конце концов, окончат интернат, понаберутся приёмчиков, которыми их психи да санитары обучат, изучат названия лекарств, которыми их там колют до состояния невменяемости, и выйдут на улицу. Не будете бояться своих детей гулять отпускать?

- Мы вас понимаем. Но и вы нас должны понять. Содержать два заведения сложно. В современных условиях это практически невозможно. Зарплата у воспитателей такая, что мы только можем Украину и глубокую провинцию нанимать. Да у вас у самого... Что же вы нам предлагаете? Экономить на ваших же детях? А мы им в новом интернате дадим хороших сотрудников – педагогов, психологов. Обложимся такими специалистами, которые вам тут и не снились. Ну что лучше – сидеть в полуразвалившемся здании? Или обустроить новое, современное?

Директор помолчал.

- Знаете, что. Дайте мне доработать спокойно. И делайте, что хотите. Хоть объединяйте, хоть расформировывайте, хоть распускайте всех к чёртовой матери.

- Ну знаете, в конце концов, вы можете и раньше уйти.

- Раньше не могу.

- Что же вам мешает?

- Я своих не бросаю.

- Вы об этих? Это они – свои? А мы, получается, чужие?

- Получается.

- Ну знаете... Из-за каких-то беспризорников столько волокиты... Да они же подстатейные все, их вообще можно по колониям распределить, да и дело с концом. Что вы за них так цепляетесь? Вас же один из них чуть сам под статью не подвёл. Забыли? И этот подведёт. У вас же у самого сын есть. Ну и занимались бы им, а не этими бестолочами. В конце концов, вы уже не на войне, чтобы делить всё на своих и чужих. Время изменилось.

- Всего доброго, - тихо, но твёрдо сказал директор.

Послышались шаги, и Артём отпрянул к окну. Молодой распахнул дверь, вышел, посмотрел на Артёма чуть ли не с ненавистью и крикнул напоследок:

- Смотрите, Алексей Николаевич, мы же можем и архив поднять.

- Поднимайте, поднимайте. Для вас тяжело будет. Не осилите, - крикнул в ответ директор, - надорвётесь.

Артём тихонько зашёл в кабинет. Директор стоял у окна и теребил ворот рубашки. Пиджак он снял, и тот висел на спинке стула.

- Всё слышал? – спросил он.

- Что это за гад? – кивнул Артём.

- Это чиновник из департамента. Молодой парень. Недавно на посту, вот выслужиться и хочет. До нас докатилось уплотнение. В Москве уже давно все школы объединили в одну структуру. Теперь и наш интернат хотят слить с Воскресенским. Что из этого получится – страшно представить. Вот и не придётся Шизика одного перевозить! – усмехнулся директор. – Все вместе поедem. И я с вами! – рассмеялся он.

Артём первый раз видел его таким взволнованным. Даже когда Артёма избили и когда кладовку разгромили, директор так не волновался. Кричал, но не волновался. А сейчас голос не повышал, а стоял весь красный.

- Но ты его здорово отделал, - заметил Артём.

Директор улыбнулся.

- Они, знаешь, чего боятся? У меня в управе друг есть, вместе в армии в Афганистане служили. Он, как вернулся, больших высот добился. Вот они меня и не трогают, пока он жив.

Артём не верил своим ушам - Шуба не даёт закрыть интернат и превратить его в дурку. Это был уже как будто какой-то другой директор.

- А почему он на меня так уставился? – спросил Артём.

- Это долгая история. Как-нибудь расскажу. А пока иди. Ты и так много лишнего слышал. Но не говори никому. Поднимется паника, начнутся побег. А нам это не надо. Это будет хороший повод прикрыть наше заведение. И никто за нас не заступится. Понимаешь?

Артём кивнул. Что-что, а молчать он умел. Научился - в детдоме болтливых не любили. Молчание всегда было золотом.

...

Незаметно наступил декабрь, а за ним уже чувствовался Новый год.

С парнями Артём виделся теперь только на уроках и в тренажёрке. Остальное время он проводил с директором, читая ему, как было условлено, по десять страниц в день. Директор его всё время останавливал и поправлял.

- Не глотай слова. Прочитывай как следует. Торопишься куда-то? Раньше времени всё равно не отпущу.

Артём стал читать намного лучше. Он теперь мог прочесть всё предложение почти без запинки. Он уже одолел учебник седьмого класса и перешёл к восьмому. Во время его чтения директор обычно заполнял бумаги у себя за столом или просто сидел у окна и, казалось, совершенно не слушал, но как только тот замолкал, отчитав свои страницы, директор тут же кивал ему и начинал спрашивать пересказ, из чего Артём делал вывод, что Шуба всё-таки вслушивается.

Артём и сам не заметил, как привык и привязался к директору. Сначала он приходил к нему, словно отбывать наказание. Но Шуба никогда не повышал на Артёма голос, не ругал его, если он читал слишком медленно, и терпеливо

ждал, пока тот дочитает предложение. В школе было не так. На уроках весь класс недовольно подгонял Артёма, когда подходила очередь читать, а учителя старались спрашивать его пореже. Директор же поправлял ошибки мягко и никогда не торопил, и Артём постепенно успокоился и даже стал стараться.

Ещё ему нравилось, что несколько часов в день можно посидеть в тишине, слушая только свой собственный голос и иногда спокойный низкий голос директора. Артём даже стал задерживаться в кабинете подольше, чтобы ещё несколько минут побыть одному, а не сидеть в душной шумной спальне, полной галдящих парней. Ему нравилось, что он мог отдохнуть от спящих везде воспитанников – такой роскоши не достаивался никто в интернате.

Сегодня Артём шёл к директору в последний раз – месяц, о котором они с Шубой договорились, подошёл к концу. Он дочитал книгу и положил её на стол.

- Всё.

- Быстро прошло время, - ответил директор. – Ну что же, можешь идти.

Артём встал. На самом деле, ему не хотелось уходить. Он не мог себе признаться, но ему нравилось разговаривать с Шубой – нравилось, что кто-то из взрослых оказался с ним на равных и спрашивает о таких вещах, о которых с интернатовскими парнями не поговоришь. За этот месяц они разговаривали о многом – Артём рассказывал о Посёлке Калинина, где родился, о Вадике, который уехал в Липецк, об отце, который отбывал наказание в колонии, о матери, которая обещала забрать его домой, но не забрала, о детдоме, об Ухтомке. Хотел даже рассказать о гараже, но не решился. Директор слушал внимательно, иногда переспрашивая, но никогда не осуждал и не ругался. Артёму впервые казалось, что его понимают, и он постепенно стал доверять незнакомому взрослому. Раньше он не доверял никому – ни учителям, которые ругали его за плохие оценки, ни своим отчимам, которые учили пить, ни полицейским, которые были всегда недовольны, потому что приходилось заниматься очередным беспризорником, ни воспитателям, вечно усталым, которые только срывались на воспитанниках. Ни с кем из них Артём не мог просто поговорить. А с директором мог, поэтому сейчас он чувствовал, что скоро потеряет то, что так неожиданно стало для него очень важным.

Но Артём, как велел ему когда-то Дед Мазай, никого ни о чём не просил. Он хотел уже было уйти, как директор сам остановил его.

- Ты пару раз пропускал тренажёрку, - сказал он, - хочешь, сходим?

- С тобой? – удивился Артём.

- А что? Боишься?

- Я ничего не боюсь.

Директор улыбнулся, надел пиджак и взял из ящика стола связку ключей.

- Пошли! – скомандовал он.

В тренажёрке никого не было. Директор снял пиджак и рубашку и остался в белой футболке – такой же, как у Артёма. Они сейчас вдруг стали похожи – почти одного роста, коротко стриженные. Только директор был весь седой, а Артём слишком худой, как и все интернатовские.

Директор отжался несколько раз и тяжело вздохнул.

- Раньше был сильнее, - засмеялся он, - старею.

Артём наклонился, чтобы взять гантели, и заметил большой толстый шрам, торчащий из-под футболки Шубы.

- Откуда у тебя? – спросил он и кивнул на этот шрам.

Директор оправился и сел на кушетку.

- Это в Афганистане. В армии. Как-то пришлось деревню зачищать от духов. Душманы тогда свои дома побросали – жён, детей маленьких оставляли, а сами уходили в горы. Жёны сбивались в одну стаю, жили все вместе и дома оставались пустыми. Вот мы в них заходили, искали оружие, моджахедов, которые могли скрываться. Первым всегда командир шёл. Так было заведено. Лидеры на себя брали всю ответственность. А при входе растяжка оказалась. Он не заметил. Ему ноги оторвало, а меня задело осколком слегка. Я следом шёл. Духи же в начинку могли положить всё, что угодно – и гвозди, и подшипники, и железо всякое. Чтобы уж наверняка. Месяц в госпитале. Но сердце не задело. Стучит до сих пор.

- Сам пошёл или забрали?

- Сам. Мы в самое начало попали. Ещё не знали, что это такое. Думали, героями вернёмся, медали на грудь повесим. Вот повесил, - директор указал на свой шрам. – Вообще, жили весело, смеялись много. Я столько потом за всю жизнь не смеялся, сколько там. Мы же молодые были, по восемнадцать лет, только после школы. На рынке, помню, магнитофоны покупали, кроссовки американские, такие же белые, как у Дэни. Джинсы. Я потом, правда, на эти джинсы смотреть не мог. С нами детдомовские, кстати, были. Но они держались в стороне, своей кучкой. Одного из них, помню, на рынке подстрелили. Пацан чёрненький в наш БТР гранату кинул. Пацан-то мелкий был – лет десять, мы его сначала всерьёз не восприняли. А как гранату достал – поздно было. В машине тогда только этот детдомовский и сидел. Мы все по рынку разбрелись – а у него денег, наверное, не было. Мы ведь даже и не подумали одолжить – жили только для себя. Не думали ни о ком больше. До сих пор жалею, что денег не предложил ему. Может, и выжил бы.

- Там страшно было?

- Было, - ответил директор не сразу, - но здесь страшней. Там всё понятно. В горах - враг. В деревне – враг. В лагере – свои. Здесь же не разберёшься сразу, где свои, а где чужие. Кажется, свой, а приглядишься – чужой. Помнишь, ты спрашивал, почему тот из департамента так на тебя смотрел?

Артём кивнул.

- Это три года назад было. Здесь учился один воспитанник. На тебя похож был. Занимался я с ним. Хороший был парень. Я даже думал взять его к себе. Я всё равно один живу, а он сирота – мать отказалась, а отца с роду не было. А через месяц после того, как он у нас отучился и поступил в колледж, интернат обнесли. Влезли ночью, вынесли компьютеры, принтеры.

- Думаешь, тот пацан?

- А кто? Он у меня оставался в кабинете один. Мог связку ключей взять. На кусок мыла слепок сделать – сам знаешь, как это бывает. И всё.

- А как влезли? Тут же решётки одни.

- Это сейчас. А тогда только на первом этаже были. После тех компьютеров все окна и законопатили. А я что думаю – им эти компьютеры вообще не нужны были. Их и не продашь толком – они же старые, половина не работала.

Вот что обидно. За сломанные компьютеры... Наверное, в природе у него было. Ушёл – значит, надо обнести, забрать с собой что-нибудь ценное.

- Может, его пацаны подбили?

- Ну он же один знал, где что лежит. Нет, это была его идея. Меня потом хотели снять с должности, но сослуживец заступился. А теперь чуть что – припоминают. Вот и поди разберись – кто здесь свой. Ну да ладно! Что об этом вспоминать! – директор махнул рукой.

Позанимались молча немного, а уже в коридоре директор спросил:

- А ты в школе-то раньше как учился?

Артём пожал плечами:

- Да не очень. Писать только в детдоме толком начал.

- А я до интерната учителем был, - пояснил директор, - математику и физику вёл. Много, конечно, забыл. Вот хотел вспомнить. А то, думаю, выгонят из интерната – хоть учителем пойду, а то куда меня ещё возьмут? Поможешь?

- А чем?

- Побудешь моим подопытным учеником? Я хоть вспомню школьную программу.

- Да у меня и учебников-то нет... В спальне куда-то заныкал.

- А если я тебе свои принесу?

- Только лучше я здесь буду их оставлять. У нас в спальне не принято уроки делать. Пацаны не поймут.

Директор кивнул.

Так Артём продолжил заниматься с директором и ходил к нему почти каждый вечер. Он даже увлёкся химией, которая раньше парням была нужна только для того, чтобы варить брагу. Постепенно он привык к Шубе и даже ждал вечера, чтобы заниматься с ним. Тот завёл тетрадки по всем предметам и убирал их в свой шкаф. Брать тетрадки в спальню Артём категорически отказывался – боялся, что его сочтут подлизой. Но в тайне он был рад ходить к директору – после урока они всегда разговаривали, и Артёму нравилось, что Шуба говорит с ним, как с равным, спрашивает о его жизни и рассказывает о

своей. Никто никогда раньше так с ним не общался, а с парнями в спальне можно было только пошло шутить, драться или курить в тесном закутке около туалета.

Наконец, наступил Новый год.

На первом этаже в интернате за одну ночь выросла большая пушистая ёлка.

- Игрушки не разбейте! – кричала Косая, то и дело отгоняя парней от висящих шаров. – Разве можно им стекло вешать? Они же всё перебьют, и ещё друг друга покалечат. Это же бандиты, а не дети!

Но парней, которые ещё неделю назад дрались, ругались и колошматили друг друга, было не оттащить от ёлки. Сверкающая, блестящая, она стояла внизу как королева, как зелёная волшебная гора, которая исполнит все желания.

Парни подходили к ней, трогали шарики, пытались зачем-то лизнуть их, словно они были из карамели, сорвать, спрятать под кофту, но Косая, которой было поручено охранять в эти дни не ребят, а именно ёлку, каждый раз кого-то ловила, била по рукам, доставала шарики и вешала их обратно.

- Им надо пластик, - ворчала она, - хотя, они и пластик разломают и сожрут. Вообще, зачем им ёлка? Могут и так прожить.

Вся жизнь в интернате замерла и сконцентрировалась вокруг этой ёлки. Даже Дэни и Хомяк, враги и соперники, стояли, разинув рты. Хомяк пытался достать огромный шар на самом верху, а Дэни отвлекал Косую. Он ходил за ней и рассказывал пошлые анекдоты.

- Ты мне зубы не заговаривай, - она уходила от него, но он её догонял и всё твердил один и тот же несмешной анекдот.

Такую большую ёлку, только не так нарядно разукрашенную, Артём первый раз увидел в детском доме.

8

Новый год в детском доме – это святое. С самого утра воспитанники бегали из спальни вниз, в холл, чтобы посмотреть, как будут ставить и украшать ёлку. Её, высотой до самого потолка, приносил завхоз, грузный и сердитый, который обычно гонял парней за то, что они тайком курили по углам. Но сейчас даже завхоз не ругался и не грозил заставить бегать на морозе вокруг детдома в одних трусах, а заботливо поставил дерево в большую кадку,

засыпал несколькими вёдрами земли, которую ему натаскали старшие воспитанники, и повесил такую древнюю гирлянду, что всем казалось чудом, что она ещё продолжала зажигаться мерцающими зелёными, красными, белыми и оранжевыми огоньками.

После торопливого завтрака начиналось самое интересное. Детдомовцы открывали коробки с новогодними игрушками и, толкая друг друга, развешивали всё это добро на ёлку. Здесь были не только нарядные шары, но и пузатые медведи, длинноухие зайцы, обсыпные шишки, весёлые ёжики и жизнерадостные снеговики. Игрушек было море, и детдомовцы, радостно спорили, кому какую игрушку вешать. Ещё вчера они устраивали друг другу «тёмную», запирая в шкафу, а сегодня, забыв все ссоры, носились по зале детского дома вокруг ёлки с визгом и восторгом. Воспитатели покорно молчали, давая им в этот день набегаться, набеситься, наораться. Позади был сложный год, а скоро, понимали все, начнётся ещё один, точно такой же. И им нужно было хоть на один день забыть обо всём - раскидать шкурку от мандаринов, которые всегда давали в этот день, обёрточную бумагу от подарков и красивые разноцветные целлофановые пакеты. Всё это останется валяться на полу до самого утра, пока нянечка не выметет остатки праздника и не соберёт в большой чёрный мешок.

Под самую новогоднюю ночь воспитанники, напротив, становились серьёзными. Одни раздумывали над желанием, которое вскоре загадают, другие – над тем, что до сих пор не сбылось. Третьи думали о том, что не сбудется никогда.

Тёмка, наблюдая за суетой и беготнёй вокруг, стоял под ёлкой, разинув рот. Раньше он видел ёлку только на улице. Обычно её ставили в Посёлке около школы, и все могли смотреть и гулять около совершенно свободно. Только та ёлка не была такой красивой и яркой – игрушек на неё почти не вешали и гирляндами не украшали.

Под ёлкой, также разинув рот и задрав голову вверх, стояла Полинка - девчонка из их детдома, которая попала сюда недавно.

- Могу шарик достать, если хочешь, - сказал ей Тёмка.

- Отвали! – огрызнулась Полина и села подальше от него на лавочку.

Тёмка подсел к ней.

- Да ладно, чё ты! – попытался он опять, - я за просто так. Мне ничё не надо.

Полинка цокнула языком и пожала плечами:

- А у меня ничё и нет.

- Ты какой хочешь?

- Тут красные только. А я красные не люблю. Я прозрачные люблю, чтобы внутри шара была блестяшка. Мы такие раньше вешали, когда я с мамкой ещё жила.

Тёмка подошёл к ёлке и увидел, что на самом верху как раз висел маленький прозрачный шарик с блестящей скрученной ленточкой внутри. Он пододвинул лавку, поставил на неё стул и залез. Аккуратно снял шарик и вместе с ним победно спустился вниз.

- Ну и дурак ты. А если бы увидел кто? – почему-то обиделась Полинка, но шарик взяла и поспешила сунуть в карман большой куртки.

Полинка училась вместе с Тёмкой в седьмом классе, но казалась совсем маленькой - была невысокая, худая и, если бы не красила ярко глаза и волосы в кирпичный цвет, то выглядела бы, как шестиклассница. Все девчонки здесь красились одинаково ярко, а раз в месяц запирались в туалете и всю ночь мазали друг другу волосы жутко пахнущей едкой краской.

Отец Полинки умер несколько лет назад, с тех пор её мать беспробудно пила, не работала и жила с таким же безработным алкоголиком. Пособия, какое получала мать, хватало только на водку, поэтому подкармливали Полинку все, кто мог: соседи по коммуналке, родственники, родители одноклассников - а когда им надоело смотреть на всё это, позвонили в опеку.

В детдом Полинка не хотела, всё время, пока находилась в распределителе, плакала, но мать к заседанию суда так и не вышла из запоя, поэтому решение вынесли без неё, и тринадцатилетнюю девочку решили отправить в Томилинский детский дом, а матери дать срок в шесть месяцев на исправление. За это время она должна была бросить пить, устроиться на работу и забрать дочь обратно. Шесть месяцев истекали сразу после Нового года, может, поэтому Полинка сидела под ёлкой такая задумчивая, прикрыв глаза длинной неровной рыжей лохматой чёлкой.

Тёмка смотрел на эту чёлку и почему-то хотел дотронуться до неё, поправить, но не решался.

- Я раньше любила Новый год, – сказала вдруг Полинка. – А ты?

- Мы не праздновали никогда. Один раз на заводе сидел, когда мать пьяная лежала. Кто-то там салют пускал, а я смотрел. Вот это круто было. А больше не помню. В школе, правда, иногда подарки раздавали – шоколадки всякие, конфеты. Ну и всё.

- А я думала, меня мамка заберёт, - призналась Полинка и ещё больше закрыла глаза чёлкой, - но она, наверное, ещё не закодировалась. Ей на суде сказали, чтобы она пить бросила, а потом за мной приходила.

- Как же! Закодируется она! Новый год же! Все бухают, – усмехнулся Тёмка, - я бы её не ждал. И вообще – моя сто раз кодировалась – толку-то!

Полинка покраснела и отвернулась. Тёмка пожалел, что так сказал, спохватился и добавил:

- Не, но всякое бывает...

Полинка ничего не ответила, но кивнула, затем встала и пошла наверх, в спальню. Сердце Тёмки почему-то неприятно сжималось, пока он смотрел, как она быстро поднимается по лестнице, в честь Нового года украшенной гирляндами. Уже сверху Полинка достала шарик с разноцветной гирляндой внутри и крикнула:

- Спасибо!

Сердце Тёмки больно забилось при звуке её голоса.

...

Тёмка был в детдоме уже четыре месяца. Его определили сюда быстро, прямо из зала суда. На суде он мельком видел мать, которая стояла недалеко и почти не смотрела в его сторону. Он тоже сидел, опустив голову. Когда объявили решение, и его стал забирать полицейский, Тёмка невольно сделал шаг к матери, но она быстро отвернулась и пошла к выходу. Тёмка как будто на мгновение забыл, где находится и что происходит. Он окликнул её. Она вдруг остановилась, подошла к нему и обняла так, как иногда обнимала в детстве, когда он не мог уснуть, приходил к ней в комнату и ложился рядом.

- Тебе там будет лучше, - сказала мама, - хоть не станешь таким, как папаша твой. Ты потом поймёшь, когда вырастешь.

Но Тёмка не понимал - ему казалось, он давно вырос. Он вдруг заплакал, сильнее прижимаясь к груди мамы. Они стояли так несколько минут, пока незнакомый полицейский ни взял его за руку и ни увёл силой.

- Как таких только земля держит, - ворчал полицейский, пока они шли к машине, - пересажал бы этих кукушек.

Тёмка молчал, вспоминая тёплый запах, исходивший от маминой груди, который, как ему казалось, он не почувствует, но и не забудет больше никогда.

В детдоме его приняли хорошо, но, как и везде, первое время ему далось тяжело. Для всех он оказался чужим. Дело в том, что детдомовцы делились на тех, кто был сиротой с рождения и на тех, кто попал сюда из семьи. Первые считались самыми крутыми, а вторых называли презрительно «семейные» и никак не могли простить им их родителей, пусть и непутёвых.

Тёмка был среди «семейных», поэтому должен был заслужить своё право называться настоящим сиротой. В первую же ночь его завернули в одеяло и избили. Это называлось «посвящение». Такое проделывали с каждым, а потом смотрели, как тот себя поведёт. Тёмка мычал, но терпел, на утро никому не рассказал, не пошёл в больничку, не пожаловался воспитателям. Это оценили.

Потом началась череда испытаний. Ему то светили посреди ночи фонарём в глаза, пока он не проснётся, то сбрасывали с кровати, то переносили вместе с матрасом в коридор, то заталкивали в душ к девчонкам, отчего он больно получал от тех. Всё это длилось около двух недель, но Тёмка по-прежнему никому ничего не рассказывал и терпел. Он присматривался, пытался определить, кто главный, а кто шестёрка.

Лидером оказался Жека, который был старше всех – после Нового года ему должно было исполниться восемнадцать лет, он должен был получить квартиру и деньги на свой счёт. Сейчас он учился в Люберцах в техникуме имени Гагарина, который все называли Гагара, и который находился недалеко от бывшего Тёмкиного дома. Из детдома, в основном, все поступали в этот техникум, где когда-то на инженера учился сам Гагарин, потому что брали туда без экзаменов и учиться там было легко.

Жека уже давно ездил по городу самостоятельно, иногда уезжал рано утром, а приезжал к отбою. Он подрабатывал на стройке, поэтому у него водились деньги, и он приносил сигареты, водку, пиво, энергетики и разноцветные конфеты девочкам. Сами девочки вились вокруг него, потому что все понимали – скоро он получит жильё – а значит, заживёт по-настоящему. В детдоме считали, что настоящая жизнь начнётся только после восемнадцати лет, когда они выйдут отсюда, и можно будет гулять по улицам, сколько хочешь, курить, не прячась за сараем, пить и ходить по магазинам. Все представляли взрослую жизнь только такой. Работа и семья почти ни у кого не входила в планы – и мало кто представлял себе, кем он хочет стать и где будет работать, когда выйдет из детдома.

Жека руководил всем, даже воспитателями, и те обращались к нему, если надо было кого-то утихомирить. Утихомиривал Жека по-своему - связывал руки и ноги разбушевавшемуся детдомовцу, зажимал рот и закрывал в шкаф. Через несколько часов он выпускал задыхающегося обездвиженного парня, захлёбывающегося слезами и слюнями. После такого тот готов был на всё, лишь бы его больше не связывали и не закрывали. Но такому наказанию с молчаливого согласия воспитателей подвергались только за серьёзные нарушения – побеги, драки, воровство. Полицию лишний раз старались не вызывать, поэтому справлялись своими силами. Тёмке Жека даже понравился – по крайней мере, было понятно, чего от него ждать.

Шестёркой у Жеки служил Миха. Он был тоже из семейных, как и Тёмка, потому что мать от него отказалась, добровольно сдала в детдом и уехала в другой город. Миха был щуплый, выглядел лет на девять, хотя ему было уже двенадцать. Он не умел драться, не мог постоять за себя, поэтому прибился к Жеке и встал под его защиту. Но его и так никто не трогал - он был такой жалкий, что все брезговали его бить. Он бегал для Жеки в магазин, чистил ему ботинки, стирал носки, майки, трусы. А если Жека пропускал обед, то обязательно откладывал для него тарелку. Тёмка подружился с Михой, потому что тот тоже был из Люберец и жил около Посёлка. Они могли подолгу обсуждать знакомые улицы, вспоминать места, где бывали – это, хоть ненадолго, но облегчало жизнь здесь. Они даже однажды решили, что, когда выйдут из детдома, будут жить вместе.

После посвящения и испытаний Тёмке объяснили три главных правила, которые придумал Жека – ничего не проси, не будь козлом и не подставляй

коллектив. Не быть козлом – это не закладывать никого воспитателям и не делать ничего, что могло бы спровоцировать приезд полиции.

- Один приезд ментов – и нас потом месяц шманают, как на зоне, - коротко пояснил Жека.

Тёмка всё понял быстро. Он научился всё схватывать на лету, жить по правилам и только сегодняшним днём. День прошёл без происшествий, прозвучал отбой – значит, можно выдохнуть и лечь спать. Ведь каждое утро в детдоме начиналось по-разному - иногда спокойно, а иногда с чых-то криков, ругани и драки.

Сегодня утром, после Нового года, кричал толстый Малыш. Жизнь после праздников начиналась заново – такая же, какой она была раньше.

Жека каждое утро запихивал Малыша прямо в одежду под холодный душ и держал под ним несколько минут, пока тот не начинал захлёбываться. Такое наказание предусматривалось, если детдомовец не встал вовремя.

- Не надо, Жека, хорош! – Малыш был самый неповоротливый, жалкий, а потому жертва для всех. Однажды ему даже объявили бойкот, от которого тут чуть не повесился в шкафу.

Именно он чаще всего опаздывал утром. Он был какой-то несобранный, медлительный, часто засыпал на уроках, за что тоже получал пинок от соседа по парте. А утром медлить было нельзя. Ровно через тридцать минут после подъёма воспитатели проверяли спальню – кровати должны быть убраны, все воспитанники умыты и одеты, и если из-за кого-то спальня получала замечание, то провинившегося наказывали по-своему.

- Ладно, на сегодня прощаю, - Жека отпустил Малыша, и тот, всхлипывая, стал медленно вытирать своё толстое тело.

Ещё одно железное правило соблюдалось всегда – на завтрак должны были спуститься все - никаких драк и разборок внизу не допускалось. Воспитатели не должны были видеть, что кто-то ноет, дерётся, выясняет отношения. И те, кто только что до крови дрались в туалете, сидели рядом и ели свою кашу быстро и молча.

Поинка сидела напротив Тёмки. Он иногда смотрел на её розовую футболку, джинсы, уже все выцветшие, спортивную кофту на молнии, и не мог отвести

взгляд, хотя так одевались у них все девчонки. Своих вещей в детдоме ни у кого не было, а всю чистую одежду просто складывали в шкаф, из которого любой мог взять то, что хочет. Даже трусы и носки были общие. Своя была только постель.

Полинка сидела и что-то чертила на листке, который лежал рядом с её тарелкой. Тёмка попытался заглянуть, но ничего не увидел.

- Чё ты всё чертишь? – спросил он, когда все поели и понесли свои тарелки на кухню.

- Отвали! – привычно ответила Полинка.

- Ну покажи, чё ты.

- Ты никому не скажешь?

- Я не стукач.

Полинка поставила тарелку и достала свой рисунок. Тёмка увидел нарисованный карандашом силуэт какого-то парня – высокого, сильного, с большими руками и длинной, как у Жеки, чёлкой.

- Это чё, Жека? – спросил Тёмка.

- Дурак! – Полинка закрыла листок.

- Сама ты дура! – разозлился Тёмка. – Он, знаешь, сколько девок перелапал в сарае? Спроси у Михи – он у него на шухере стоит.

Полинка отвернулась и быстро пошла по коридору. Тёмка смотрел ей вслед, но спина Полинки, её розовая кофточка, которая вдруг стала ему казаться такой близкой, её рисунок, который он теперь почему-то ненавидел - всё это не выходило у него из головы.

- Богатырёв, что замер на пороге! Наряд вне очереди! После завтрака тряпку в зубы и драить пол до самого спортзала! – крикнул учитель истории, ОБЖ и географии в одном лице – большой рослый, в прошлом сам воспитанник этого детдома.

Полинка нравилась Тёмке. Она была некрасивая, маленькая, как и все их девчонки, но она ему нравилась. Может, потому что она тоже была «семейной», её мать тоже пила, и у неё тоже был отчим и не было отца.

Может быть, именно из-за этого её профиль, спортивная кофта и выцветшие джинсы казались Тёмке родными.

Новый год парни решили по-своему отметить в сарае. Он находился за основным корпусом и служил одновременно и клубом, и площадкой для свиданий, и местом для разборок. В нём происходило всё самое важное – здесь дрались, мирились, встречались, сюда приводили девчонок и здесь же отмечали все праздники. Сарай уже много раз пытались закрыть и даже хотели снести, но в итоге решили, что детдомовцы всё равно найдут, где бы им отдыхать, поэтому сарай решили оставить, но иногда приглядывать за ним.

Отмечать решили сразу после отбоя и только небольшой компанией, чтобы было не так заметно. Жека, как всегда, принёс водку и сигареты. Остальные парни натаскали из столовой закуски. Миху, как самого неприметного и маленького, оставили снаружи смотреть, чтобы никто не шёл мимо. Если что – он должен был постучать три раза – так было условлено. Все остальные: Жека, Тёмка, Славик и Кощей – сели в кружок на перевёрнутые вёдра, закутавшись в куртки. На улице было по-новогоднему холодно – и всё тело вмиг застыло в промозглом сыром сарае.

Жека разлил всем водку. Тёмка глотнул из пластикового стаканчика и вдруг вспомнил, как напился этой самой водки, когда сбежал из дома, как оказался на Ухтомке и как чуть было не замёрз там. Его вдруг затошнило от этих воспоминаний, он закашлялся, и Жека постучал ему по спине.

- С непривычки что ли, - сказал он, - ничего, привыкай. Мы всё время с пацанами из шараги квасим.

Тёмка глотнул ещё раз, и ему стало вдруг так легко и спокойно.

- А я, - сказал Славка, - у матери всегда одну бутылку брал. Она, когда напивалась, забывала, сколько купила – три или четыре.

- И чё, ты её пил? – спросил Жека.

- Когда как. Когда пил. Когда выливал. По настроению.

- Ты чё! Водку выливать! – Жека отвесил ему затрещину.

Сам Жека попал в детдом с самого рождения. Он был как раз не из «семейных» - родителей никогда не знал и не видел. Прямо из роддома его направили в дом малютки в Быково, а когда подрос – в Томилино.

- Мать тебя никогда не искала? – спросил как-то у него Тёмка.

- Неа, - ответил он нехотя, - уехала, может, куда. Не знаю. А может, здесь где-то живёт. Как она меня найдёт? Она даже не знает, как я выгляжу.

- А она вообще жива?

- Ну я откуда знаю? Я её тоже не видел. Да что с ней сделается!

- А ты её не искал?

- Как? Мало ли баб родили в тот день. Да и не скажет никто. Это типа не по закону. Она же свободный человек. Хочет – родит. Хочет – выбросит. Когда восемнадцать стукнет, я съезжу в Красково в роддом. Может, кто вспомнит меня. Может, она вообще где-нибудь там живёт до сих пор.

Сейчас Жека сидел и сплёвывал сквозь зубы, совсем как мужик. Тёмка выпил ещё и вспомнил, как он точно так же сидел однажды в тёмном гараже один, сплёвывал и сжимался от холода в комок. От этих воспоминаний ему стало грустно, и он поспешил залить тоску водкой, тем более, её было достаточно.

Где-то в глубине сарая послышались короткие всхлипывания. Все замерли.

- Кто здесь? – Жека посветила фонарём на телефоне в глубину и осветил маленькую жалкую фигурку Михи.

- Ты чё тут делаешь, малой? – удивился Жека, - я же тебя на стрёме оставил! - прикрикнул он.

- Хо-холодно, - ответил, стуча зубами, Михи и опустил голову.

- Да нет на улице никого, Жек, - махнул рукой тощий Кощей, - в такой мороз кто там шастать будет! А есть - и хрен с ними. Из детдома не выгонят. Пусть мелкий с нами сидит.

Жека поставит Михе перевёрнутое ведро и налил водки.

- На, пей, - велел он и ткнул в Миху пальцем.

Миха взял стакан, отвернулся и залпом опрокинул в себя водку, потом встряхнул головой и бодро мальчишеским писклявым голосом крикнул:

- А меня скоро заберут домой!

- Чего? – Славка залился пьяным смехом, - ты чего несёшь? Кто тебя заберёт? Куда?

- Мне воспитатели сказали. Бабка моя нашлась.

- Бабка его нашлась! Да откуда у тебя бабка? Матери-то днём с огнём не сыщешь. Забуди! – Славка махнул рукой.

- Я говорю – заберут! Бабка звонила сюда! – Миха стал всхлипывать сильнее, пока Жека ни ткнул ещё раз в него пальцем и ни отрезал:

- Запомни, малой. Здесь действует правило четырёх «Н».

Миха тут же притих.

- А что это значит? – спросил Тёмка.

- Это значит, - ответил Жека и осветил фонарём в лицо Тёмке, - что никто никого никогда не заберёт. Запомнил?

Тёмка кивнул. За это и выпили. Допили бутылку, выкинули её через забор и вернулись в спальню. После водки спалось хорошо и без снов, только Миха всю оставшуюся ночь слабо всхлипывал на своей постели.

9

Каникулы в интернате всегда ждали с большим нетерпением. Особенно новогодние, потому что они длятся не семь дней, как обычные, а двенадцать. Для воспитанников - это возможность хоть на короткий срок, но всё-таки отдохнуть от монотонного, всегда одинакового графика, никогда не меняющегося расписания и распорядка. В каникулы можно вставать в девять часов, ложиться спать под утро, а всю ночь болтаться по этажу, натываясь на сонную Косую, которая в такие дни только махала на всех рукой, ворчала и запиралась в своей комнатке, чтобы не видеть эти надоевшие ей лица.

Сама Косая, казалось, никогда не уходила из интерната, даже на праздники и выходные. Иногда её не было неделю или две, но, чаще всего, она все дни сидела в своей каморке около спальни или ходила по этажам, следя за порядком. По слухам, она жила в коммунальной комнате одна. Её дочка, взрослая уже, жила то ли в Москве, то ли в Питере, и приезжала в Раменское редко. Когда приезжала, Косая брала отпуск и не приходила в интернат. Во все остальные дни её скрипучий голос то и дело раздавался в коридорах

интерната. На самом деле, Косую любили. Любили, потому что в карманах её большого халата всегда лежала россыпь шоколадных конфет, которые она раздавала воспитанникам за хорошее поведение. Конфеты раздавались по воскресеньям, поэтому хитрые парни старались в выходные вести себя тише обычного, чтобы получить свою заветную конфету. Не сказать, чтобы она была им очень нужна, но мысль о ней грела им душу всю неделю. Воскресная конфета была призом, который не хотелось отдавать кому-то другому.

Один раз Косая всерьёз рассердилась на драку, которую в спальне устроили парни. Тогда к ним только поступил Шизик, и избили именно его. Драку разняли, Шизика отправили в больницу, а Косая сказала, что больше никаких конфет воспитанники не увидят. Она держала своё страшное обещание месяц, а потом к ней подошёл Хомяк и Дэни. Они сказали, что Шизика больше трогать не будут и что драки в спальне прекращаются. Косая выслушала молча, а на следующий день принесла целую горсть конфет и высыпала их на пустующую кровать Шизика. Его действительно больше не трогали, хотя драки всё равно случались – без них в специнтернате было никак не обойтись. Но в Новый год примирились все – ёлка, подарки и небольшая свобода действовали безотказно.

В каникулы интернатовских должны были вывезти в город. Для всех это стало большим событием. Сначала парни долго намывались, тщательно вытирались, подбирали из общей кучи одинаковые по цвету носки, подворачивали джинсы или спортивные брюки до щиколоток, как это делал Дэни, водой с сахаром зализывали на бок волосы, чтобы блестели и не растрепались по дороге и даже надевали белые рубашки, чего в интернате не случалось почти никогда. Красивые, чистые парни под усиленным конвоем загружались в автобус и отправлялись в город. В новогодние каникулы всегда ездили на большую ёлку в местном дворце культуры, а потом в кино.

На ёлке они были вместе с воспитанниками из других интернатов и детдомов, в том числе и из того самого Воскресенского психоневрологического интерната, с которым их хотели объединить. Воспитанники ПНИ сидели с открытыми ртами, сжимая в руках картонные пакетики с подарками, и молча глазели на сверкающую ёлку, стоящую в центре зала и возвышающуюся под потолок. Они вели себя спокойно и тихо, тогда как Аслан с Тихоном бегали друг за другом по всему залу и вели себя как настоящие буйные. Они носились, сбивая с ног малышню, тоже снующую туда-сюда, кричали что-то

нечленораздельное и кидались конфетами и мандаринами, которые доставали из своих подарков. От этих расплющенных мандаринов все их руки были оранжевые, мокрые и липкие. С большим трудом парней удалось успокоить и усадить на место, но до самого конца представления они то и дело норовили вскочить и погнаться друг за другом.

- Шиз, смотри, твои сидят! – подначивал Шизика Аслан, кивая в сторону Воскресенского интерната.

- Отстань ты от него! – вмешался Дэни, - хочешь, чтобы было как в кладовке? Он сейчас тебе тут устроит погром.

Но Шизик сидел спокойный и счастливый. Больше всего на свете, казалось, он любил Новый год. Он сжимал свой пакет с подарком так, как будто никогда в своей жизни не видел ни конфет, ни мандаринов. Он даже, в отличие от остальных, не открыл подарок, не достал ещё ни одну конфету и боялся, что у него отнимут его сокровище. Но никто не обращал на Шизика внимания. Все были заняты ёлкой – гигантская, сверкающая со всех сторон огнями, она приковывала к себе взгляды всех – даже самых циничных. Даже Дэни, который конфеты матери продолжал выбрасывать в грязь, уже залез в свой подарок, съел половину шоколадок, и вокруг него теперь валялись цветные фантики.

Артём сидел рядом с Дэни. Они теперь казались лучшими друзьями. После того, как Артём взял всю вину за кладовку на себя, к нему стали относиться, как к равному и надёжному. И Дэни, у которого, несмотря на его авторитет, не было настоящих друзей, вдруг потянулся к Артёму.

- Хорошо бы погулять, - мечтательно сказал вдруг Дэни.

- В детдоме нас отпускали. Мы с пацанами всё время шатались где-то, - ответил Артём и вспомнил, как мог гулять до самого ужина.

- Не думал сбежать?

- Как? Тут же решётки повсюду. Да и вообще, ты же говорил – бегунов не любят.

- А если отсюда свалить, а прийти после представления к машине? Вместе по городу пошатаемся.

Артём окинул взглядом зал – в принципе, уйти отсюда незаметно было возможно. Отпроситься в туалет, а самим спуститься вниз и выскочить, пока охранник курит на углу дома культуры. Артём уже хотел было согласиться, но вдруг посмотрел на Шубу, успокаивающего Тихона с Асланом. Артём вспомнил, как тот говорил, что все только ищут повод закрыть интернат. А ещё Артём посмотрел на Шизика, сжимавшего свой кулёк с конфетами, и ему вдруг стало жалко и Шизика, и Шубу, и даже Аслана с Тихоном.

- Не, - ответил Артём, - не вариант.

После ёлки поехали в кино. В кино они ходили уже не всем интернатом, а группами в десять-пятнадцать человек. Артём сидел вместе с Тихоном и Дэни, а вокруг них были обычные люди, обычные семьи и самые обычные дети. Дэни купил парням попкорн на деньги, которые тайком прислала ему мать, и теперь бросался им в эти обычные семьи. Родители недовольно поворачивались, оберегая своих детей, но, видя наглые лица интернатовских, молча пересаживались. Чей-то отец, не выдержав, подошёл к Дэни и сказал:

- Я тебе сейчас твой попкорн на голову надену.

- Давай! Попробуй, придурок! – усмехнулся Дэни и встал.

Вместе с ним встал рослый Аслан.

- Ну всё, всё, хватит! – к ним подскочил физрук, который сопровождал парней в кино, - успокоились, а то сейчас вместо кино будете у меня двор вылизывать.

Аслан и Дэни сели, а отец ещё долго возмущался.

- Этим всё теперь можно, раз матери нет. Сидят на шее государства. Да им денег больше выделяют, чем нам с тобой, - говорил он своему сыну, - нам никто квартиру не подарит и в институт не устроит.

- Придурок! – крикнул ему Дэни и опять бросил попкорн.

Артём чувствовал, что, если бы не физрук, обязательно началась бы потасовка. Тот тут же подлетел, быстрым движением сбросил ноги Дэни со спинки кресла напротив и пригрозил:

- Ты у меня сейчас назад в автозаке поедешь, щенок!

Остаток фильма физрук, как сыч, стоял над ними, поэтому досмотрели кино более-менее спокойно, но парень, сидевший с тем самым отцом впереди, то и дело поворачивался и смотрел на интернатовских так, словно они были с другой планеты.

- Чё он уставился? – Дэни толкнул Артёма, - может, вмажем ему после?

- Да ладно тебе! – Артём махнул рукой, - успокойся.

На этих коротких поездках праздники закончились, и жизнь в интернате стала прежней. Через десять дней снова начались уроки, и Артём опять стал ходить к директору на занятия. Он ходил уже добровольно, читал быстро, писал почти без ошибок и потихоньку готовился к экзаменам, которые должен сдать через год, в девятом классе.

- Ты уже решил, кем хочешь стать? – спросил директор.

Артём сидел с ногами на продавленном диване, словно у себя на койке.

- Не знаю. А у меня есть какой-то выбор? – Артём пожал плечами. – Я думал, всех запишут в Раменское ПТУ.

Почти все воспитанники действительно поступали в профессиональное техническое училище, или коротко в ПТУ. В интернате это училище называли не иначе, как «помоги тупому учиться», смеялись над ним, но всё равно после девятого класса шли туда, потому что больше идти было некуда.

Интернатовских не охотно брали в колледжи, а про институты никто из них и не мечтал.

- Большинство запишут, - кивнул директор, - но это не обязательно. Ты можешь пойти, куда решишь.

- Да ладно, - Артём недоверчиво махнул рукой. - Для нас же там спецом места держат. Все это знают. Дэни даже аттестат забирать не собирается.

- Ну Дэни пусть и не забирает. А ты всё-таки подумай. Нужно выбрать экзамены, какие ты будешь сдавать.

- В детдоме аттестат так давали.

- Ну это в детдоме. А здесь надо сдать. Всего четыре экзамена. Математика, русский, а два надо выбрать. Я думаю, тебе лучше готовиться к биологии и

химии. Тогда ты можешь поступить в физкультурный колледж, а потом в институт. Будешь тренером.

Артём задумался. Он не знал, кем ему становиться. В Томилино после детдома все поступали в Гагару, учились на слесарей, автомехаников и поваров. Здесь же он об этом не думал. В интернате никто об этом не думал. Все были уверены – они сдадут экзамены, им дадут аттестат и отправят учиться дальше. Куда – им было всё равно.

Через неделю, словно в продолжение разговора с директором, к Артёму подошёл Аслан. Они столкнулись, как всегда, на перекуре между душевой и туалетом.

- Слушай, поговаривают, ты тут с Шубой перетираешь, - начал Аслан.

- А что? - Артём напрягся – общение с директором могло быть расценено как шпионство и стукачество, хотя Артём этим никогда не занимался.

- Да так, - Аслан затыкнулся. - Надоело, что Дэни гнобит меня вечно. Может, он меня хоть читать нормально научит? Как думаешь? Тебя же научил.

- Может, и научит. Спрошу.

На ближайшем уроке с директором Артём действительно сказал:

- Аслана уже все гнобят, что он читает хреново.

- Может, попросить Дмитрия Олеговича, чтобы позанимался с ним? – предложил директор.

- Только другим пацанам пусть не рассказывает.

- Не поймут? – улыбнулся директор.

Артём кивнул.

Аслан действительно стал ходить на дополнительные занятия, оставаться после уроков.

Тихон же после Нового года стал неожиданно заниматься сантехникой. Он как-то случайно починил кран, подтекавший в туалете, затем заменил смеситель, затем подкрутил Косой пару болтов в душевой, и стал нарасхват. В интернате всё время что-то ломалось, лопалось, подтекало, и Тихон бегал то в один, то в другой туалет – с этажа на этаж - и что-то всё крутил, менял. Косая

даже шутила, что усыновит Тихона, если он и дальше будет работать сантехником, но все засмеялись, а он скривился, и немного умерил свой пыл.

Артёму стало казаться, что жизнь в интернате наладилась. Даже Шизик немного успокоился. Как неожиданно пропал Дэни. Он сбежал ночью, никому ничего не сказав, и не взял никаких вещей, кроме телефона, который ему на Новый год подарила мать, денег и сигарет.

Утром пришла его мама, заплаканная и жалкая. Она сидела на постели своего сына, пока все парни были на занятиях, совершенно одна. Артёма вызвали с уроков в спальню. Он увидел её так близко – сердце вдруг сжалось, и он подумал, что отдал бы всё на свете, чтобы его мама вот так же сидела и плакала из-за него.

- Можно я поговорю с ним наедине? – попросила она. Артём посмотрел на Косую, та пожала плечами и вышла. - Тебе можно на улицу? Не могу здесь находиться.

Они встали за зданием, за спортивной площадкой, чтобы не было видно из окон классов, там же, где он увидел её первый раз, когда вышел после больницы. Это было пять месяцев назад. Мама Дэни закурила. Она курила длинные тонкие сигареты с ментолом, какие Артём последний раз видел у своей собственной мамы.

- Его здесь били? – спросила она.

- Нет, – ответил Артём.

Она села на цветник и заплакала, и показалась ему совсем маленькой. Артём опустил на корточки рядом с ней.

- Хочешь сигарету? – спохватилась она, - но у меня только тонкие. Ничего?

Артём взял её сигарету и закурил.

- Ему здесь было плохо? – спросила она.

- В целом, ничего. Хотя, что же здесь хорошего? – Артём усмехнулся.

- Ты знаешь, почему он здесь оказался?

Артём знал, но пожал плечами.

- Всё как-то банально. Связался с плохой компанией, начал курить, не ночевал дома. Мне кажется, он хотел бы, чтобы отец приехал, обратил на него внимание. Он не говорил тебе про отца? Ему было восемь, когда мы развелись. Я даже не знаю, где он сейчас живёт. – Мама Дэни опять заплакала, опустив голову на руки. - Я просто не понимаю, куда он мог пойти? Он, наверняка, говорил тебе.

Артём молчал – он, действительно, ничего не знал. Мама Дэни закурила ещё одну сигарету и поправила длинные тёмные волосы, спадавшие на её красивое молодое ещё лицо.

- У него всё было – джинсы, компьютер, телефон. Приставку тогда купила – еле насобирала. А он и не играл в неё толком. Три раза включил, а потом бросил. Зато всё детство – «папа, папа», как будто это он его кормил и одевал. А! – она махнула рукой, и волосы от этого движения опять рассыпались. – Это понятно! Я учиться заставляла, а папа добрый, хороший. А деньги на учителей я тратила. Знаешь, сколько у нас репетиторов было? Он же не учился толком никогда. Пойдёт к репетитору, деньги возьмёт, а сам прогуляет этот час. Хорошо, учителя звонили – а так бы я и не знала. Сколько денег впустую потратила – страшно вспомнить!

Артём смотрел на неё и не верил, что из-за Дэни кто-то может плакать.

- А может, он к отцу поехал? – она вдруг вздрогнула, - но он не знает, где тот живёт. Я и сама не знаю.

Артём невольно залюбовался этой женщиной, совершенно незнакомой ему, но почему-то казавшейся близкой.

- Хотите, - сказал Артём, - я его найду и притащу?

- Ты? – она вдруг перестала плакать и посмотрела на Артёма, - ты мог бы?

Она обняла его, прижалась к нему, и сердце Артёма забилось так страшно и сильно, как не билось ещё никогда. Всё поплыло перед глазами.

- Спасибо, – сказала она и опять заплакала. – Как ты думаешь, он меня хоть чуть-чуть любит?

Любить... Об этом Артём никогда не думал. Здесь живут, ругаются, мирятся, ненавидят друг друга, дерутся, дружат. Но любить... А сам Артём – любит ли кого-нибудь? Все силы его жизни были направлены на выживание. Он считал,

что любовь для тех, кто живёт счастливой безмятежной жизнью, как тот отец с сыном, которых они встретили в кино. Может, из-за них Дэни сбежал? Но в интернате никто такой жизнью не жил. Артёму всегда казалось – здесь никто никого не любит. Правило трёх «н», как сказал бы Жека. Ни матери, которых запоминают только пьяными, ни отцы, которых обычно не видят вообще или видят редко, ни сами воспитанники. Никто никого не любит.

Он смутно вспомнил Вадика, который сейчас, наверное, в деревне с отцом, и что-то снова забилося внутри, но забилося больно. Нет, любовь не может быть такой. Это не любовь, это что-то другое. Если бы Артём мог, он бы вырвал все эти чувства и воспоминания из своей груди. Может, именно на этом месте тогда у него остался бы шрам, похожий на шрам на груди директора?

Мама Дэни, наконец, успокоилась, и они вернулись в интернат. Директор стоял внизу около большой ёлки, которую ещё не успели убрать. Теперь эта ёлка казалась нелепой, словно её поставили здесь не к месту и не ко времени. Артём вспомнил, как Дэни с Хомяком бегали вокруг этой ёлки и отнимали друг у друга шарики. Сейчас директор стоял мрачный, хмуро посмотрел на Артёма, но ничего не сказал. Ёлка горела точно так же, как и несколько дней назад, но весело уже не было, и Артём заметил, как неуместно она смотрелась в этом покрашенном синей дешёвой краской холе со стоящими вразброс разрисованными стульями и процарапанными дерматиновыми диванами.

Артём хотел подойти к директору, но тот отвернулся и ушёл, и Артём вдруг впервые почувствовал, что он кого-то подвёл, будто это он виноват в том, что Дэни сбежал.

...

После побега Дэни жизнь в интернате сильно изменилась. Теперь каждый день было по три обыска. Утром, днём, пока никого не было в спальне, и вечером. Ещё заходили среди ночи, проверяли – все ли на месте, светили фонарями прямо в лица. После таких проверок невозможно было снова уснуть. Спальню стали запирают, и в туалет по ночам приходилось отпрашиваться, стучаться в дверь, чтобы Косая услышала и открыла. Слышала она не всегда, и иногда приходилось стучать по тридцать минут. От этого стука просыпалась вся спальня, поэтому в туалет ночью старались не ходить, а терпели до утра.

Один раз Артём проснулся и увидел, как Хомяк стоит у окна и отчаянно пытается его открыть.

- Ты чего? – окрикнул его Артём.

Хомяк обернулся и с ненавистью уставился на Артёма.

- Если бы он не свалил, мы бы не были тут заперты, как овцы. Он поступил как крыса. А крыс мы выбрасываем. Теперь я тут буду руководить, так что заткнись лучше.

Хомяк всегда ненавидел Дэни, а сейчас возненавидел Тихона, Аслана, Шизика и Артёма. Вместе с Хомяком их теперь ненавидел весь интернат, ведь именно из-за Дэни они терпели все эти обыски. В дополнение ко всему закрыли тренажёрку, поэтому все отыгрывались на ближайшем окружении бывшего жожака.

Они стали настоящими изгоями – в душ, умывалку и столовую ходили последними, драили туалет и раковины. Но самое страшное было то, что к Артёму стал с подозрением относиться директор. Их занятия прекратились, и Артём остался один на один с озверевшими от ночных проверок парнями.

Через несколько дней после побега Дэни директор вызвал к себе Артёма.

- Ты точно не знаешь, куда он мог пойти? – спросил он, хотя Артём уже отвечал на все эти вопросы.

- Точно.

- Он тебе говорил, что сбежит?

- Нет. У нас вообще с этим строго было.

- Ну вот скажи, почему вам не живётся? Ну вырастете, уйдёте вы отсюда и делайте, что хотите.

- А если мы подохнем завтра? Мы хотим жить сейчас, а не ждать, когда вырастем.

- Ну нельзя же так. Есть же какие-то рамки! Артём, ну ты же не дурак. Ну живите вы по законам.

- Строем ходить?

- Ну и что? Мы все ходим. Я хожу. И что? Все живы, как видишь.

Директор потёр ладонью грудь, где под рубашкой и старым пиджаком был спрятан такой же старый шрам.

- Ну закроют интернат из-за ваших побегов – и что? – директор прошёлся по кабинету. - Лучше вам от этого будет? Это ваш дом, уж какой есть, - директор развёл руками, - нравится он вам или нет. А вы его подставляете. Себя подставляете, меня, в конце концов.

- Хорош дом. С решётками, - усмехнулся Артём.

- А где их нет? Думаешь, их в других семьях нет? Да их там больше, чем тут. Оттуда что ли сбегать можно? Думаешь, свобода – это там? – директор показал за окно, туда, где виднелись обычные жилые пятиэтажки, - в этих домах? Откуда ты знаешь, что там свобода? Откуда ты знаешь, что там любят? Любят здесь, - директор ткнул пальцем себе в грудь, а не там, - он опять указал за окно, - ты понимаешь это?

Артём опустил глаза. Впервые за всё время общения с директором ему стало неловко и стыдно. Директор, который мог запросто отдать интернат и жить спокойно, сидел здесь, в этом прокуренном и пропахшем насквозь старостью кабинете. Ради чего?

- Я найду его, - сказал Артём.

- Не надо, - ответил директор, - мы сами найдём. Вы наломали уже дров. В конце концов, деньги кончатся – он и сам придёт. Не привык он под заборами ночевать.

Уходя из кабинета директора, Артём столкнулся с тем молодым из департамента, который приходил несколько месяцев назад.

- Ну всё, Алексей Николаевич, это последняя капля. В конце концов, кому нужен этот интернат? Вам? Вашим воспитанникам он не нужен, судя по всему. Они из него сбегают.

- Это первый случай за несколько лет, вы это знаете, - отвечал директор.

- Первый, но показательный. Это значит, в вашей системе воспитания и в вашем интернате брешь. Лазейка, через которую можно легко проскользнуть. Об этом случае обязательно станет известно в верхах, я просто не могу умолчать. А там – они пусть сами решают. В конце концов, Алексей Николаевич, вам не хочется заняться своей семьёй? Шли бы на пенсию.

Дождались бы внуков. Вы думаете, эти уголовники вам будут в старости воду подносить? Очень сомневаюсь!

- Знаешь, что, убирайся-ка к чёрту отсюда! – крикнул вдруг директор, - закрываешь интернат – закрывай. А нет – так и нечего сюда ходить. Без тебя как-нибудь разберёмся.

- Закроем. Не сомневайтесь, - молодой усмехнулся и вышел.

Артём встал за дверь, чтобы его не было видно, а когда молодой отошёл немного, вышел и крикнул ему в спину:

- Чё ты таскаешься сюда? Тебе чё надо?

Молодой обернулся и на секунду как будто потерял дар речи.

- Это ты мне? – наконец, сказал он.

- А кому? Чё ты примотался к нашему интернату? Тебе делать нечего что ли? – опять крикнул Артём.

- Ты не перепутал ничего, - молодой подошёл ближе к Артёму. - Давно в отделении не был?

- А ты давно в травме не лежал? Мне стоит только свистнуть, как мои пацаны тебя быстро завалят. Мы таких в детдоме только так щёлкали.

- А ну пойдём со мной, - молодой хотел схватить Артёма за руку, но тот ловко увернулся. – Я сейчас охрану позову.

- Давай. Мы с дядей Мишей курить ходим, и ящики разгружаем, а что ты ему хорошего сделал? Я тебе сказал – отвали от нашего интерната. Я тебе нож всажу – мне всё равно ничего не будет.

Молодой отвернулся и быстро пошёл к выходу.

- А я ещё хотел им телефоны всем купить. Интернет им оплачивать! Да сидите тут в своём болоте! – крикнул чиновник, отойдя на приличное расстояние.

Артём свистнул ему в спину, постоял немного и пошёл к директору. Тот стоял весь красный в одной рубашке, сжав кулаки. Увидев Артёма, директор попытался успокоиться.

- Он больше не придёт, - сказал Артём. Директор обернулся, но, казалось, не сразу понял. – Я ему всё сказал.

- Кто не придёт? Что ты сказал? Впрочем, уже не важно. – Директор махнул рукой.

- Он ещё про какие-то телефоны говорил.

- Он хотел закупить телефоны на интернат, если бы я согласился на Воскресенск. Как думаешь, может, согласиться? Да ну его всё к чёрту! А?

- Да зачем нам телефоны? – Артём пожал плечами, - в детдом привозили каждый месяц, Жека ими в футбол играл. Чё нам с ними делать? Тут половина и писать-то не умеет.

Директор усмехнулся:

- Вот и я так подумал. Знаешь, ты лучше не приходи пока. Пусть всё уляжется.

- Никогда здесь ничего не уляжется, - отрезал Артём, сел на диван и взял книгу.

Директор обернулся. Артём не шевелился и читал про себя. Директор постоял немного, потом сел за своё рабочее место и сказал:

- Халтурить пришёл? Читай уж тогда вслух!

...

Дэни вернулся через неделю. Без дорогого айфона, без денег, без сигарет. Он сам приехал в интернат и твёрдо сказал, что больше не сбежит. Его мать как-то договорилась с полицией, и инцидент замяли. Все в спальне понимали, что авторитет Дэни после побега сильно пошатнулся. Так всегда бывает, если лидер нарушает свои собственные правила, а Дэни их нарушил.

Пока Дэни не было, многое поменялось. Тихон, с которым раньше никто не связывался, теперь стал у всех на побегушках. В столовой он то и дело бегал за хлебом для всего интерната, таскал за всех учебники, приносил мяч на физкультуре, когда он откатывался за поле. Он спал теперь у двери рядом с Артёмом, самый последний ходил в душевую и мыл за всеми раковину. Тихон безропотно соглашался на всё - это был его способ выжить.

Аслана били теперь все. Били жестоко. Мстили и отыгрывались на нём за всё, что сделал когда-то он. Каждый день после отбоя его сбрасывали с кровати и катали по полу. Он закрывал голову руками, поэтому все его руки были в синяках. Шизика бить боялись, потому что у него мог случиться очередной приступ. Его просто игнорировали. Он мычал, сидя на кровати, качался из стороны в сторону, но никто не обращал на него никакого внимания.

Когда пришёл Дэни, его встретили с мрачной настороженностью. Он зашёл в спальню так, словно был новеньким здесь, прошёл к своей кровати, но ему преградили дорогу, молча скинули его вещи на пол и указали на место около двери. Несколько секунд Дэни колебался. С одной стороны, он мог начать драку, с другой – мог отступить, но тогда уже навсегда отказался бы от своего лидерства. Он окинул взглядом всех – парни смотрели на него злобно. Тогда он молча поднял свои вещи и отнёс их на новую кровать. Судьба Тихона, Аслана, Шизика, Артёма и самого Дэни была решена.

10

Ранней весной впервые в жизни Тёмка целовался. Они стояли с Полинкой в темноте около туалета, обнявшись и прижимаясь друг к другу. Тёмка, оторвавшись от Полинки, показал ей ключи от сарая.

- Хочешь? – спросил он тихо и не надеялся, что она согласится.

- Откуда у тебя? – удивилась Полинка.

- Жека дал. Он там всё время с девками зависает, - ответил Тёмка и тут же пожалел об этом, потому что Полинка могла обидеться, но она только пожалала плечами:

- Ну пойдём.

В сарае было темно и холодно. Они на всякий случай закрыли дверь изнутри, продев швабру в ручку, сели на пол, на старые куртки, и Тёмка достал сигареты.

- Будешь курить? – спросил он.

- Давай.

Полинка взяла сигарету и закурила.

- Ты целовался раньше? – спросила она.

- Нет, - не сразу ответил Тёмка. - А ты?

- Парень один в распределителе научил. Лёшка. Его в Воскресенск отправили, а меня сюда.

Полинка придвинулась ближе, прижалась к Тёмке и между затылками поцеловала его. От поцелуя у того закружилась голова, словно от водки. Они докурили, легки на куртки и целовались уже лёжа. Тёмка обнимал Полинку под одеждой, грел руки, и ему стало тепло и хорошо. Полинка тоже забралась ему под свитер.

- А тебе ещё долго здесь жить? – спросила она.

- До восемнадцати ещё пять лет. А что? – Тёмка от близости Полинки уже плохо соображал.

- Долго! Надоело. Хочу уехать.

- Давай сбежим.

- А куда? У тебя есть квартира?

- У меня мать в Люберцах живёт.

- Я с твоей матерью не хочу. И у меня тоже не вариант. Мать с отчимом квасит. А отец у тебя где?

- В тюрьме.

- Тогда бежать нам некуда. Тем более, нас всё равно поймают.

Артём уже ничего не слышал. Кровь ударила в голову, он прижался к Полинке и забыл обо всём на свете.

С Полинкой они теперь стали видеться почти каждый вечер. Закрывались в сарае, ложились на куртки, пахнувшие машинным маслом, и целовались. Ему нравилось, как от неё пахло – ужином, который они ели вместе, какао, которое давали вечером, сигаретами. Её запахи, его запахи перемешивались, становились одним целым. Полинка рассказывала, что раньше больше всего на свете ей было жалко маму, когда та шла на улицу искать, где бы выпить.

- Ну понимаешь, она шаталась, не могла толком одеться. Я боялась, что она упадёт и замёрзнет где-нибудь по дороге. Я слышала, что так бывает. Иногда я за ней шла, злилась и не хотела, чтобы она возвращалась. Тогда бы я жила

одна, нормально бы жила. Но потом всё равно жалко становилось. Она просила во всех ларьках, чтобы ей налили в долг, а никто не наливал. Только мужики какие-то, которые потом у нас оставались.

- Она тебе не звонит? – спрашивал Тёмка.

- Нет конечно! Да у неё, небось, и телефона-то нет. Если и был – пропила уже наверняка! Но она, как я выйду отсюда, точно придёт деньги просить. Она же знает, что в детдоме денег дают и квартиру. Когда на меня давали пособие за папу, она его забирала и пропивала. Потом, когда мне четырнадцать исполнилось, мне карточку сделали – теперь туда всё перечисляется. Она не может взять. Но придёт просить – это точно!

- А ты ей дашь?

- Не дам, - разозлилась Поинка. - Она мне давала, когда я в школу ездила и через забор лазала, потому что у меня денег на билет не было? Пусть хоть на вокзале побирается. Не дам!

Они опять и опять целовались. И Тёмка опять и опять забывал обо всём.

...

К весне Миху, несмотря на правило «четырёх Н», забрали. Приехала его бабушка, оформила опеку. Миха вышел ей навстречу, неуверенно шатаясь. Парни застыли на месте и затаили дыхание.

- Бабушка твоя, - сказала воспитательница и подтолкнула Миху, - иди к ней. Чего ты!

- Я ему вещи привезла переодеться, - сказала бабушка и протянула пакет.

Миха взял пакет, медленно и молча развернулся, и пошёл в спальню переодеваться. Парни расступились перед ним, как перед королём, затем, словно свита, пошли следом.

Он привычно сел на свою кровать и стал, не торопясь, словно готовясь ко сну, снимать детдомовскую, застиранную до катышков одежду: майку, носки, джинсы, трусы. Снял всё и остался совершенно голый. Аккуратно сложил одежду на кровати. Потом достал из пакета новую – красивую, яркую. Брюки, рубашку, футболку, свитер. Всё было чистое, выглаженное, даже носки, аккуратно сложенные. Всё это он развернул под пристальными взглядами

детдомовцев, медленно надел и сидел уже красивый, наглаженный и серьёзный. Он даже стал казаться больше и старше. Уже никому бы не пришло в голову заставить его чистить чью-то обувь. Он был уже другой. Из новой жизни, в которую здесь никто не верил.

- Слушайте, пацаны, вы что, не люди? – сказал, наконец, Жека, - наш малой уходит. И, может быть, навсегда. А вы стоите, как дебилы. Что же мы, даже не проводим?

Жека засмеялся, и все тут же бросились на Миху. Его подхватывали на руки, качали, словно знаменитого футболиста, мяли в руках, как игрушку, и крутили во все стороны. Из чистого и аккуратного мальчика в бабушкиной одежде он вмиг превратился в лохматого детдомовца. Миха хохотал. Из шестёрки он стал героем. Парнем, который ушёл. Которого забрали. «Четыре Н» на время были забыты и побеждены. Парни не могли успокоиться ещё долго, но, наконец, Миху выпустили и отдали бабушке. Она пригладила его волосы, заправила рубашку, взяла за руку и повела за собой.

- Ну всё, пропал пацан, - подытожил Жека и щёлкнул языком.

Но все смотрели вслед ему с нескрываемой завистью.

После того, как забрали Миху, Полинка перестала приходить в сарай, и Тёмка напрасно прождал её несколько дней, затем поймал её возле туалета и прижал к стене:

- Ты чего не приходишь?

- Отвали! – ответила она, вырываясь.

Но Тёмка не отставал.

- Приходи сегодня.

- Отстань, сказала. Не таскайся больше за мной! Не люблю я тебя. Я другого люблю, - повела плечами Полинка.

- Кого? – опешил Тёмка.

- Тебе не всё равно?

- Жеку? – догадался он.

- Да хоть бы и Жеку! Он скоро отсюда уйдёт и меня заберёт. Я тоже свалить хочу, как малой. Чем я хуже?

- Дура! Он всем это заливает, а ты веришь! На фиг ты ему нужна, детдомовская? Ну чего хочешь? Хочешь, сбежим? Я телефоны могу подрезать и на рынке воровать, - Тёмка попытался прижаться к Полинке.

- Отвали! – она оттолкнула его. – Я не хочу воровать и пить, как мать и её хахали. Я нормально буду жить. Как все.

Полинка вырвалась, а Тёмка разозлился, плюнул ей под ноги и процедил сквозь зубы:

- Шалава!

Вечером, когда Тёмка караулил у сарая, он увидел Полинкин свитер, мелькнувший в темноте. Она скрылась в сарае, и Тёмка услышал шёпот Жеки и её голос. Он разозлился, взял палку, лежащую рядом, с силой дёрнул дверь. Она открылась – видимо, Жека не успел запереть её. Полинка закричала, увидев Тёмку, а Жека выскочил и схватился за палку.

- Убить меня хочешь? – зашипел он, - ну давай!

- Тебе что от неё надо? Всё равно свалишь скоро! – крикнул Тёмка, уже не боясь, что их кто-то услышит.

- Если она сама вешается, мне что, импотента из себя строить? Придурок! – Жека ударил Тёмку ногой в живот, и тот пошатнулся и упал.

Жека перехватил палку и замахнулся.

- Ты козёл вообще! Из-за тёлки на меня лезешь!

Тёмка попытался отползти подальше.

- Мы же в одном детдоме, - говорил Жека. - У нас здесь всё общее. И девки тоже. А ты из-за какой-то шалавы на меня! Мы же вместе с тобой водку пили! Ты чё?

Тёмка закрыл глаза, и вдруг услышал крик Полинки, которая выскочила из сарая.

- Не трогай его! – закричала она.

- Из-за тебя всё, дура! - Жека оттолкнул её. Потом плюнул, отбросил палку в сторону и пошёл, шатаясь, прочь от сарая.

Полинка села к Тёмке и стала говорить быстро-быстро, всхлипывая:

- Ну ничего не было! Чего ты!

Тёмка молчал, с отвращением смотря и на Полинку и на палку, валявшуюся рядом, и понимая, что ему теперь не жить в детдоме. В эту самую минуту он решил сбежать. Но сбежать к матери он не хотел и не мог – возвращаться в Посёлок, где его все знали, жить опять с матерью и дядей Лёшей Тёмка не хотел. Он решил уйти к отцу.

Об отце он почти ничего не знал, кроме того, что тот сидит в Шексне, в колонии и, если не сгинул там, то сидит до сих пор. Отцу дали десять лет, когда Тёмке было семь. Ехать до Шексны нужно было от Казанского вокзала через Вологду, поэтому именно туда и решил направиться Тёмка.

Ночью он лёг спать одетый, а когда все уснули, встал, тихо вышел в холл, открыл окно, вылез в него, перелез через забор и пошёл к станции. Вышел к путям и пошёл вдоль железной дороги, пока не наткнулся на платформу. Перелез забор и стал ждать на лавочке первую же электричку. Решил доехать до Казанского вокзала, оттуда перейти на Ярославский, добраться на ближайшем поезде до Вологды, а оттуда уже до Шексны. По дороге Тёмка надеялся удачно подрезать парочку телефонов, чтобы расплатиться с проводником. А от Вологды можно было добраться на попутках. Пока ждал электричку, Тёмка лёг на лавочку и заснул.

Проснулся от грохота поезда - приехала первая электричка. На ней доехал до Казанского, но дальше поехать не удалось – на вокзале Тёмку отвели в участок, а через несколько часов выяснилось, что он детдомовский – из Томилино пришла ориентировка на сбежавшего Тёмку.

Уже из мутного решётчатого окна автозака Тёмка заметил, что наступила настоящая весна – снег сошёл, становилось теплее, и он прижался к стеклу, закрыл глаза. Машина ехала долго, увозя его прочь от вокзала, от Шексны, от Люберец, от детдома. Куда – он пока не знал.

После возвращения Дэни обыски в спальне прекратились, поэтому вскоре снова появились запрещённые вещи. И одна из них – карты.

В карты играли и раньше, но раньше играли на щелбаны, которые, хоть и были болезненны, но терпимы, сейчас же играть стали на сигареты и деньги. Артёму пока удавалось избегать карт, но сегодня его окликнули.

- Богатырь, иди сюда, - приказал Хомяк. Он сидел на кровати, развалившись, выпячив свой большой круглый живот.

Несколько секунд Артём стоял неподвижно.

- Что ты там застыл?

- Я буду играть, - ответил Артём.

Хомяк злобно усмехнулся.

- А куда ты денешься, когда разденешься. Садись, - сказал он, - Тихон, встань на стрёме.

Тихон медленно неуверенно подошёл к двери, встал на стул и, даже не взглянув на Артёма, стал смотреть в окошко, которое находилось над дверью. В это окошко Косая должна была следить за порядком в спальне, но на самом деле в это окошко сами парни следили за тем, что делала Косая.

В спальне повисла тишина. Аслан и Дэни отвернулись, а Артём подошёл к постели Хомяка и сел напротив него.

- Играем на пачку, - сказал Хомяк.

- А где я её возьму?

- Это твои проблемы.

Играли в буркозла. В напряжённой тишине слышался только шелест колоды. Артём вытянул старшую карту в колоде, начал ход и выиграл первую партию. Он бросил карты, встал, но Хомяк положил ему руку на плечо:

- Куда пошёл? А отыгрыш?

- Можешь не отдавать ничего. Мне не нужно, - махнул рукой Артём.

Хомяк с силой усадил Артёма.

- Сядь, я сказал. Я хочу отыгаться. Так что раздавай.

Они сыграли ещё два раза, и Артём проиграл оба. Через час он уже должен был пачку сигарет.

- Срок – три дня, - сказал Хомяк и убрал карты.

Артём понял, что попал в западню. Если он отдаст – его будут втягивать в эту игру снова и снова. Если не отдаст... Но этого делать было нельзя. Дэни сам приучил всех отдавать долг. Тех, кто не отдавал, били. Чаще всего били в душевой. Затыкали рот футболкой, завязывали рукава за головой и били туда, где меньше всего под одеждой были бы заметны следы – по ногам, спине, по животу. Никогда не били в лицо. Теперь от правил, которые придумал Дэни, страдали все.

Все знали тех, кто оказывался избитыми. Они потом приходили в спальню, с трудом ложились в свои постели, а на следующий день возвращали долг. А потом опять играли и опять проигрывали. Это был замкнутый круг, который никто не мог разорвать. Конечно, о картах знали. Иногда при обыске их находили и забирали, но потом кто-то приносил их опять.

Утром в умывалке Дэни сделал Артёму знак, чтобы тот его подождал.

- Я знаю, где взять сигареты, - сказал он. – Я видел, как трудовик курит в своей подсобке. На уроке он её не закрывает. Наверняка, там и заправка есть. Надо только выйти из класса и незаметно туда зайти.

Артём посмотрел на себя в зеркало. Он как будто вырос за эти месяцы здесь, но был по-прежнему худой, с ввалившимися щеками. Глаза мутные – не понятно, какого цвета. Ему всегда говорили, что серого, но ему не нравился серый. Серый ему казался нейтральным, как будто ничего не выражающим. Если голубой, зелёный или карий – это другое дело. Он вспомнил, что у мамы Дэни и у самого Дэни как раз зелёные глаза. У Шубы карие. А серые... Разве это цвет? И нос слишком длинный и острый. И причёска под ёжика. Артём сплюнул в раковину, которую сам же и чистил, и посмотрел на Дэни. После своего побега он как будто сдался, он мог бы запросто поставить Хомяка на место, если бы хотел, но он словно бы не хотел.

- Зачем ты свалил? – спросил Артём, - ты подставил всех нас.

- Это из-за того козла в кино. Он так сидел со своим пацанёнком... Зря ты не дал мне его избить. Отвёл бы душу. А теперь... Понимаешь, я всегда хотел поговорить с отцом. А тут мать телефон подогнала. А у меня номер давно лежал. Но я не знал, что номер рабочий. А отец взял и ответил.

- И что, поговорил?

- Поговорил.

- И много сказал?

- Ничего не сказал. Впустил меня. Неделю я у него жил. А потом открыл дверь, выставил меня за неё и сказал, чтобы я возвращался к матери.

- И ты вернулся?

- А что я должен был делать?

- Сдохнуть, - Артём хотел схватить Дэни за шею и придушить, но только ещё раз плюнул в раковину. – Я бы не вернулся. В этом разница между такими, как ты, и мной. Ты привык за мамочку прятаться. Мамочка отмажет от ментов, отмажет от Шубы, - Артём опять сплюнул.

Дэни молчал.

- Мне угрожали, - сказал Дэни. - Один из моих бывших дружков вышел по УДО. Написал мне. Сказал, что грохнет. Что мне было делать? – он вызывающе посмотрел на Артёма. – Я думал, у отца перекантоваться.

- Да не получится перекантоваться, - ответил Артём, - хочешь, чтобы они к твоей матери пришли? С ними нужно встретиться и решить проблему. Почему не сказал?

- Ты бы помог?

- А ты бы нет?

Дэни промолчал, и Артём отвернулся от него.

Зайти в подсобку трудовика было просто. Артём с Дэни вышли из класса во время урока, дошли до подсобки, которая была рядом с кабинетом. Дэни остался снаружи. Если бы появился кто-то из учителей, он должен был постучать в дверь подсобки два раза, как было условлено. Артём зашёл и включил свет. В основном, в подсобке валялись инструменты, доски, гвозди и

прочий хлам. Артём начал поиски. Он понимал, что надо делать всё быстро, пока никто не зашёл. Порылся на полках, но там сигарет не было. Открыл ящики стола – но в них валялись только бумаги и зажигалки. Увидел висящую на крючке куртку трудовика. Залез в карманы и нашёл начатую пачку сигарет. А за курткой висела сумка, в которой лежала ещё одна пачка, только уже совершенно новая. Артём взял обе. Теперь их надо было как-то спрятать. Артём был в толстовке на молнии, но положить пачки просто в карманы он не мог – это было бы заметно. Тогда он засунул их за ремень джинсов и накрыл сверху толстовкой. Выключил свет и прислушался – в коридоре было тихо. Он стукнул два раза, и Дэни открыл дверь.

Ночью ему стало противно. Он вспомнил, как однажды сидел в гараже, который они с Вадиком ограбили, трясся от страха и готов был всадить в нож в любого, кто бы зашёл туда в тот момент. Он вспомнил про мешок яблок, которые они с трудом тащили, но бросили по дороге, вспомнил бутылку водки, украденную в «Пятёрочке». Теперь он взял сигареты у трудовика. Что дальше? Артём вертелся и не мог уснуть. Что-то с его жизнью явно шло не так. А как это исправить, он не знал.

...

Через неделю Артём опять проиграл. Теперь он должен был деньги.

Вечерами он по-прежнему ходил к директору читать книги, но думал только о том, где взять деньги для Хомяка. Невольно краем глаза он стал замечать в кабинете директора портфельчик, с которым тот уходил домой, и у Артёма появилась мысль – нет ли в этом портфельчике кошелек. Если бы директор вышел на минуту, он бы мигом залез к нему и взял деньги. Но тот, как назло, сидел за своим столом и никуда не уходил.

Артём читал «Белый клык» Джека Лондона, а сам думал – может ли он взять деньги у директора? С одной стороны, больше их брать было не у кого, но с другой – это же Шуба, который защищает интернат, который занимается с ним, который попросил научить Аслана читать и который разрешил Тихону чинить в интернате краны. И он, Артём, возьмёт его деньги?

Раньше он никогда не воровал деньги. Гараж и водка – это другое дело. В гараже хранились никому не нужные вещи, а от водки в жизни Артёма были одни неприятности. А деньги, да ещё деньги Шубы... Но выхода не было, и Артём для себя решил, что возьмёт деньги в долг, временно, и вернёт при

первой же возможности. Надо было только, чтобы директор вышел из кабинета. Хомяк включил счётчик и обещал увеличить долг в два раза, если Артём не принесёт деньги сегодня.

- Ты стал лучше учиться, - сказал директор, не замечая волнение Артёма. – Я порекомендую тебя в какой-нибудь хороший колледж. У меня ещё остались кое-какие связи.

Артём машинально кивнул.

- А Тихона оставляю на подработку – вон он уже весь интернат починил. Аслан, кстати, хочет ремонтами заняться. Дам ему, наверное, покрасить кое-чего летом. Пусть тренируется. Да и тебе не помешает. Всегда пригодится в жизни. Как думаешь?

Артём опять машинально кивнул, но мысли его были далеко отсюда – он думал только о чемоданчике директора.

- Знаешь, Артём, ведь из интерната редко кто выходит нормальным человеком, - сказал вдруг директор, - если верить статистике, почти все мои воспитанники рано или поздно окажутся либо в тюрьме, либо... - директор вздохнул. - Воровство, разбой, наркотики, алкоголь – вот та схема, которой они следуют. Иногда я смотрю на своих парней и представляю их двадцатилетними - опустившимися, в грязных коммуналках, в которых они живут по пять-десять человек, где спят вповалку, как привыкли в интернате, едят, что придётся, пьют дешёвую водку каждый день. Тридцатилетними я их уже не представляю – понимаю, что мало кто дотянет. Тяжёлая у вас жизнь. Тяжёлая и очень короткая. Но ведь есть шанс, Артём. У каждого есть. Шанс и выбор. Понимаешь? На правильном выборе всё строится. Только знать бы – какой выбор правильный. Вот я до сих пор не знаю.

- А если нет выбора? – спросил Артём.

- Такого не может быть. Человек сам решает, каким ему быть.

- Но сам же сказал про статистику. Что же, все интернатовские делают неправильный выбор? Разве такое может быть?

- Выходит, что может. Да и жизнь тоже подминает под себя. Жизнь – ведь она страшная штука! Я и сам семью бросил, сын без меня рос, считай, сирота, как и ты. А сейчас думаю – зачем? Для себя хотел пожить, только с армии

вернулся – а тут сразу жена, ребёнок. Мы же ещё до армии расписались. Да на самом деле, дурак был – вот и весь ответ. Многие мои друзья армейские всё Афган винили – мол, война виновата, страна, которая их туда послала. А ведь и там выбор был. Пройти войну, но остаться человеком. Это же почти то же самое, что и пройти интернат. Но ведь оставались людьми, возвращались назад. Значит, можно?

Артём смотрел на директора, и сердце его сжималось сильнее и страшнее. Неужели он предаст и его? Как когда-то самого Артёма предал Вадик, а потом их всех предал Дэни. Неужели права статистика? Артём уже даже хотел, чтобы директор не вышел сегодня из кабинета и не оставлял без присмотра свой чемоданчик.

- Ну ладно! Что мы всё о грустном? Давай я тебе лучше ещё книг принесу? – уже весело спросил директор. - У меня от сына остались – он любил раньше. Я сегодня как раз принёс, хотел в библиотеку отдать. Сумка на охране. Посидишь здесь, я принесу?

Артём замер. Директор вышел из кабинета, и Артём остался один.

Минуту он сидел неподвижно, отсчитывая зачем-то про себя секунды и представляя, как директор спускается по лестнице, идёт к охраннику, берёт у него свой пакет с книгами, поднимается обратно. Раз – одна ступенька, два – другая, три – третья. Всего их было двадцать пять – кабинет директора был на втором этаже. Вдруг Артём резко встал, подскочил к портфелю, открыл все отсеки, стал отчаянно рыться в них, и самом дальнем, за молнией, нашёл кошелёк, вынул из него деньги и, не считая, сунул себе в карман. Его лицо почему-то покраснело, словно у Артёма начался жар. Он даже не заметил, как уронил книгу, которая до того лежала у него на коленях, на пол.

Директор вернулся с книгами и положил перед Артёмом:

- Выбери! – он улыбнулся. – Можешь взять в спальню.

Артём не глядя ткнул в первую же попавшуюся книгу, и почему-то ему стало неприятно, словно он отнял завтрак у пятиклассника.

В туалете Артём пересчитал деньги - там было две тысячи рублей. В спальне он швырнул их на кровать Хомяку.

- За свою шестёрку теперь тоже отдавать будешь, - сказал Хомяк и кивнул в сторону Тихона. Тот стоял, опустив голову.

Уже ночью, когда Артём лежал в постели и сжимал под одеялом в руках книгу директора, его вдруг обожгло. Как он теперь придёт к Шубе? Об этом он раньше даже не подумал. Он ворочался всю ночь, потом встал и толкнул Аслана.

- Чё те надо? – пробубнил Аслан.

- Пошли выйдем. Дело есть, - шепнул ему Артём.

Они вышли и встали в закутке.

- Не надоело шестерить? – начал Артём.

- Слушаю предложения, - вздохнул Аслан.

- Надо его поставить на место. Закрываем спальню и катаем по полу.

- Ты чё, дурак? – Аслан присвистнул и покрутил пальцем у виска. - Он нас грохнет. Я трупом быть не хочу.

- Не грохнет. Он здесь беспределит. Надоел уже всем. Его никто не поддержит.

- Ну не знаю. А чего Дэни?

- Что ты всё – Дэни, Дэни... Своя башка есть?

- Ну не знаю, - Аслан задумался. – Тут подумать надо. Если бы ещё кто подсобил, тогда базара нет. А вот так, вдвоём.

- Ты ссышь что ли? – Артём презрительно фыркнул.

- Это не тебя каждый день колошматят в сортире.

- Ладно, - Артём плюнул на пол рядом с кроссовками Аслана, - я сам всё сделаю.

Он хотел уже было уйти, развернулся, но Аслан его остановил:

- Стой! Завтра после отбоя. Тихона предупреди, чтобы на шухере стоял. Только Шизика надо из спальни убрать, а то у него опять башню снесёт. И

Дэни не хочу подставлять. У него уже один побег есть, а мне всё равно через два года в армию сваливать. Меня уже не выкинут.

- Я понял, - кивнул Артём.

После уроков он шёл к директору со страхом. Впервые он испытывал что-то, похожее на сожаление. Он жутко раскаивался, что взял эти деньги. Лучше бы Хомяк прилюдно унизил его, поставил на колени, чем сидеть теперь вот так перед Шубой.

- Прочёл? – спросил директор весело, как ни в чём не бывало.

Артём почему-то покраснел и вспомнил, что книга, не открытая, осталась лежать у него под кроватью. Артём словно стыдился её – она была свидетелем того, что он сделал. Директор тем временем раскладывал учебники и тетрадки, насвистывая, и Артём не выдержал.

- Это я взял деньги, - сказал он, вздрогнул и опустил глаза.

Директор продолжал раскладывать тетрадки.

- Сколько ты проиграл? – спросил он.

- Я всё верну, - ответил Артём.

- Конечно, вернёшь. Когда вырастешь, - директор улыбнулся. – А, знаешь, как вышло по-дурацки? Я зашёл в маршрутку, а денег у меня нет. Пришлось доказывать, что я не алкаш и не бомж. Вернулся, занял у Миши. Эти карты надо прекращать.

- Я прекращу, - твёрдо сказал Артём.

Через несколько часов после отбоя Артём толкнул Аслана. Они встали, растолкали Шизика и Дэни, увели их в туалет, где попросили остаться на полчаса. Дэни сначала не хотел, догадавшись, что они замышляют, но Артём убедил его – во-первых, ему нельзя было подставляться, а, во-вторых, кто-то должен был посидеть с Шизиком, пока всё не закончится, иначе тот бы опять поднял шум.

Затем они вернулись в спальню, подошли к кровати, на которой спал Хомяк, и резким толчком опрокинули его вместе с одеялом на пол. Аслан мигом сел сверху и зажал тому рот майкой.

Тихон, как было условлено, подскочил к двери и стал смотреть в окошко. Аслан в полной темноте и тишине, если не считать мычание Хомяка и сопение его самого, стал катать грузное тело, завёрнутое в одеяло, по полу. На шум многие вскочили, но Артём показал знаком, чтобы те молчали, и все послушались, поскольку Хомяк всем уже надоел и его не уважали и не любили. Вся спальня равнодушно смотрела, как Хомяк мычит, пытается достать руки и защитить голову, а Аслан катает его по полу, и его толстое тело бьётся о железные ножки кроватей.

Когда Хомяк перестал мычать и сопротивляться, его отпустили. Он сел, прислонившись к кровати.

- Слушай сюда, - сказал Артём точно так же, как шесть месяцев назад сказал ему Дэни, - ты тут малость достал всех. Поэтому мы тебя либо выкидываем ночью с окна, либо ты прилюдно соглашаешься больше не высовываться. Что скажешь? Аслан, развяжи его.

Аслан развязал майку, и Хомяк быстро-быстро стал хватать воздух ртом.

- Да пошли вы! – взвизгнул он.

- Богатырь, он походу не просёк, - сказал Аслан.

Артём кивнул, и Аслан хотел снова завязать Хомяку рот, но тот так отчаянно замычал, что его пришлось отпустить.

- Ну так что? – спросил опять Артём.

Хомяк слабо кивнул.

- Ты отваливаешь, я правильно понял?

- Да отвалите от меня сами. Делайте, что хотите. Нужно вы мне все.

- Косая! – шепнул Тихон, и все бросились обратно в постели.

Зашла Косая и посветила фонарём. Никто в их спальне не пошевелился. Косая постояла немного и вышла. Хомяк отвернулся и начал громко всхлипывать, пока кто-то ему не сказал:

- Да заткнись ты уже!

Артём лежал молча, ему вдруг стало страшно оттого, как легко и просто было избить Хомяка. Избить просто так, потому что не смог решить проблемы по-другому.

В спальню тихо прокрался Дэни и Шизик.

- Всё нормально? – спросил он.

- Да. Ложись. Как Шиз?

- Спать полез. Я его заболтал ерундой какой-то.

- Правильно. Мы его и так часто втягивали.

- Спасибо тебе, - шепнул Дэни.

Артём отвернулся и не ответил. Шизик спал напротив него. Он накрыл голову одеялом и засопел. Почему-то именно его Артёму было жалко больше всех. С того самого дня, когда он заступился за Шизиком перед Шубой, он решил защищать его, словно тот был его младший брат, слабый волчонок в стае, которого сильные волки обычно бросают на произвол судьбы.

...

Артём стал вожаком. Он сразу сказал, что ни Хомяка, ни Дэни, ни Аслана, ни Тихона с Шизиком больше никто не трогает. Карты он выбросил и запретил приносить. Постепенно все разногласия забылись, как и бывает в интернатах.

К весне жизнь в интернате успокоилась и снова наладилась. Дэни притих, стал видеться с матерью, даже брал её конфеты и приносил в спальню. Хомяк немного похудел. Аслан, наконец-то, научился читать, стал получать твёрдые тройки и даже готовился к экзаменам. Тихон окончательно решил стать сантехником и чинил во всём интернате краны и прочищал раковины уже на правах помощника трудовика. Даже у Шизика, с тех пор, как его оставили в покое, прекратились приступы.

Артём продолжал приходил к директору. Они сидели подолгу вдвоём и занимались. Теперь их занятия были чётко разбиты по дням - в понедельник русский, во вторник – математика и физика, в среду- химия и биология, в четверг – география и история, в пятницу - литература. Заниматься с директором ему нравилось – не было шумных одноклассников вокруг, плохих оценок. Даже пересказывать скучные учебники стало интересно. Директор

умел говорить о сложных и нудных вещах так, что Артём слушал его, затаив дыхание. Иногда они разговаривали с ним обо всём – о своей жизни, о его жизни.

- А жена у тебя была? – спрашивал Артём.

- Была жена. До Афгана нормально жили. Потом... - директор махнул рукой. - Я как домой вернулся, нервный был, дёрганный. Чуть что - на пол бросался от малейшего шума. Как Шизик ваш. Всё казалось - тревога воздушная, обстреливать сейчас начнут. На таких, как Аслан смотреть не мог. Психологи теперь говорят – афганский синдром! Со временем успокоился как-то.

- А сына чего бросил?

- Да как разошлись, не хотел мешать. У него отчимы были. Приходили к жене, жили с ней.

Раньше бы Артём осудил, но сейчас он просто молчал и слушал, как слушал бы своего собственного отца, которого у него никогда не было. Он даже подумал – вот было бы здорово жить вместе с директором. Но вслух об этом Артём сказать не решался.

В целом, весна началась спокойно и тихо. Пока однажды Тихон не закричал чуть ли не на всю спальню.

- Богатырь! А это не тот чинуша идёт, которому ты чуть морду не набил?

Спальня прильнула к окну. Было утро субботы – и на уроки не торопились. Артём растолкал всех и увидел, как у дверей интерната стоит тот самый молодой из департамента в коротком весеннем пальто.

- Походу, он! – крикнул Артём, - пришёл, кажись, владения свои смотреть.

- А чё ему надо вообще от нас? – спросил Аслан.

- Он интернат хочет закрыть.

- А мы куда?

- В Воскресенск. В дурку поедем.

- Да у нас тут своя дурка, - сказал Дэни и кивнул на Шизика. Все рассмеялись.

- Слушайте, а если мы ему сейчас сами дурку устроим? - предложил Тихон.

- Ты чё? Он же крутой! – Аслан повертел у виска.

- Да что он нам сделает? – пожал плечами Тихон, - надоело уже бояться всех и молчать. Это наш интернат. Не знаю, как вы, но я из него уходить не собираюсь. Психов в дурке и без нас хватает.

- Ну, в принципе, если всей спальней навалимся... Шуба говорит – всех не накажут. Когда все вместе – это уже типа забастовка, а не хулиганство, - Артём посмотрел ещё раз в окно. Молодой всё ещё стоял около дверей интерната и говорил по телефону. – Но если только всем вместе.

Парни переглянулись и закивали головами.

- Хомяк, а ты? – спросил Артём и прищурился. Тот сидел на своей постели.

- Да надоели вы уже! Ничё без меня не можете. Чуть что – Хомяк, Хомяк! Как малолетки какие! План есть или так навалимся?

- Так навалимся! – крикнул Тихон и побежал к двери первый.

- Попрощайся только со своими кранами по дороге! – крикнул Аслан, - после такого ты их долго не увидишь!

Парни весело побежали вниз, чуть не сбив с ног Косую, которая как раз поднималась из столовой, чтобы поторопить своих воспитанников.

- Куда несётесь, черти? – крикнула она, но было уже поздно.

Парни высыпали на улицу и налетели всей сворой на молодого, хорошо одетого чиновника. Они кричали и толкались, и были похожи на сорвавшихся с цепи собак, которые, наконец-то дорвавшись до свободы, носятся по лесу и не собираются возвращаться обратно на цепь. Парни бежали все вместе – и Артём ещё не видел и не чувствовал такого единства со всеми. Они, действительно, были сейчас все вместе, но уже не жались друг к другу, как щенки, а летели, словно молодые окрепшие волки, впервые затравливающие жертву.

Чиновник с перепугу выронил телефон и даже не успел открыть рот, как уже оказался за забором, куда его буквально вытолкнули парни, с победоносным криком закрыв за ним ворота.

- Вали давай, мажор! – кричали ему.

Тихон взял телефон, который тот выронил, пока спасался бегством.

- Смотрите, какой навороченный! – крикнул он. – С интернетом. Дэни, труба, как у тебя прям. Чё делать будем с ним?

- Дай сюда! – Артём взял айфон, повертел его в руках и усмехнулся, - вот такие хотел нам подкинуть.

Вокруг дорогого телефона тут же собрались парни, заглядывая в чёрный блестящий экран.

- Может, себе оставим? – несмело предложил Аслан, - звонить будем.

- Кому? – Артём размахнулся и бросил айфон через забор и крикнул, - пусть лучше он звонит своей мамочке!

Больше всех веселился Хомяк. Он снял майку, залез на забор и стал размахивать ей, как белым флагом. Только выбежавший следом дядя Миша смог загнать парней обратно в интернат.

- Слушайте, пацаны, ворота открыты были, - сказал вдруг Аслан, когда они уже были внутри, - мы же свалить могли.

Но было поздно – дядя Миша запер дверь. Уже из окна столовой они видели, как молодой чиновник сел в свою машину и уехал.

- То же мне - герои! – язвительно заметила Косая, помогавшая раздавать завтрак, но, проходя мимо, незаметно высыпала им на столик конфеты из своего кармана.

...

Через месяц после этого случая директор вызвал Артёма к себе днём. Это было странно – днём обычно директор бывал занят и не разговаривал с воспитанниками.

Артём зашёл, сел привычно на диван. Директор стоял у окна и теребил ворот рубашки.

- Я вот что хотел сказать. Тут, понимаешь, какое дело...

Артём забеспокоился – опять карты, побег, драка? Но в интернате после того случая с чиновником из департамента было спокойно.

- Понимаешь, Артём, - вдруг радостно, но как-то неестественно, воскликнул директор. - Отец твой звонил.

Артём замер. Он не сразу понял, о ком идёт речь.

- Какой отец? – переспросил.

- Ну твой. Из колонии. Освободился он. Бумаги на тебя оформляет. Забрать хочет.

- Как? Куда забрать?

- Говорит, у него мать, твоя бабка, в Коломне живёт. Дом свой. Будете там жить. С отцом будешь.

- Я никуда не поеду, - Артём встал. - Я ж не видел его ни разу.

- Ну вот и увидишь. – Директор стоял, отвернувшись к окну – единственному, не зарешечённому в интернате.

- Я не пойду, - Артём даже попятился к двери. – Я не буду с ним жить. Я здесь останусь.

- Ты это брось! – крикнул директор и повернулся, - не пойдёт он! У меня тут таких, как ты, двести штук! Да если они узнают, что у тебя отец объявился, они же... Они тебя удавят ночью... из зависти! А он не пойдёт... Радуйся!

- Я не пойду! – сказал Артём. – Я отказ напишу!

- Какой отказ! Отказ только родители пишут, а не дети. Артём! Подумай сам. Ну вернёшься ты к матери. И что? А тут – отец. Подумай! Ты теперь в любую школу пойти можешь! – директор показал на тетради Артёма, в которых он писал упражнения. - В хорошую школу! В десятый класс. Даже в институт! Всё будет, как у нормальных людей. Ты что?

- Я здесь останусь, - прошептал Артём, - мне никакой отец не нужен.

Директор подошёл к нему. Артём стоял и не двигался. Если бы раньше ему сказали, что пришёл отец, он побежал бы к нему тут же. Но теперь... он не понимал, как он будет снова жить с совершенно незнакомым человеком. Отец... Да он и не знает, что это такое. А Шуба? Он останется здесь? Один? Получается, Артём сбегает? Как Вадик, как Поинка, как Дэни? Нет. Он не мог, не хотел.

- А ты как же? – ещё раз спросил Артём.

- А что я? – ответил директор. – При чём здесь вообще я?

У Артёма вдруг закружилась голова и задрожали руки. Он не мог себе представить, что уедет, а директор, Шуба, Алексей Николаевич останется здесь.

Он попятился назад и выбежал из кабинета. Добежал до первого этажа, до входной двери и стал стучать по ней кулаками, пытаясь открыть.

- Ты куда? – крикнул охранник, - закрыто же.

- Открой! – скомандовал Артём, - открой, я сказал.

- Ты чё? Я тебе тут швейцар что ли, двери отворять? Иди давай в спальню.

- Открой, я тебе сказал!

Артём взял один из стульев, которые стояли внизу, поднял его и бросил в сторону охранника.

- Ты чё, одурел? – тот увернулся, стул пролетел мимо, ударился о стену.

Артём взял другой стул:

- Открой, я сказал! Убью!

Он бросил стул во входную дверь, коробочка с морковкой и огурцами, которые дядя Миша нарезал утром и не успел раздать воспитанникам, перевернулась, и двуцветное содержимое рассыпалось по затоптанному полу. Артём взялся за третий стул. Охранник обошёл Артёма и попытался схватить его со спины за руки, но тот обернулся, размахнулся и ударил охранника так, что тот покачнулся. Артём был в ярости. В такой ярости, которая придаёт силу и мутит разум. Сейчас не то, что охранник, сам Аслан не справился бы с Артёмом.

Он уже готов был выломать решётки на окнах, как вдруг кто-то повалил его на пол.

- Успокойся, - это был голос директора. – Полежи чуток.

Артём попытался вырваться, но директор крепко держал его за руки и за ноги.

- На меня со стулом! – говорил дядя Миша, - на меня! Да я же их сто лет знаю! Да они потом приходят ко мне. А он – со стулом!

Артём дернулся ещё, но директор держал крепко, как привык на войне.

- Иди, Миш. Не хотел он. Иди. Я справлюсь. Всё нормально будет.

- Не хотел! – продолжал ворчать дядя Миша, но отошёл в сторону, - всю морковку уронил!

Он принял собирать с грязного пола оранжевые и зелёные кусочки, складывать их обратно в коробочку.

Артём тяжело дышал, мычал, но уже не пытался встать. Директор отпустил его и сел рядом. Артём, потирая запястья, облокотился на стену.

- Что же ты творишь? Чуть интернат не разнёс, - директор покачал головой.

- Я никуда не поеду, - повторил упрямо Артём.

- Сейчас ты пойдёшь наверх. А завтра поговорим.

Директор поднялся и пошёл к себе на второй этаж. Артём долго ещё смотрел ему вслед, потом встал и подошёл к дяде Мише.

- Извини, - сказал он, - давай помою, - он кивнул на коробочку.

Дядя Миша протянул её.

- На меня! Со стулом! – он всё качал головой, пока Артём шёл в туалет мыть овощи.

...

- Я решил свалить, - сказал Артём Дэни у душевой.

Тот посмотрел на него, достал сигареты и покачал головой:

- Я – пас.

- Ты мне и не нужен. Скажи, какие тут лазейки.

- Я откуда знаю?

- Ты же как-то свалил.

- А деньги?

- Подрежу телефоны по дороге. На рынке загоню. Мне этот интернат теперь на фиг не нужен.

- Чего вдруг? Был нужен, а теперь нет?

- Короче! Поможешь?

- Через час после отбоя здесь же.

Докурили. Выбросили через окно окурки и пошли в спальню.

Бежать нужно было ночью. До утра можно было быть уже далеко отсюда, поэтому шансов, что не найдут, больше. Из интерната был только один путь. Через крышу. На крышу вёл люк, всегда запертый. Но Дэни в своём матрасе хранил запасной ключ, который когда-то он стащил у Косой, а та то ли не заметила, то ли забыла заявить о пропаже. С тех пор этот ключ хранился у Дэни и тщательно перепрятывался. Именно так он сам в своё время сбежал из интерната.

Выход на крышу находился в самом конце коридора. Встретиться решили прямо у него. Дэни откуда-то притащил две куртки.

- Зачем две? – спросил Артём.

- Я с тобой пойду.

- Брось! Твоя мать весь город на уши поставит!

- Не поставит. Я ей сообщение на телефон кину.

В толстых куртках пролезть через узкий люк было сложно, поэтому сначала пропихнули их, вытолкнули наружу, потом полезли сами. Артём - первый. Справа люка была пожарная лестница. Артём оделся и ухватился за неё. Перекинул сначала одну, потом вторую ногу. Свистнул Дэни и стал спускаться вниз. Руки скользили на замёрзшей лестнице, и Артём несколько раз чуть было не сорвался, но удержался. За время интерната он здорово вырос и окреп.

Дэни спустился вслед за ним. Дальше оставалась мелочь – перелезть через забор и пойти на все четыре стороны.

Артём не был на свободе семь месяцев - с самого распределителя, куда он попал после детдома. Дэни стоял с ним рядом. Артём смотрел на интернат

через другую сторону забора и не узнавал его. Серое панельное мрачное здание, окна в решётках и зелёный высокий забор. Интернат был похож на его собственный дом, только вместо матери и дяди Лёши здесь были парни, Косая, дядя Миша и Шуба. Но Артём вдруг почувствовал, что он хотел бы видеть их, а не мать.

- До Казанского поедем! – скомандовал Артём, - там легче потеряться. Хорошо, что куртки взял. Менты не докопаются. Меня тогда после детдома взяли, потому что я в свитере в холод был.

- Может, сначала погуляем? – предложил Дэни. – Всё равно электрички сейчас не ходят.

Артём кивнул, и они пошли в незнакомый Артёму город прочь от серых стен интерната. Шли всё дальше и дальше, уверенно и быстро, не оборачиваясь, словно отрезая себе путь обратно.

Они прошли мимо кафе. Через стеклянные двери были видны люди, которые сидели за столиками, пили кофе и ели пирожные. Парни постояли немного у дверей, принюхались – пахло шоколадом. Так много пирожных Артём не видел никогда, но сейчас ему вспоминались конфеты Косой, которые казались вкуснее, несмотря на то, что не были так красиво разложены на тарелочках.

- Пошли отсюда! – скомандовал Дэни.

На другой стороне дороги Артём заметил Макдональдс и вспомнил, как они однажды с Вадиком стреляли денег у прохожих, чтобы купить себе коктейль и гамбургер.

- Может, денег пособираем? – предложил он.

- Менты заберут, - ответил Дэни, и ребята пошли дальше. Куда – они и сами не знали.

Все в интернате мечтали о побеге, о свободе, о городе, но никто толком не знал, что им делать потом со всей своей свободой. Куда её девать? Как ей распорядиться? Жизнь воспитанников была расписана полностью, но расписана кем-то другим, не ими, поэтому, когда они оказывались вдруг на улице, то совершенно не представляли, как им жить дальше. Артём много раз видел в детдоме, как парни, которые могли запросто украсть телефон или кошелёк, не умели заваривать чай. Этому их никто не учил. И их никто не

учил, что делать, если оказался не в стае, а совершенно один, как Белый клык из повести Джека Лондона. Артём чувствовал себя сейчас этим одиноким полуволокном, и ему впервые стало по-настоящему страшно. Этот страх оказался намного сильнее страха перед сильным Асланом, непредсказуемым Хомяком, страхом перед полицией или перед ожесточённой толпой. Артём понял, что теперь будет – он оказался в городе, где до него никому нет абсолютно никакого дела.

Он шёл и заглядывал в чужие квартиры на первых этажах. У кого-то горел свет, кто-то пил чай на кухне, кто-то смотрел телевизор. Старый дед читал газету в больших шерстяных носках, хотя было уже не так холодно. Женщина жарила что-то в сковородке, и Артёму казалось, что он чувствует приятный запах. Дети ссорились из-за игрушечной железной дороги. Все эти люди жили одинаково - в тепле, при свете, вместе. Они могли выходить на улицу, мёрзнуть, а потом возвращаться к себе домой, греться, ставить чайник, ужинать, разговаривать. Артём вдруг так ясно понял, чего бы хотел на самом деле - приходиться домой и включать вот так свет на кухне. А ещё он понял, что все хотят того же, даже Дэни, поэтому он и сбежал к отцу. Он хотел приходиться к нему и включать на кухне свет.

В конце улицы виднелось большое здание из красного кирпича. На фасаде крупными, но уже немного стёршимися буквами было написано – «Красное знамя».

- Что это такое? – спросил Артём и остановился.

- Это старая фабрика, - ответил Дэни, - она уже лет сто не работает. Однажды горела – зарево на всё Раменского было! Говорят, её какой-то американец купил и свалил. Теперь стоит заброшенная. Я, когда мелкий был, по цехам лазал. Говорят, там подвалы есть, а в этих подвалах золото зарыто. Когда церковь строили, половину икон украли и на фабрике зарыли. Только никто пока не нашёл. Хочешь залезем?

Дэни действительно полез на забор. Артём смотрел на гигантскую, занимавшую половину улицы, тёмно-красного цвета фабрику. Она была похожа на Ухтомку, словно была сестрой Люберецкого завода. Артём подошёл к Дэни и рассмеялся.

- Ты чего? – тот уже сидел на заборе и удивлённо смотрел на друга.

- До меня только что дошло, почему я оказался здесь, - ответил Артём, - это всё он.

- Кто?

- Завод! Ухтомка. Я же сам говорил, что нельзя туда влезать. Всю жизнь к чёрту пойдёт. Вот и пошла!

Дэни пожал плечами и слез с забора:

- Ну как хочешь!

Они свернули с главной улицы, оставив позади и кафе, и дома, и Макдональдс, и фабрику и оказались в парке аттракционов. Никого не было, парни перелезли через забор, сели рядом в большие качели-лодочки и стали раскачиваться. Потом устали, упали на сиденье и закурили. Качели всё раскачивались по инерции, но уже тише и тише.

- У меня отец вернулся, - сказал Артём то, что хотел сказать с самого начала их побега.

- Поэтому ты свалил? – удивился Дэни. – Я думал, ты его ждал.

- Я ждал. Но потом перестал.

- Почему?

- Не знаю. Наверное, это из-за Шубы. Я думал, что...

- Что он тебя усыновит? – усмехнулся Дэни. – Все думают, что их усыновят. Но усыновляют только из детдомов. Из интернатов никого ещё не забрали. Даже Шуба. Так что радуйся, что твой отец за тобой пришёл.

Артём ничего не ответил. Он уже и не слушал Дэни. Он лежал и смотрел на весеннее небо. Через несколько часов в интернате прозвучит подъём. Зайдёт Косая, начнёт всех подгонять. Увидит, что Артёма и Дэни нет. Позвонит директору. Артём представил, как все переполошатся. Опять побег... Начнутся обыски, начнут запирать спальню на ночь, Хомяк, осмелев и потолстев, начнёт беспределить – карты, побои. Тихон снова будет на побегушках – придётся забыть про краны. Шизик... Почему-то при мысли о Шизике всё внутри у Артёма сжалось. Тот только успокоился, его приступы почти прекратились, а теперь, без Дэни и Артёма... А Шуба? Его точно снимут с должности. А интернат?

Артём вздохнул, но о своих мыслях ничего не сказал.

А Дэни думал о маме. Когда он увидел прошлый раз, как она плачет из-за него, не из-за каких-то там мужиков, а из-за него... Наверное, поэтому он тогда не стал связываться с Хомяком. Размяк как-то от маминых слёз.

Вдали уныло загудел поезд – значит, рядом был вокзал. Парни встали, дошли до него, залезли на платформу, увидели стоящую электричку, которая вот-вот тронется в путь и увезёт их далеко отсюда и, может быть, навсегда, постояли немного, а потом, не сговариваясь, словно так и было нужно, направились в сторону интерната.

Через несколько часов они вернулись домой и через крышу залезли обратно. Сняли куртки, и Дэни отнёс их в шкаф. Спать уже не ложились и до подъёма стояли, и курили у душевой.

- А что с твоим дружкой делать будешь? – спросил Артём.

- Я с ним встречусь, как выйду отсюда.

- Он, небось, в тюрьме подкачался.

- Я тоже здесь не балду гонял. Надо будет – завалю его.

- Смотри, не сядь.

- Не сяду. Я с матерью теперь жить буду. Возьми себе, - Дэни протянул ключ от люка Артёму, - если вдруг захочешь вернуться.

...

Собирать Артёму было нечего – своих вещей в интернате ни у кого не было. Отец должен был прийти после завтрака. Артём стоял в спальне у окна, смотрел через решётку на привычную картину - двор, залитый светом фонаря, зелёный забор, лужи кругом и курил, уже не таясь. До подъёма оставалось ещё два часа.

- Ты ч-чё? – проснулся Шизик и встал рядом с Артёмом.

- Ничего. Спи. Суббота же.

- А т-ты?

- Сейчас лягу.

- Я с т-тоб-бой.

- Ты чего испугался?

- Не зн-знаю. На меня ин-ногда перед п-приступами нак-катывает.

- Не бойся. Не будет у тебя больше приступов.

Артём уложил Шизика, накрыл его одеялом и сел рядом с ним на кровать.

- Меня Шуб-ба об-обещал п-пристроить в т-техник-кум, - сказал уже лёжа Шизик. - Он меня люб-бит. За мной к-как-то менты п-приез-зжали, хот-тели в д-дурку заб-братъ. Там к-как раз место освоб-бод-дилось – сд-дох, на-наверное, к-кто-то. Но Шуб-ба не дал. Он их д-даже не п-пустил. С тех пор меня н-не т-тр-рогают. Он хо-хор-роший. Т-только од-дино-окий и не-несчаст-тный, к-как и мы, - Шизик с трудом закончил свою фразу. Таких длинных предложений Артём от него не слышал раньше никогда. Он посмотрел на Шизика, и сердце его опять болезненно сжалось.

- Мы не одиноки. У меня есть ты, Дэни, Тихон, Аслан и даже Хомяк. А у тебя все мы. И больше тебя никто не тронет. Я обещаю.

Шизик закрыл глаза, а Артём сел на пол рядом с его кроватью. Значит, директор и не собирался сдавать Шизика в дурку. Зачем же он тогда пугал этим? Читать заставлял, уроки с ним делал. А теперь прогоняет? Шизика обещал пристроить учиться, Тихона взять работать. Аслану, который, наконец-то, научился читать и писать, обещал помочь с экзаменами. Дэни уговорил видеться с матерью по воскресеньям. И только его, Артёма, он выгонял. Куда? Артём посмотрел туда, куда не смотрел никогда – за забор. Что там – в чужом и незнакомом городе?

Отец пришёл после завтрака. Артём увидел маленького худого щуплого человечка. У них в интернате он, наверняка, был бы шестёркой.

- Тёмчик, не узнал? – сказал человечек, и Артём тут же вспомнил его голос, врезавшийся в детскую память. Отец только так его и называл – Тёмчик.

На этот раз он уходил из интерната совершенно законно, с разрешения директора, а парни прилипли к окнам. Артём не оборачивался, но он знал – они смотрят и думают, как он сам думал, когда забирали из детдома Миху – «Я тоже уйду».

- Бабке позвонил. Ждёт нас, – говорил отец. – Она бы тебя забрала, но ходит плохо. Не встаёт почти. Там дом у нас. Комната для тебя приготовлена. На работу устраюсь. Деньги будут. Нам с тобой хватит. На маму не злись. У баб свои законы. Они правы. Это мы, мужики, во всём виноваты. Но мы с тобой нормально жить будем. Как все живут.

- А как все живут? – спросил Артём.

Отец не ответил. Откуда он мог знать?

- Подожди здесь! – крикнул ему Артём и побежал обратно.

Он вбежал в интернат, бегом поднялся на второй этаж, в знакомый кабинет директора, и остановился в дверях.

- Ты чего? – удивился тот.

- Я остаюсь! – сказал Артём.

Директор подошёл к нему, взял его за плечи и вдруг прижал к себе. Он обнял его крепко, так, что у Артёма перехватило дыхание и защемило под ребром. Глазам вдруг стало больно, и он заморгал быстро-быстро, смахивая появившиеся вдруг слёзы.

- Артём, - говорил директор, - всё будет хорошо. Иди, не бойся! У тебя теперь есть отец, а это знаешь, как много! Как это много! Ты выдержишь. Ты обязательно всё выдержишь и будешь жить. Поверь мне.

- Как же интернат? – тихо спросил Артём.

- Да никуда он не денется. Пока я здесь – будет и интернат.

- А когда тебя не будет?

- Тогда ты приходи.

- У меня же отец сидел.

- А мы никому не скажем! – подмигнул директор.

Артём незаметно вытер слёзы и крепко пожал Шубе руку.

- Иди! – директор похлопал своего бывшего воспитанника по плечу, - тебя там ждут, - он кивнул в сторону улицы.

Отец стоял на том же самом месте, где оставил его Артём.

- Я тебе дома суп сварю – ты такой в интернате не ел. – Он заговорил быстро, словно боясь, что сын опять убежит, - мы в колонии варили. Из всего, что под рукой было. Обалдеешь!

Они шли не спеша, завернули за угол, и интернат остался далеко за их спинами. Было уже совсем тепло, и глаза слезились от яркого солнца. Артём закрыл их и случайно дотронулся до руки отца. Он шёл с ним рядом по незнакомой улице, по городу, который только предстояло узнать, но почему-то ему казалось всё, что встречалось на пути, родным, точно он так уже шёл, только давно, и забыл об этом. А сейчас начал вспоминать.

Директор смотрел в своё окно без решёток и сквозь новые зелёные листья дерева видел две совершенно не похожие друг на друга фигуры – отца и сына. Одна фигура маленькая, сгорбленная, вторая – высокая и сильная. Фигуры скрылись, а директор ещё долго смотрел на безлюдную дорогу, по которой в его интернат скоро придут новые волчата.